

**ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛТЕТИ ҲУҚУҚШИНОСӢ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ҲАЁТИ ҲУҚУҚӢ
ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ**

Январ – март 2026, № 1 (53)

Январь – март 2026, № 1 (53)

Маҷаллаи илмӣ – иттилоотии «Ҳаёти ҳуқуқӣ» («Правовая жизнь») соли 2013 таъсис додашуда, дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон (шаҳодатномаи №312/МЧ – 97 аз 27 – уми ноябри соли 2023) ва Маркази байналмилалӣ ISSN (ISSN 2307 – 5198) ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла ба Шохиси илмии тақризшавандаи Россия аъзо буда, ба Феҳристи маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Вазорати илм ва таҳсилоти олии Россия ва ба Феҳристи маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ворид карда шудааст.

Научно – информационный журнал «Правовая жизнь» (Ҳаёти ҳуқуқӣ) создан в 2013 г. и перерегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан (свидетельство №312/МЧ – 97 от 27.11.2023г.) и Международным центром ISSN (ISSN 2307 – 5198).

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования, включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ и Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан.

Душанбе – 2026

Муассис: Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ
Учредитель: Таджикский национальный университет, юридический факультет
Сармуҳаррир: Ш. К. Гаюризода — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Главный редактор: Ш. К. Гаюризода — доктор юридических наук, профессор

Ҳайати таҳририя:

Маҳмудзода М.А. — академики АМИТ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Насриддинзода Э.С. — узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Иброҳимов С. И. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Гадоев Б. С. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Гафурзода А. Д. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Диноршох А.М. — котиби масъул, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Малко А. В. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор (Россия);
Муртазозода Ҷ.С. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Шарофзода Р.Ш. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Мачидзода Ҷ. З. — муовини сармуҳаррир, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;
Мирзамонзода Х. М. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

Редакционная коллегия:

Маҳмудзода М.А. — академик НАНТ, доктор юридических наук, профессор;
Насриддинзода Э. С. — член-корреспондент НАНТ, доктор юридических наук, профессор;
Иброҳимов С. И. — доктор юридических наук, профессор;
Гадоев Б. С. — доктор юридических наук, профессор;
Гафурзода А. Д. — доктор юридических наук, профессор;
Диноршох А.М. — ответственный секретарь, доктор юридических наук, профессор;
Малько А.В. — доктор юридических наук, профессор (Россия);
Муртазозода Дж.С. — доктор юридических наук, профессор;
Шарофзода Р.Ш. — доктор юридических наук, профессор;
Маджидзода Дж. З. — зам. главного редактора, доктор юридических наук, профессор;
Мирзамонзода Х. М. — доктор юридических наук, профессор.

Шохиси обунавии маҷалла: 77735

Подписной индекс журнала: 77735

Маҷалла дар се моҳ як маротиба бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ чоп мегардад
Журнал выходит один раз в три месяца на русском и таджикском языках

Нишонии маҷалла: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17

Телефон ва дигар воситаҳои алоқа: (+992 37) 2 21 77 11, www.law.tnu.tj,

www.pravovayazhizn.tj

Телефоны и иные средства связи: (+992 37) 2 21 77 11, www.law.tnu.tj,

www.pravovayazhizn.tj

©Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2026 © Ҳайати муаллифон, 2026

©Таджикский национальный университет, 2026 © Коллектив авторов, 2026

МУНДАРИЧА – СОДЕРЖАНИЕ

I. ИЛМҲОИ НАЗАРИЯВӢ – ТАЪРИХИИ ҲУҚУҚӢ (ИХТИСОС: 5. 1. 1)

I. ТЕОРЕТИКО – ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 1)

Холиқзода А. Ғ., Холиков Н. А. Центр арийской цивилизации и эволюции национально-правовой идентичности таджикского народа.....5-18

Ганизода Ш. А. Понятие и признаки цифровизации: теоретико-методологические подходы.....19-33

Исмаилов Ш. М. Трансформация института юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде.....33-49

II. ИЛМҲОИ ОММАВӢ – ҲУҚУҚӢ (ДАВЛАТӢ – ҲУҚУҚӢ) (ИХТИСОС: 5. 1. 2)

II. ПУБЛИЧНО – ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО – ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 2)

Раҳимзода М.З., Сангинзода Д.Ш. Ҳифзи ҳуқуқҳои занон ва шахсони дорон уҳдадорҳои оилавӣ дар муносибатҳои меҳнатӣ.....50-64

Сафарализода Д. С. Амнияти иттилоотӣ ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон дар ҷомеаи иттилоотӣ: дар мисоли таҷрибаи давлатҳои хориҷӣ.....65-78

III. ИЛМҲОИ ХУСУСӢ – ҲУҚУҚӢ (МАДАНИӢ) (ИХТИСОС: 5. 1. 3)

III. ЧАСТНО – ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 3)

Гаюрзода Ш. К. Анонимность - объект гражданских прав.....79-93

Қурбонализода Н. Ш., Раҳмон С. С. Тарзҳои алоҳидаи ҳимояи ҳуқуқҳои маданӣ.....93-106

**IV. ТАҚРИЗҲОИ ВОРИДШУДА
IV. ПОСТУПИВЩИЕ РЕЦЕНЗИИ**

Сангинзода Д. Ш. Научный подвиг на переломе эпох: к 35-летию монографии В.А. Ойгензихта (Рецензия на монографию В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве». - Душанбе: «Ирфон», 1991. – 176 с.).....107-130

**V. ҚОИДАҲО БАРОИ МУАЛЛИФОН
V. ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ**

Ӣ.ИЛМҲОИ НАЗАРИЯВӢ – ТАЪРИХИИ ҲУҚУҚӢ (ИХТИСОС: 5. 1. 1)

I. ТЕОРЕТИКО – ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 1)

УДК: 34 (575.3) + 342. 2

ЦЕНТР АРИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

ХОЛИКЗОДА АБДУРАХИМ ГАФОР,

директор государственного учреждения «Центр исламоведения при Президенте Республики Таджикистан», доктор юридических наук, профессор,

ХОЛИКОВ НУРМУХАММАД АБДУРАХИМОВИЧ,

заведующий кафедрой права факультета права и таможи Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат юридических наук

В статье анализируются теоретические и исторические аспекты создания в городе Душанбе, Республики Таджикистан Центра арийской цивилизации. По мнению авторов, устойчивость и долговременное развитие любой мировой державы объективно обусловлены наличием развитой и справедливой системы права, выступающей фундаментом социальной стабильности, политической легитимности и цивилизационного прогресса.

Ключевые слова: арийская цивилизация, права, государства, история, таджикский народ, государственная политика, правовая система, Президент республики, самоидентификации нации, суверенитет, механизмы обеспечения, сохранения, направления, вопросы, этапы, формирование.

**МАРКАЗИ ТАМАДДУНИ ОРИЁӢ ВА ИНКИШОФИ ШИНОХТИ
МИЛӢ – ҲУҚУҚӢИ ХАЛҚИ ТОЧИК**

ХОЛИҚЗОДА АБДУРАҲИМ ҒАФОР,

**директори муассисаи давлатии «Маркази исломшиносии назди
Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон», доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ,
профессор,**

ХОЛИҚОВ НУРМУҲАММАД АБДУРАХИМОВИЧ,

**мудири кафедраи ҳуқуқи факултети ҳуқуқ ва гумруки Донишгоҳи
байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, номзоди илмҳои
ҳуқуқшиносӣ**

Дар мақола ҷиҳатҳои назариявӣ ва таърихӣ таъсис дар шаҳри Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон Маркази тамаддуни ориёӣ таҳлил шудааст. Аз ақидаҳои муаллифони бармеояд, ки инкишофи устувор ва дарозмуддати ҳар як давлат бо низоми пешрафта ва одилонаи низоми ҳуқуқӣ вобастагӣ дорад, ки асоси бунёдии устувории иҷтимоӣ, қонунӣ будани сиёсат ва рушди маданӣ мебошад.

Калидвожаҳо: тамаддуни ориёӣ, ҳуқуқ, давлат, таърих, халқи тоҷик, сиёсати давлатӣ, низоми ҳуқуқӣ, Президенти ҷумҳурӣ, худшиносии миллӣ, соҳибхитиёрӣ, механизми таъмин, нигоҳдорӣ, самт, масъала, давраҳо, таъсисёбӣ.

**CENTER OF ARYAN CIVILIZATION AND EVOLUTION OF NA-
TIONAL-LEGAL IDENTITY OF THE TAJIK PEOPLE**

HOLIKZODA ABDURAKHIM GAFOR,

**director of the State institution "Center of Islamic Studies under the President
of the Republic of Tajikistan", doctor of Law, professor,**

HOLIKOV NURMUKHAMMAD ABDURAKHIMOVICH,

head of the Department of Law at the Faculty of Law and Customs of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, candidate of law

The article analyzes the theoretical and historical aspects of the creation of the Center of the Aryan Civilization in the city of Dushanbe, the Republic of Tajikistan. According to the authors, the stability and long-term development of any global power are objectively determined by the presence of a developed and fair legal system, which serves as the foundation for social stability, political legitimacy, and civilizational progress.

Keywords: Aryan civilization, rights, states, history, Tajik people, state policy, legal system, President of the Republic, national self-identification, sovereignty, mechanisms for ensuring and preserving, directions, issues, stages, and formation.

В Послании Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли от 16 декабря 2025 года среди приоритетных направлений государственной политики особое внимание уделено вопросам сохранения исторической памяти и достойной оценки достижений предков таджикского народа. В этой связи была поставлена задача по созданию в городе Душанбе Центра арийской цивилизации. Ещё двадцать лет назад, в связи с объявлением 2006 года Годом арийской цивилизации, одним из авторов настоящей статьи была опубликована научно-популярная работа под названием «Арийская правовая цивилизация в контексте формирования национального самосознания». С течением лет были подготовлены десятки других статей и исследований в данном направлении. Теперь же очередная инициатива уважаемого Лидера нации вновь побудила обратиться к теме той статьи 2006 года, которая по просьбе друзей была опубликована как в периодической печати, так и в научных журналах и получила положительный отклик, пересмотреть её с новой точки зрения и, по мере возможности, дополнить новыми мыслями в связи с новой инициативой Руководителя государства. В результате была подготовлена новая статья, ставшая продолжением прежней работы.

Патриотизм и историческая преемственность как духовно-правовые основания самоидентификации нации и реализации её конституционной миссии.

«Мы не имеем права под влиянием крикливых голосов внутренних и внешних провокаторов игнорировать или отрицать тысячелетнюю историческую судьбу своего народа, берущую начало из истоков арийской цивилизации. Мы никогда не были и не будем сторонниками национального или расового превосходства. Каждый народ имеет духовное право изучать свои подлинные корни, знать историческую реальность и использовать опыт прошлого при построении цивилизованного общества», Эмомали Рахмон – Президент Республики Таджикистан, 2006 г.

История каждого народа, обладающего глубокими историческими корнями, содержит бесценное сокровище познания и является золотым источником уроков. Независимо от того, мал этот народ по численности и территории или велик, играл ли он решающую роль в разные эпохи наряду с существующими государствами или нет, его история во всех отношениях необходима и поучительна для будущего развития данного народа, для сохранения его национального и государственного суверенитета.

Современная турбулентность международных процессов и возрастающие вызовы, стоящие перед национальными демократическими государствами, наглядно подтверждают, что патриотизм и уважение к историко-культурному наследию являются ключевыми факторами национальной самоидентификации и реализации конституционной миссии народа. Отсутствие системного осмысления исторического опыта нации и его гармонизации с фундаментальными демократическими и конституционными задачами политической нации существенно ослабляет механизмы обеспечения государственного суверенитета.

Как бы мы ни стремились к просвещению и реформам, как бы ни изучали и ни перенимали передовой опыт других народов (что, безусловно, необходимо, но в определённых пределах) и ни использовали его в своих интересах, мы всегда остаёмся продолжением прошлого таджикской нации и основой для будущих поколений. Эта историческая миссия таджикского народа чётко подчеркнута во вступительной части Конституции Республики Таджикистан: « **МЫ, НАРОД ТАДЖИКИСТАНА**, являясь неотъемлемой частью мирового сообщества, считаем себя ответственными перед прошлыми, нынешними и будущими поколениями, понимая необходимость обеспечения суверенитета и развития своего государства, признавая незыблемыми свободу и права человека, уважая равноправие и дружбу всех

наций и народностей, ставя задачей создание справедливого общества.....» [1, с. 69].

Арийская цивилизация как историко-культурный источник формирования государственности, правотворчества и рационального научного мышления.

Таджики принадлежат к древним народам арийского мира, которые несут на своих плечах более чем четырёхтысячелетнее бремя цивилизации государственности, права и правотворчества передовых племён на исторической земле предков (Исторический Таджикистан – регионы, где издревле проживали таджикоязычные народы и формировалась таджикская государственность) и на современной территории. В разные эпохи таджикская ветвь арийского народа находилась у истоков интеллектуальных и духовных революций арийской цивилизации, выступала создателем высокой культуры, великих держав, справедливого права, нравственной этики, гуманистической философии и науки, служащей во благо человечество.

В действительности бесспорной и достойной гордости является истина о том, что «наши выдающиеся предки, то есть арийцы, оставили в наследство мировому сообществу язык и культуру, науку и искусство, богатые гуманистические обряды и традиции, в том числе Навруз, а также передовые традиции государственности, то есть вечную цивилизацию и культуру.» [2, с. 32].

Передовой опыт управления и правотворчества, основанный на интеллектуальной силе творческого арийского этноса, ещё во II-I тысячелетиях до нашей эры оказал влияние на развитие древнейших цивилизаций мира, продемонстрировав культурное многообразие и различные пути развития человеческих обществ наряду с шумеро-аккадской, египетско-вавилонской, китайско-индийской, иудейско-эллинской и другими цивилизациями, оставив высокие правовые традиции и уникальный опыт государственности.

Большинство достижений, идей и рациональных принципов организации общественной жизни, обеспечения мира и стабильности между народами, формирования системы политического управления, установления гармоничного взаимодействия с природой и животным миром [12, с. 70], а также защиты первоначальных прав человека [4] оказали существенное влияние на развитие правовых культур Древнего Рима, Индии и Древней Греции. Эти достижения распространялись различными историческими путями и сыграли значимую роль в становлении соответствующих цивилизационно-правовых традиций.

Более того, преодолев тысячелетнюю историческую дистанцию, значительная часть идей и теоретических оснований понимания справедливости, истины и равенства, сформированных нашими предками, сохраняет свою научную и общественную значимость. В сложных исторических условиях они продолжают выступать ориентиром верного и созидательного развития, а также служат проводниками гуманистических и справедливых начал для современного общества и будущих поколений. Неудивительно, что содержание и принципы этих достижений различными путями проникли в правовые системы современных государств и продолжают служить прогрессивному человечеству.

Предательское отношение к истории арийских народов азиатского региона, хотя и лишило их наследников значительной части важнейших письменных свидетельств предков в периоды нашествий политико-религиозного фанатизма, тем не менее не уничтожило научно-содержательных доказательств их преемственности в последующих культурах. Эти доказательства сохранились в форме устойчивых и подвижных научных гипотез, представляющих значительный материал для осмысляющего научного познания. Неведение и некритичное доверие отдельных ученых к чужим интерпретациям, привели к тому, что крупнейший исторический источник по истории нации Авеста был объявлен мифом, а изучение истории Каёнидов оказалось забытым, что непростительно [7, с. 7].

Исследователи, такие как Дюперон, Бахофен, Бенвенист, Бартоломе, Бойс, Кристенсен и другие представители научных школ различных регионов мира, были глубоко заинтересованы в изучении зороастрийской цивилизации и системы управления этого древнего этнокультурного сообщества, представив читателям свои научные размышления о древних государствах персидско-таджикского мира. Данные исследования преимущественно опирались на лингвистические, религиозные и культурные элементы, а также на государственно-политический опыт более поздних держав, таких как Ахемениды и Сасаниды, косвенно свидетельствуя о существовании великих государств древности. Однако, несмотря на благожелательный и научно значимый подход указанных мыслителей, реальная историческая линия государственности таджикского народа длительное время не имела достаточных научных и политико-историографических оснований для выхода за пределы эпохи политического могущества Ахеменидов, то есть для обращения к более ранним этапам, предшествовавшим им, включая мидийский период и другие признанные политические центры древнего мира.

В этой связи уважаемый Лидер нации, возглавив процесс исправления указанных крупных исторических искажений, ставит перед научным сообществом и обществом в целом задачи по смелому, беспристрастному и объективному изучению собственной истории, восполнению исторических пробелов в национальной памяти и восстановлению достижений предков, составляющих неотъемлемое историческое право таджикского народа. Несомненно, в процессе изучения богатой и многовековой истории таджикского народа и его древней цивилизации на протяжении длительного времени негативную роль играли как методологические перекосы и произвольные интерпретации исторического материала, так и практики уничтожения исторических источников в периоды завоеваний, а также случаи некорректного присвоения культурно-исторического наследия в отдельных научных интерпретациях. Совокупность этих факторов со временем сформировала ряд устойчивых историографических проблем, затруднивших объективное научное осмысление прошлого.

Негативные последствия разрушения и уничтожения иностранными завоевателями историко-культурных памятников таджикского народа до настоящего времени нередко обуславливают восприятие великого культурного наследия его древней цивилизации преимущественно в форме легенд и мифологических повествований. По этой причине ранние формы государственности, воспетые в трудах выдающихся представителей исторической традиции и в бессмертных эпических произведениях, длительное время рассматривались как мифологические сюжеты вследствие предполагаемого отсутствия письменных и источниковедческих подтверждений.

Героическое становление данного народа в эпоху древних Пешдаидов и Кейянидов находило отражение не только в интерпретациях отдельных зарубежных авторов и хронистов, но и в ряде работ отечественной историографии, в которых соответствующие исторические сюжеты нередко рассматривались преимущественно в мифологическом ключе.

С этой точки зрения усилия, направленные на объективное научное изучение арийской цивилизации и восстановление исторической памяти таджикского народа в древнейший период его развития, представляют собой исключительно важную научную инициативу, способствующую преодолению многовековых историографических искажений и более достоверному осмыслению подлинного наследия древних предков данного народа.

Очевидно, что в исторической памяти нашего народа по-прежнему сохраняется значительный пласт уникальных достижений и интеллектуальных потенциалов наследия предков, которые до настоящего времени не получили всестороннего, системного и объективного научного осмысления. Их глубокое и беспристрастное изучение способно активизировать в духовно-ценностной структуре нации устойчивые позитивные мировоззренческие установки, ориентированные на самосохранение, созидательное развитие и укрепление национальной идентичности.

В условиях исторической нестабильности подобные духовно-идеологические ориентиры для подрастающих поколений народа являются жизненно необходимыми и выполняют функцию своеобразного защитного интеллектуального и ценностного щита.

Принцип ответственности государственной власти перед народом, а также практика общественной легитимации верховной власти находили отражение уже в политико-правовой традиции правителей пешдадидской и кейянидской династий [8, с. 44–45]. Указанные традиции включали признание публичной ответственности носителей политической власти перед обществом [11, с. 58–88], а также закрепление принципа меритократии при формировании системы государственного управления [3].

В современный период данные принципы получили нормативное закрепление и признание в качестве универсальных правовых ценностей. Они реализуются посредством института общественной легитимации государственной власти, механизмов подотчётности органов публичной власти и обеспечения справедливого рассмотрения обращений граждан в рамках демократических форм государственного управления. В современных правовых государствах данные положения рассматриваются как фундаментальные достижения конституционализма и правовой культуры Нового времени.

Вместе с тем историко-правовой анализ свидетельствует о более раннем происхождении указанных принципов. Их элементы прослеживаются уже в III–II тысячелетиях до н. э. в практике осуществления государственной власти царём Джамшедом Пешдадидом, а также в управленческой деятельности правителей кейянидской, ахеменидской и сасанидской государственности. Реализация данных принципов осуществлялась в различных институциональных формах, обусловленных конкретными историческими, социально-политическими и территориальными условиями развития государственности.

Признание и провозглашение основных прав и свобод человека, уважение к свободе передвижения, свободе совести, свободному выбору места жительства, неприкосновенности жилища и частной жизни, а также пропаганды правовой толерантности, политического и культурного плюрализма, которые объявляются достижением современной западной цивилизации и чьи исторические корни связываются с такими документами, как Великая хартия вольностей 1215 года и английский Билль о правах XVI века [5, с. 275-293], как выясняется, уже в 539 году до н. э. были зафиксированы, провозглашены и защищены в форме первоначальной декларации культурного многообразия и уважения к первичным правам человека в цилиндре Кира Великого [13].

Провозглашение принципа равноправия мужчины и женщины в брачно-семейных отношениях, а также применение практик правового регулирования их равноправного статуса в социальной сфере, которое в европейской историографической традиции принято рассматривать как отправную точку «западного феминистского движения XVIII века» [17] и связывать с принятием «Декларации прав человека и гражданина Франции 1789 года» как первого юридического акта, закрепившего данное общечеловеческое достижение, фактически имело место задолго до этого. Анализ историко-правовых источников свидетельствует о том, что подобные нормы уже за несколько столетий до европейских преобразований применялись нашими предками на уровне повседневных правовых отношений.

Так, обнаруженный на горе Муг письменный источник — «Брачный договор Дугдончо и Уттегин 710 года» [9] — чётко и недвусмысленно закрепляет принцип равенства прав женщины и мужчины не только в сфере брачно-семейных отношений, но и в хозяйственно-имущественной деятельности. Указанный документ прямо предусматривает конкретные права, обязанности и полномочия сторон, что свидетельствует о развитом характере правового регулирования гендерного равноправия в системе древней социальной и правовой практики таджикского народа.

Опыт административной системы Сасанидов и Саманидов [15], законодательство Вандидода [11], «Кодекс Сасанидов» [14], практика дивана «Мазолим» (прообраз современного института омбудсмана), ценности «Наставления Тахира ибн Хусейна» [16] и сотни других правовых источников наших предков, содержащих тысячи духовных и гуманистических достижений и человеколюбивых правовых норм, отражающих высокий организационный уровень государственности и

правотворчества предков нашего народа со времён арийской цивилизации и последующих эпох, в течение долгого времени не получали должного признания вследствие исторической несправедливости, недооценки и недостаточного научного внимания. Именно поэтому уважаемый Лидер нации совершенно справедливо призвал нас: «Мы обязаны не только гордиться всемирным наследием наших предков, но и владеть им, изучать, продолжать и передавать будущим поколениям как бесценное сокровище, формирующее национальную идентичность» [2, с. 32].

Арийская цивилизационная традиция и генезис принципов формального, рационального и справедливого права.

Кодификация законодательства впервые в истории права была осуществлена Киrom Великим в 539 году до н. э. Эта кодификация и систематизация правовых норм и актов по своему содержанию стала первой попыткой упорядочения правовых предписаний в зависимости от объекта регулирования общественных отношений, первым рациональным соотношением политики с правовыми нормами и сыграла заметную роль во взаимодействии правовых традиций древних цивилизаций, развитии дипломатических отношений между государствами и преемственности рационального развития права в древнем мире. Единая кодификация законодательства Кира Великого, продолженная Дарием I в форме объединения царских законов (Olmstead 1948, p. 128), посредством правовых норм объединила первую мировую империю в виде федеративного образования на обширном пространстве трёх континентов - Азии, Африки и части Европы - включавшем около 20 сатрапий и более 70 народов и этносов [6, с. 54].

Правовая система данной федерации, помимо царских законов (дад), единообразно обеспечивавшихся во всех сатрапиях, в зависимости от характера цивилизованных народов и этносов отличалась многообразием и сохраняла свободу их древних обычаев и традиций, о чём свидетельствуют документы судебных разбирательств (Figulla 1951: 95) [6, с. 81]. Высший образец царского права и справедливости ахеменидского законодательства мы наблюдаем в цилиндре Кира Великого. Политико-правовое пространство этой великой федерации арийской цивилизации полностью или частично охватывало территории 26 современных государств мира (19 стран Азии, 3 государства Африки и 4 страны Европы).

Правовые системы государств арийской цивилизации, прежде всего Ахеменидской и Сасанидской держав, сформировавшиеся до ста-

новления исламской правовой традиции, по своей структурной организации и нормативному содержанию преимущественно характеризовались признаками формально институционализированного и содержательно рационализированного права. Их нормативно-ценностная направленность была обусловлена идеями космического и социального порядка, выразившимися в стремлении к устранению несправедливости, преодолению беззакония и утверждению принципов справедливости, праведности и нравственного благочестия как фундаментальных оснований правового регулирования общественных отношений.

Следует отметить, что в допосредневековый период правовые системы древневосточных государств, включая государства арийской цивилизационной традиции, наряду с рационально организованными нормативными конструкциями в отдельных случаях включали элементы неформального и иррационального правового регулирования, тесно связанные с религиозно-мифологическими представлениями и традиционно-обычными нормами. Однако данные элементы, несмотря на их культурно-историческую значимость, в целом не определяли системообразующий характер правовых порядков соответствующей эпохи, в которых доминировали идеи нормативной упорядоченности и этико-правовой рациональности.

В контексте современной теории правовых семей правовые системы государств арийской цивилизации могут рассматриваться как самостоятельная древняя цивилизационно-правовая традиция, оказавшая значительное влияние на последующее развитие евразийских правовых культур. Их исследование, включая анализ источников права, правовых институтов и базовых принципов правового регулирования, позволяет не только реконструировать генезис ранних форм государственно-правовой организации, но и выявить философско-правовые основания формирования универсальных представлений о справедливости, законности и нравственной легитимации власти. В этой связи изучение арийской правовой традиции приобретает важное значение для углубления сравнительно-правовых исследований и развития цивилизационного подхода в современной юриспруденции.

Несмотря на то, что последующие трагические события мировой истории привели к утрате значительной части правовых источников данной развитой правовой семьи и одной из величайших держав древности, сведения о своде законов ахеменидских царей сохранились в ряде авторитетных историко-религиозных и письменных источников. Упоминания о нём содержатся в священных текстах библейской традиции,

древних эпиграфических памятниках (в частности, в Бехистунских надписях и других источниках) [6, с. 74], а также в трудах выдающихся мыслителей и историков античного мира — Платона, Геродота, Ксенофонта и других авторов, в которых отражены особенности государственно-правового устройства и нормативной системы Ахеменидской державы.

К числу древнейших правовых понятий авестийско-ахеменидского происхождения относятся термины «дад» (позднее — «дод») — закон, «хазорапта» — военачальник, командующий тысячным подразделением войска, «дадбара» («додбар») — судья, «хшатрапаван» — правитель сатрапии, «ханджамана» (в современной форме — «анжуман») — общее собрание членов рода или населения определённой территории. Указанные правовые категории формировались в эпоху древней арийской цивилизации и, пройдя многовековую историческую эволюцию, сохранили своё лексико-правовое отражение в современном таджикском языке.

Модель законодательного регулирования Ахеменидской державы в определённой степени опиралась на более ранние правовые традиции Древнего Востока, включая законодательную практику Вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) [6, с. 74]. В дальнейшем отдельные принципы систематизации правовых норм, сформировавшиеся в восточных правовых традициях, спустя столетия получили развитие в западной правовой культуре и нашли своё отражение в кодификационных процессах византийского императора Юстиниана, завершившихся созданием свода римского права в VI веке н. э.

Иной значимый пласт передового правового и научного наследия арийской цивилизации Эранвиджа, основанный на системе высоких антропоцентричных ценностей, включает признание правового статуса ещё не рождённого ребёнка в качестве самостоятельного субъекта права, институционализацию ранних форм гражданско-правовых договоров в сфере хозяйственных отношений, а также закрепление принципа соответствия намерения и цели договора его юридической форме, отражённого в положениях «Авесты». К числу важнейших достижений данной правовой традиции относятся также нормы, направленные на охрану чистоты воды, защиту окружающей среды, обеспечение гуманного отношения к животному миру и сохранение растительного покрова, получившие нормативное закрепление в «Вандидоде» — одной из составных частей «Авесты». Существенное значение имела практика судебного разрешения частноправовых споров, а также развитие научно-

медицинских знаний, нашедших выражение в деятельности первой в мировой истории медицинской академии Гундишапура и иных достижениях научно-правовой мысли, оказавших влияние на правовые и культурные традиции иудейской, индийской, греко-римской (эллинистической) и ряда других цивилизаций древнего мира [10, с. 158–159].

В условиях интенсивного межкультурного взаимодействия знаний, правовых практик и научных традиций указанные достижения выступали в качестве факторов восполнения интеллектуальных и нормативных пробелов в общественном развитии различных народов и племён. Ряд данных институтов и принципов оказал существенное влияние на формирование механизмов разрешения правовых коллизий, развитие государственного управления и совершенствование правотворческой деятельности в различных исторических и цивилизационных пространствах. Сохранив устойчивость и адаптивность на протяжении длительного исторического периода — от глубокой древности до эпохи Нового времени, — они сформировались как универсальные наднациональные ценности правовой культуры.

Совокупность указанных историко-правовых достижений свидетельствует о том, что устойчивость и долговременное развитие любой мировой державы объективно обусловлены наличием развитой и справедливой системы права, выступающей фундаментом социальной стабильности, политической легитимности и цивилизационного прогресса.

Список использованной литературы:

1. Конституцияи Чумхурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994, бо тағйиру иловаҳои соли 2016. – Душанбе: “Наشريёти Ганҷ”, 2016. – 135 с.
2. Паёми Президенти Чумхурии Тоҷикистон “Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии Чумхурии Тоҷикистон” 16.12.2025. ш. Душанбе: “Шарқи озод”, 2025. – 48 с.
3. Авесто: Куҳантарин сурудаҳои Эрони бостон / Гузориш ва пажӯиши Чалили Дустхоҳ. - Техрон: Марворид, 1375 х. Китоби 1.-526 с.; Китоби 2. -1206 с.
4. Вандидод / Тарҷума, воҷаном, ёддоштҳо Ҳошим Разӣ: Иборат аз 4 ҷ. –Техрон, 1376 х. Ҷилди 1.- 540 с.; Ҷилди 2. 540-1124 с.; Ҷилди 3. -1125-1724 с.; Ҷилди 4. 1725 -2170 с.

5. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства. - М.: НОРМА, 2002. – 730 с.
6. Дандамаев, М.А. Ахеминидская империя: социально-административное устройство и культурные достижения. - СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – 391 с.
7. Ёқубов, Ю. Давлатдории Каёниён. – Душанбе: «Эр-Граф», 2012.
8. Низам ал-Мульк. Сиасет-наме / Перевод, введение в изучение памятника и прим. проф. Б. Н. Заходера. – М.; Л., 1949. – 379 с.
9. Согдийские документы с Горы Муг-М.: Вост. лит., 1962. Вып. 2. Юрид. док. и письма / Чтение, пер. и коммент. В.А. Лившица, 1962. – 222 с.
10. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 2003 - 274с.
11. Халиков, А.Г. Правовая система зороастризма. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2005. – 488 с.
12. Халиков, А.Г. Экологическое право и право водопользования древних таджиков. – Душанбе: Ирфон, 2004. – 70 с.
13. Холиқзода, А.Ф., Шосайдзода, Ш.Ш., Аминҷонов, А.Х., Соҳибзода, М.С. Ҳуқуқ дар таърихи халқи тоҷик: монография. – Душанбе: «ЭР-граф», 2022. – 508 с.
14. Холиқзода, А.Ф. Мухтасари қонунномаи Сосониён: Мотекони ҳазор додестон – Ҳазор амсоли додгоҳӣ (ҳуқуқи бостон). – Душанбе: «ЭР-граф», 2015. – 156с.
15. Холиқзода, А.Ф. Таърихи давлат ва ҳуқуқи Тоҷикистон. Ҷилди 1. – Душанбе, 2002. – 302 с.
16. Холиқов, А.Ф. Андешаи давлати миллӣ. – Душанбе: «ЭР-граф», 2013. - 684 с.
17. Hirdman, Y. The gender system // Moving on: New perspective on the women's movement / Eds. by T. Andreasen et al. Aarhus univ. press, 1991.

УДК: 34 (575.3)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

ГАНИЗОДА ШУХРАТ АБДУЛМАДЖИД,

соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета. Адрес: Республика Таджикистан, город Душанбе, района Сино, улица Б. Гафуров 4. E-mail: suhratganizoda@gmail.com. Тел.: + 992 907 00 42 52.

Настоящая статья посвящена рассмотрению понятия цифровизации как одного из ключевых процессов трансформации современного общества и экономики. Проведён анализ основных теоретико-методологических подходов к определению сущности цифровизации, раскрываются её содержательные характеристики и отличия от других смежных понятий. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации признаков цифровизации, включая использование цифровых технологий, изменение социально-экономических процессов, формирование новых моделей управления и коммуникации. На основе обобщения научных взглядов отечественных и зарубежных исследователей предлагается комплексное понимание цифровизации как многоуровневого и междисциплинарного явления.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая среда, признаки цифровизации, информационно-коммуникационные технологии, цифровая трансформация, правовая сфера, правовая эволюция, цифровая адаптация, искусственный интеллект.

**МАФҲУМ ВА НИШОНАҲОИ РАҚАМИКУНОӢ:
РАВИШҲОИ НАЗАРИЯВИЮ МЕТОДОЛОГӢ**

ҒАНИЗОДА ШУҲРАТ АБДУЛМАЧӢД,

унвонҷуи кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, ноҳияи Сино, кучаи Б. Ғафуров 4. E-mail: suhratganizoda@gmail.com. Тел.: + 992 907 00 42 52.

Мақолаи мазкур ба баррасии мафҳуми рақамикуноӢ ҳамчун яке аз равандҳои калидии тағйирёбии ҷомеа ва иқтисоди муосир бахшида шудааст. Дар он таҳлили равишҳои асосии назариявию методологӣ ҷиҳати муайян намудани моҳияти рақамикуноӢ анҷом дода шуда, хусусиятҳои муҳтавоӣ ва фарқияти он аз дигар мафҳумҳои ба он монанд шарҳ дода мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба муайян ва низоммандсозии нишонаҳои рақамикуноӢ, аз ҷумла истифодаи технологияҳои рақамӣ, тағйирёбии равандҳои иҷтимоию иқтисодӣ, ташаккули моделҳои нави идоракунӣ ва иртиботи равона гардидааст. Дар асоси таҳлили ақидаҳои илмӣ муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ фаҳмиши мукаммали рақамикуноӢ ҳамчун падидаи бисёрҷабҳӣ ва байнисоҳавӣ пешниҳод мегардад.

Калидвожаҳо: рақамикуноӢ, технологияҳои рақамӣ, муҳити рақамӣ, нишонаҳои рақамикуноӢ, технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ, трансформатсияи рақамӣ, соҳаи ҳуқуқӣ, эволютсияи ҳуқуқӣ, мутобиқшавии рақамӣ, зеҳни сунӣ.

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF DIGITALIZATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

GANIZODA SHUKHRAT ABULMADZHID,

applicant of the Department of theory and history of State and Law of the Faculty of Law of the Tajik National University. Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe, Sino District, B. Gafurov Street 4. E-mail: suhratganizoda@gmail.com. Tel.: + 992 907 00 42 52.

This article is devoted to the examination of the concept of digitalization as one of the key processes transforming modern society and the economy. The article analyzes the main theoretical and methodological approaches to defining the essence of digitalization and reveals its substantive characteristics as well as its differences from related concepts. Special attention is paid to the identification and systematization of the features of digitalization, including the use of digital technologies, changes in socio-economic processes, and the formation of new models of governance and communication. Based on the generalization of scientific views of domestic and foreign researchers, a comprehensive understanding of digitalization as a multi-level and interdisciplinary phenomenon is proposed.

Keywords: digitalization, digital technologies, digital environment, signs/indicators of digitalization, information and communication technologies, digital transformation, legal sphere, legal evolution, digital adaptation, artificial intelligence.

В XXI веке наблюдается стремительная трансформация основных сфер общественного развития, сопровождающаяся формированием принципиально новых направлений, основанных на переосмыслении и переадаптации ранее существующих моделей. Одним из наиболее значимых факторов этих изменений выступает цифровизация, которая динамично проникает во все аспекты жизнедеятельности человека. Цифровизация не только трансформирует устоявшиеся представления о социальной организации, но и формирует концептуальные основы новой системы взаимодействия элементов современного мира, существенно влияя на мировоззрение людей и их представления о перспективах общественного развития.

Особое место в данном процессе занимает правовая сфера, где происходит интенсивное внедрение цифровых форм взаимодействия в действующие правовые конструкции. В настоящее время развитие институтов, основанных на цифровых технологиях, осуществляется в глобальном масштабе и с высокой скоростью. В связи с этим правовое регулирование и нормативное обеспечение указанных процессов должно не просто соответствовать темпам технологического прогресса, но в ряде случаев опережать его, выполняя превентивную функцию и минимизируя возможные социальные, экономические и правовые риски.

Следует также отметить, что цифровизация в современных условиях выступает одним из основных факторов трансформации общественных и экономических процессов. Ее развитие связано не только с расширением применения цифровых технологий, но и с качественным изменением способов организации деятельности, управления ресурсами и взаимодействия между участниками социальных и экономических систем. В результате цифровизация приобретает характер системного процесса, оказывающего долгосрочное влияние на структуру и динамику развития общества.

Несмотря на широкое использование термина, понятие цифровизации остается дискуссионным и неоднозначным. В научных исследованиях оно нередко трактуется через призму автоматизации, внедрения информационных систем или перевода данных в цифровую форму. Вместе с тем, подобные подходы не в полной мере отражают глубину происходящих изменений. Цифровизация также предполагает формирование новых моделей мышления и принятия решений, основанных на данных, сетевых взаимодействиях и высокой скорости обработки информации. В этом контексте особое значение приобретает выявление понятия и признаков цифровизации, позволяющих отличить данный процесс от смежных понятий, таких как информатизация или компьютеризация.

В связи с этим исследование понятия и признаков цифровизации представляет собой важную научную задачу, направленную на формирование целостного представления о природе и содержании данного процесса в условиях цифровой трансформации современного общества.

Согласно позиции ряда научных исследователей, современный этап общественного развития характеризуется переходом к новому историческому циклу, который в научной литературе обозначается как четвертая, или цифровая, революция. Данный период сопряжён с масштабным внедрением цифровых технологий, формирующих качественно иное социальное пространство, нередко определяемое как эпоха цифрового развития [10, с. 223.].

Истоки цифровой эпохи восходят к середине XVIII века и связываются с экспериментами Ж.А. Нолле, направленными на изучение скорости распространения электричества. В то же время Т.А. Анциферова предлагает более расширенный историко-философский подход, указывая, что предпосылки формирования идеи цифровизации возникли значительно раньше еще в древности, с появлением счёта и бинарных числовых категорий «0» и «1». Данный подход находит подтверждение в трудах античных мыслителей, прежде всего Пифагора, чьи концепции

существенно опережали уровень развития науки своего времени. Он обосновывал положение о том, что структура мироздания поддается описанию через числовые модели, а числовые соотношения выступают фундаментальным основанием гармонии и упорядоченности природных процессов. Более того, Пифагор указывал на универсальность чисел как инструмента познания, позволяющего выразить даже те явления и сущности, которые не поддаются прямому количественному измерению [10, с. 224.].

Исторически термин «цифровизация» впервые вошёл в научный и популярный дискурс в 1995 году благодаря американскому исследователю Николасу Негропonte. В своей книге «Being Digital» он проводит метафорическое сопоставление между атомами и битами, рассматривая первые как элементарные единицы материального мира, а вторые как фундаментальные строительные блоки цифровой реальности. Негропonte утверждал, что многие процессы и объекты, которые сегодня существуют в физической форме, в будущем смогут быть воспроизведены и могут функционировать в цифровой среде, что открывает принципиально новые горизонты преобразования человеческой деятельности и восприятия мира [3, с. 49.].

По мнению Г.С. Смирнова и Н.М. Ветчина «Цифровизация как глобальный процесс в такой же мере амбивалентна, как и вступившая в свои права два века назад технизация. Она отвечает всем признакам глобальной проблемы современности, ибо её решение зависит не только от коллективной деятельности всех стран мира, но фактически от каждого человека в отдельности, она детерминирует выживание человечества и сохранение планеты Земля» [11, с. 128.].

Е.С. Лосева в своей научной статье указывает, что изначально цифровизация рассматривалась преимущественно как технологический процесс, связанный с переводом аналоговых носителей и процессов в электронный формат. В ходе дальнейшего развития данное понятие существенно расширило своё содержание и стало восприниматься как многомерное социокультурное явление. В этом качестве цифровизация направлена на оптимизацию форм взаимодействия, расширение доступа к информационным массивам и аналитическим средствам способствующая росту общественной активности в процессах производства, обработки и распространения разнообразной информации [5, с. 372.].

Т.В. Фомичева и В.И. Катаева в своей работе рассматривают цифровизацию в инструментальном смысле, видя в ней «преобразование

информации в цифровую форму, которое в дальнейшем приводит к оптимизации издержек, появлению новых перспектив развития» [12, с. 81.].

Следует отметить, что приведённые подходы позволяют рассматривать цифровизацию как сложный и исторически обусловленный феномен, понимание которого формировалось на протяжении длительного времени от философских представлений о числе как универсальном принципе устройства мира до современных интерпретаций, акцентирующих её технологические и социальные последствия. Если в античной традиции, прежде всего в учении Пифагора, числовое мышление выступало способом постижения скрытой упорядоченности бытия, то в условиях современности данная установка получает практическое воплощение в цифровых технологиях, основанных на бинарной логике и алгоритмической обработке информации.

В то же время цифровизация не может быть сведена исключительно к технической процедуре перевода информации в электронный формат. Как справедливо отмечают Г. С. Смирнов и Н. М. Ветчинин, данный процесс носит амбивалентный характер и затрагивает фундаментальные основания социального развития, оказывая влияние, как на индивидуальные практики, так и на глобальные процессы. В этом контексте позиция Е. С. Лосевой, рассматривающей цифровизацию как многомерное социокультурное явление, позволяет расширить исследовательскую перспективу и выйти за рамки узко-инструментального понимания данного феномена.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость обращения к обобщающему научному определению цифровизации, которое позволяло бы учесть не только её технологическое содержание, но и социокультурные основания, а также правовые аспекты данного понятия.

Следует отметить, что, несмотря на значительный массив научных публикаций, в которых анализируются последствия цифровой трансформации современного общества, в научном дискурсе до сих пор не выработано единое и общепринятое понимание термина цифровизация. На данное обстоятельство указывают и в частности некоторые учёные, подчёркивая фрагментарность и неоднородность существующих подходов к его интерпретации [6, с. 171.].

Тем не менее, несмотря на обозначенные разногласия в трактовке данного понятия, в рамках настоящего исследования представляется целесообразным обратиться к ряду определений цифровизации, которые, по нашему мнению, обладают достаточной теоретической обоснованно-

стью и позволяют наиболее полно раскрыть содержание и специфику рассматриваемого явления.

Так, Г. Л. Тульчинский рассматривает цифровизацию как процесс создания и внедрения технологий, основанных на принципах дискретного представления информации, ее формальной вычислимости и алгоритмической управляемости. В таком понимании цифровизация выходит далеко за рамки узкотехнического явления и приобретает характер фундаментального основания современного этапа развития цивилизации. По мнению исследователя, она охватывает практически все сферы человеческой деятельности, от вычислительной техники и средств коммуникации до образования, биомедицины, нано- и астрофизических исследований. Аналогичным образом цифровые принципы лежат в основе функционирования экспертных систем, интернета вещей, автономного транспорта и концепций «умной» городской среды. Тем самым цифровизация формирует универсальную технологическую и смысловую среду, в которой цифровой код и алгоритм выступают основными механизмами организации и преобразования социальной и культурной реальности [14, с. 28.].

Подход Г.Л. Тульчинского позволяет рассматривать цифровизацию как системообразующий фактор современного цивилизационного развития, задающий не только технологические, но и мировоззренческие рамки общественного бытия. Существенно, что в его интерпретации цифровизация не сводится к совокупности отдельных инноваций, а понимается как универсальный принцип организации знания, деятельности и коммуникации, что указывает на качественный сдвиг в логике социального и культурного развития, при котором алгоритм и цифровой код становятся своеобразными «языками» описания и конструирования реальности. Позиция учёного заключается также в том, что он подчеркивает взаимопроникновение технического и гуманитарного измерений цифровизации. Проникая во все сферы человеческой деятельности, цифровые технологии трансформируют способы мышления, формы социального взаимодействия и механизмы принятия решений. В этом смысле цифровизация выступает не нейтральным инструментом, а активной средой, способной переопределять социальные практики и культурные смыслы.

Б. В. Мартынов под цифровизацией понимает «способность человека соотноситься с окружающим миром посредством цифровых технологий, способность постигать мир в категориях цифрового общества, с

их помощью формировать жизненные цели и находить способы их реализации [8, с. 81.].

Определение цифровизации, предложенное Б. В. Мартыновым, принципиально смещает акцент с технологического измерения на антропологическое и социокультурное. В центре внимания оказывается не сама цифровая инфраструктура, а человек как субъект, чье восприятие реальности, способы мышления и жизненного проектирования все в большей степени опосредуются цифровыми средствами. В таком подходе цифровизация предстает не просто как внешняя среда или набор инструментов, а как форма соотнесения личности с миром, задающая новые когнитивные и ценностные координаты. Важно, что учёный подчеркивает способность человека мыслить в категориях цифрового общества, тем самым указывая на трансформацию способов понимания социальной реальности и собственного места в ней. Цифровые технологии в этом контексте выступают не нейтральными посредниками, а активными факторами формирования целей, мотиваций и стратегий действия человека.

В.Г. Халин и Г.В. Чернова в своем исследовании отмечают, что сегодня термин цифровизация применяется в двух основных значениях – узком и широком. В узком понимании цифровизация рассматривается как процесс перевода информации в цифровой формат. Такой подход, как правило, позволяет снижать издержки, создавать новые возможности и оптимизировать существующие процессы. Когда подобные преобразования охватывают значительное число сфер и систем, их накопительный эффект становится настолько значительным, что возникает необходимость использовать термин цифровизация в более широком смысле. В этом расширенном контексте цифровизация рассматривается уже не как отдельный инструмент улучшения частных процессов, а как глобальный механизм трансформации экономической и социальной жизни, которая выступает драйвером общественного развития, способствующим росту эффективности экономики, улучшению качества жизни и формированию новых моделей взаимодействия людей, организаций и технологий. Исходя из этого, цифровизация в широком понимании представляет собой общепланетарный тренд, определяющий современное развитие общества и экономики через повсеместное внедрение цифровых технологий и перевод информации в цифровую форму [8, с. 47.].

Подход В.Г. Халина и Г.В. Черновой демонстрирует важное методологическое различие между функциональным и цивилизационным пониманием цифровизации. В узком смысле цифровизация предстает

как инструмент, направленный на улучшение конкретных процессов, то есть оптимизацию, сокращение затрат, повышение скорости обработки информации, что позволяет оценивать цифровизацию через призму экономической эффективности и операционной пользы, что важно для управленческого и прикладного анализа.

Вместе с тем, переход к широкому пониманию открывает более глубокое измерение, то есть цифровизация перестает быть лишь вспомогательным механизмом и становится структурным фактором глобальных преобразований. В этом контексте она рассматривается как системный драйвер, способный трансформировать экономику, социальные институты и повседневные практики людей. Особое значение приобретает именно способность цифровизации создавать новые формы взаимодействия между людьми, организациями и технологиями, что приводит к качественным изменениям в социальном и культурном пространстве.

Е.В. Катрин в своей работе отмечает, что «цифровизация – это процесс, включающий создание, внедрение и применение цифровых систем и технологий и (или) трансформацию инструментов (объектов, систем и технологий) взаимодействия государства, общества и человека» [4, с. 49.].

В определении Е. В. Катрин цифровизация рассматривается как комплексный и многоуровневый процесс, выходящий за рамки сугубо технологического обновления. Автор справедливо акцентирует внимание на том, что речь идет не только о создании и внедрении цифровых систем и технологий, но и о трансформации уже существующих инструментов и форм взаимодействия. Такой подход позволяет увидеть цифровизацию как динамичное переустройство социальных и управленческих практик, в ходе которого изменяется логика коммуникации между государством, обществом и человеком, а технологии становятся фактором институциональных и культурных изменений.

По мнению С.С. Хомяковой «Цифровизация – это процесс, направленный на изменение процессов, в ходе которого происходит активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека (такие, как социальная, экономическая, медицинская и так далее), который меняет подход к использованию, хранению и передаче информации» [15].

В трактовке С.С. Хомяковой цифровизация предстает как целенаправленный процесс качественных изменений, охватывающий все основные сферы жизни человека и постепенно перестраивающий их внутренние механизмы. Существенным в данном подходе является указание

на трансформацию способов использования, хранения и передачи информации, что позволяет рассматривать цифровизацию как фактор изменения самой культуры взаимодействия и мышления в современном обществе.

Логическим продолжением данного подхода становится обращение к правовой сфере как одной из ключевых областей, в которой последствия цифровизации проявляются наиболее наглядно. Переходя от общесоциального измерения цифровых трансформаций к юридическому, можно отметить, что изменения в информационной культуре и способах взаимодействия неизбежно отражаются на структуре и функциях права, требуя его адаптации к новым условиям общественного развития.

Следует указать, что современные цифровые технологии затрагивают все структурные компоненты правовой системы и выступают фактором, под воздействием которого право вынуждено адаптироваться к новым формам общественных отношений. При этом можно отметить, что такие характеристики цифровой среды, как ее глобальный масштаб, трансграничный характер и техническая воспроизводимость информации, сами по себе не обладают радикально преобразующим потенциалом для права. В качестве аргумента укажем историческую устойчивость правовой эволюции: появление новых носителей прав и обязанностей всегда сопровождало развитие правовых систем, а возможное правовое признание цифровых технологий, не станет более значимым вызовом для права, чем когда-то институционализация юридических лиц.

Следует указать по этому вопросу позицию С. А. Сеницына, который занимает сдержанную и критически выверенную позицию, исходя из того, что правовое регулирование по своей природе ориентировано на общественные связи между людьми, а не на технические системы как таковые, даже если эти связи возникают в процессе использования вычислительных машинных средств. С его точки зрения, идеи о признании машин самостоятельными субъектами права чаще всего продиктованы либо спекулятивными теоретическими построениями, либо прагматическими интересами разработчиков технологий, тогда как в действительности речь идет лишь о совершенствовании сложных, но все же инструментальных средств труда. Причину подобных концепций исследователь усматривает в завышенных или некорректных представлениях части юридического сообщества о реальном уровне развития техники, которые, по его убеждению, не могут служить надежной основой для фор-

мирования норм и стратегий национального законодательства [9, с. 131.].

Другие исследователи отмечают, что цифровые преобразования, охватывающие современное общество на глубинном уровне, неизбежно отражаются на устройстве и функционировании публичной власти, изменяя привычные институциональные формы и управленческую логику. Речь идет не столько о приспособлении существующих государственных механизмов к новым техническим условиям, сколько о переосмыслении оснований самого управления: процедур выработки решений, способов их реализации и характера коммуникации между государством и гражданами. Расширение практики цифрового правительства, внедрение электронных форм правосудия и появление элементов платформенного участия свидетельствуют о переходе к новому этапу развития публичной власти, в рамках которого информационно-коммуникационные технологии выполняют не вспомогательную, а системообразующую роль. В ситуации, когда цифровая среда становится основным пространством социального взаимодействия, публичная власть приобретает иное качественное измерение, предполагающее пересмотр устоявшихся представлений о юрисдикционных границах, статусе участников и механизмах легитимации [2, с. 207.].

Сопоставление различных научных подходов позволяет сформировать взвешенное понимание цифровизации. С одной стороны, она рассматривается как процесс, развитие которого ограничено правовыми нормами. С другой стороны, цифровизация признаётся явлением, оказывающим существенное влияние на правовые и социальные институты.

Аргументация С. А. Сеницына последовательно поддерживает антропоцентрический характер права. Учёный обоснованно предостерегает от подмены реальных общественных отношений технологическими моделями и от придания цифровым инструментам самостоятельного юридического значения. Такой подход выполняет стабилизирующую функцию, поскольку подчёркивает, что даже в условиях цифровой среды право по-прежнему регулирует поведение людей, а не технических систем.

В то же время нельзя игнорировать влияние цифровых технологий на организацию публичной власти и правового регулирования. Не становясь субъектами права, цифровые технологии изменяют механизмы управления, способы легитимации решений и формы участия граждан в публичных процессах. В этом контексте цифровизация выступает не основанием для пересмотра базовых правовых категорий, а фактором ин-

ституциональных изменений, который требует от права гибкости и способности адаптироваться при сохранении его фундаментальных принципов.

Значимость цифровизации была отмечена в Послании Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона от 16 декабря 2025 г. В своём выступлении Лидер нации подчеркнул, что «Ускоренное продвижение цифровых технологий и расширение возможностей искусственного интеллекта в современном мире требуют, чтобы эти достижения были эффективно использованы во всех производственных и не производственных сферах, превратились в дополнительный источник экономического развития и экспорта услуг» [1].

Также Парламенту страны даны задачи о необходимости принятия мер для обеспечения правовой основы перехода на цифровую экономику и использования искусственного интеллекта, что на наш взгляд, является важным условием устойчивого социально-экономического развития государства и повышения эффективности системы государственного управления.

Исходя из этого, указанные задачи Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона свидетельствуют о комплексном и стратегическом характере цифровых преобразований, затрагивающих ключевые сферы общественного и государственного развития. Для более точного понимания сущности данного процесса представляется необходимым выделить основные признаки цифровизации, позволяющие раскрыть её содержание и направления воздействия на правовую и институциональную систему.

На основе рассмотренных научных позиций можно выделить следующие признаки цифровизации:

- цифровизация рассматривается большинством исследователей не как разовое техническое решение, а как длительный и динамичный процесс, включающий создание, внедрение и использование цифровых технологий, а также трансформацию существующих форм деятельности и взаимодействия.

- в основе цифровизации лежат цифровые технологии, основанные на дискретном представлении информации, её формальной вычислимости и алгоритмической обработке. Цифровой код и алгоритм выступают базовыми механизмами организации и управления процессами.

- цифровизация затрагивает практически все сферы человеческой деятельности – экономику, государственное управление, образование, медицину, науку, коммуникацию и повседневную жизнь, что позволяет рассматривать её как универсальную среду современного общества.

- трансформационное воздействие цифровизации влияет не только на оптимизацию отдельных процессов, но и глубокой трансформации социальных, экономических и управленческих отношений, изменении способов принятия решений, форм взаимодействия и моделей поведения участников.

- цифровизация влияет на устройство и функционирование публичной власти, трансформируя управленческие процедуры, формы легитимации и коммуникации между государством и гражданами, что особенно проявляется в развитии цифрового государства и электронных форм публичного управления.

- несмотря на высокий уровень технологизации, цифровизация не предполагает признания технических систем самостоятельными субъектами общественных и правовых отношений. Цифровые технологии остаются инструментами человеческой деятельности, а право по своей природе ориентировано на регулирование отношений между людьми.

- в широком понимании цифровизация выступает как общепланетарный тренд, определяющий современный этап развития общества и экономики и формирующий новые модели социального и культурного взаимодействия.

Исходя из этого, анализ научных концепций позволяет обоснованно говорить о наличии совокупности признаков цифровизации, которые раскрывают её сущность как сложного, многоуровневого и социально значимого процесса.

Вместе с тем, следует отметить, что цифровизация в правовой сфере приводит к формированию дополнительного способа реализации правоотношений, который функционирует наряду с традиционными формами. При этом сущностные характеристики права не претерпевают изменений, поскольку его теоретические и методологические основы сохраняются. В тоже время, активное использование информационно-коммуникационных технологий, автоматизированных и роботизированных систем, а также цифровых платформ объективно влияет на порядок осуществления государственных функций, которая обуславливает необходимость пересмотра устоявшихся управленческих и правоприменительных механизмов и делает неизбежным разработку и принятие но-

вых нормативных правовых актов, направленных на регулирование процессов применения цифровых технологий.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2025/12/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-uvazhaemogo-emomali-rahmona-ob-osnovnyh-napravleniyah-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-respubliki-4/> (дата обращения: 11.01.2026г.).
2. Гончаров В.В., Поярков С.Ю., Савченко М.С. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – №8. – С. 203-215.
3. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2020. Т. 13. – С. 47-68.
4. Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2022. – №3. – С.41 - 56.
5. Лосева Е.С. Цифровизация как социокультурный конструкт // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Том 10. – 2021. – С. 372-375.
6. Мещерякова Н. Н., Роготнева Е. Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. – 2021. – № 4 (3). – С. 44-52.
7. Миркина О.Н. Цифровизация и ее особенности в Смоленской области // Цифровое образование в РФ: состояние, проблемы и перспективы: материалы международного форума. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостр., 2019. – С. 171-173.
8. Мартынов Б. В. Формирование и капитализация цифрового сознания: экосистемный подход // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. – 2019. – № 2. – С. 81-84.
9. Сеницын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. - М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 212 с.

10. Синчурина Е.С. Цифровизация как инновационная философская парадигма // «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке». 2023, Том 12. – С. 222-232.

11. Смирнов Г.С., Ветчинин Н.М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2021. – С. 127-134.

12. Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 3. – С. 80-84.

13. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – № 10. – 2018. – С. 46-63.

14. Тульчинский Г.Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. – 2018. – № 11. – С. 28-43.

15. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законо-дательном уровне // Молодой ученый. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/279/62867> (дата обращения: 10.01.2026г.).

Рецензент статьи Азиззода У. А. – доктор юридических наук, профессор.

УДК: 338: 004.9 (575.3)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

ИСМАИЛОВ ШАВКАТ МАХМУДОВИЧ,

**профессор кафедры финансового, экономического и антикоррупционного права Таджикского государственного финансово-экономического университета, доктор юридических наук, профессор.
Тел.: +992 937 770016**

В статье анализируются условия и признаки юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде, формирующиеся под влиянием цифровизации и алгоритмизации экономических процессов.

Обосновывается вывод о том, что в цифровых условиях юридическая ответственность утрачивает исключительно карательный и ретроспективный характер, трансформируясь в процедурно и системно обусловленный механизм правового воздействия. Показано, что основания ответственности всё чаще связываются не с классическим нарушением правовой нормы, а с несоответствием цифровым требованиям, алгоритмическим моделям и параметрам обработки данных. Особое внимание уделяется объективизации вины, ослаблению причинно-следственной связи и расширению квазиответственных мер, реализуемых вне традиционных процедур привлечения к ответственности. Делается вывод о необходимости переосмысления института юридической ответственности с целью обеспечения соразмерности правовых последствий и защиты прав предпринимателей в условиях цифровизации.

Ключевые слова: юридическая ответственность, цифровая предпринимательская среда, цифровизация, алгоритмизация, правовой риск, противоправность, вина, цифровые данные, автоматизированные решения, защита прав предпринимателей.

**ТАҲАВВУЛИ ИНСТИТУТИ ҶАВОБГАРИИ ҲУҚУҚӢ ДАР МУҲИТИ
СОҲИБКОРИИ РАҚАМӢ**

ИСМАИЛОВ ШАВКАТ МАҲМУДОВИЧ,

**профессори кафедраи ҳуқуқи молиявӣ, иқтисодӣ ва
зиддикоррупсионии Донишгоҳи давлатии молиявӣ – иқтисодии
Тоҷикистон, профессор. Тел.: +992 937 770016**

Дар мақола шароит ва нишонаҳои ҷавобгарии ҳуқуқӣ дар муҳити соҳибкории рақамӣ таҳти таъсири равандҳои рақамикунонӣ ва алгоритмсозии муносибатҳои иқтисодӣ таҳлил карда мешаванд. Хулоса бароварда мешавад, ки дар шароити рақамӣ ҷавобгарии ҳуқуқӣ хусусияти танҳо ҷазодиҳанда ва пасояндаро аз даст дода, ба механизми таъсири расмиётӣ ва системавии ҳуқуқӣ табдил меёбад. Нишон дода мешавад, ки асосҳои ҷавобгарӣ бештар ба номувофиқатӣ бо талаботи рақамӣ, моделҳои алгоритмӣ ва параметрҳои коркарди маълумот вобаста мегарданд, на ба вайрон кардани меъёрҳои анъанавии ҳуқуқ. Ба объективӣ гардидани гуноҳ, заъиф шудани

робитаи сабабӣ ва васеъ гардидани чораҳои квазиҷавобгарӣ диққати махсус дода мешавад. Зарурати таҷдиди назар намудани институти ҷавобгарии ҳуқуқӣ бо мақсади таъмини мутаносибӣ ва ҳифзи ҳуқуқи соҳибкорон асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: ҷавобгарии ҳуқуқӣ, муҳити соҳибкории рақамӣ, рақамикунонӣ, алгоритмсозӣ, хатари ҳуқуқӣ, ғайриқонунӣ будан, гуноҳ, маълумоти рақамӣ, қарорҳои автоматикӣ, ҳифзи ҳуқуқи соҳибкорон.

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF LEGAL LIABILITY IN THE DIGITAL ENTREPRENEURIAL ENVIRONMENT

ISMOILOV SHAVKAT MAKHMUDOVICH,

**professor of the Department of financial, economic, and anti-corruption
law at the Tajik State University of Finance and Economics, doctor of law, pro-
fessor. Phone: +992 937 770016**

The article examines the conditions and characteristics of legal liability in the digital entrepreneurial environment under the influence of digitalization and algorithmization of economic relations. It is argued that in digital conditions legal liability loses its exclusively punitive and retrospective nature and transforms into a procedurally and systemically conditioned mechanism of legal regulation. The grounds for liability increasingly arise not from classical violations of legal norms, but from non-compliance with digital requirements, algorithmic models and data-processing parameters. Particular attention is paid to the objectification of guilt, the weakening of causal links and the expansion of quasi-liability measures applied outside traditional procedures of legal responsibility. The article substantiates the need to reconsider the institution of legal liability in order to ensure proportionality of legal consequences and protection of entrepreneurs' rights in the digital environment.

Keywords: legal liability, digital entrepreneurial environment, digitalization, algorithmization, legal risk, unlawfulness, guilt, digital data, automated decisions, protection of entrepreneurs rights

Юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде формируется в условиях качественно изменившегося характера экономических и правовых процессов. Цифровизация предпринимательства обуславливает смещение традиционных оснований ответственности, расширение спектра юридически значимых обстоятельств и появление новых признаков, определяющих момент наступления неблагоприятных правовых последствий. В отличие от классических моделей, где ответственность связывается с конкретным противоправным деянием и его последствиями, в цифровой среде она всё чаще обусловлена параметрами функционирования электронных систем, процедур и алгоритмов, в которые предприниматель включён в силу самого факта участия в хозяйственном обороте.

Одним из ключевых условий юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится обязательность соответствия установленным цифровым требованиям, которые нередко имеют смешанную правовую природу. Такие требования формируются на стыке нормативных предписаний, подзаконных актов, технических регламентов и алгоритмических правил функционирования информационных систем. Нарушение или несоблюдение этих условий может повлечь правовые последствия независимо от того, выражено ли оно в форме активного противоправного поведения предпринимателя либо является следствием некорректного взаимодействия с цифровой инфраструктурой. В результате ответственность приобретает процедурно-обусловленный характер и начинает зависеть от участия субъекта в цифровых процессах как таковых.

Существенным признаком юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде является её зависимость от цифровой фиксации фактов. Юридически значимые обстоятельства устанавливаются посредством электронных реестров, автоматизированных систем учёта, цифровых профилей и иных форм обработки данных. Именно наличие или отсутствие определённых цифровых записей нередко становится решающим фактором для признания факта нарушения и наступления негативных последствий. При этом сама достоверность, полнота и актуальность таких данных зачастую остаётся вне сферы контроля предпринимателя, что трансформирует традиционное понимание ответственности как следствия волевого и осознанного деяния.

В цифровой предпринимательской среде ответственность также характеризуется автоматизмом её реализации. Наступление правовых последствий всё чаще осуществляется без вынесения индивидуального правоприменительного акта.

менительного акта, путём срабатывания алгоритмических механизмов контроля. Ограничение доступа к цифровым сервисам, приостановление операций, изменение статуса субъекта в электронной системе реализуются мгновенно и в стандартизированной форме. Данный признак свидетельствует о смещении ответственности из сферы последующего реагирования в сферу постоянного мониторинга и управления поведением предпринимателя в режиме реального времени.

Особым признаком юридической ответственности в условиях цифровизации является размывание границы между санкцией и иными мерами правового воздействия. В цифровой среде применяются меры, которые формально не обозначаются как ответственность, однако по своим экономическим и правовым последствиям сопоставимы с классическими санкциями. Предприниматель может утрачивать возможность осуществлять деятельность, участвовать в цифровых платформах или пользоваться государственными и коммерческими сервисами без формального признания его виновным и без соблюдения традиционной процедуры привлечения к ответственности. Это расширяет сферу квазиответственности и усложняет её доктринальную квалификацию.

Важным условием юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится включённость предпринимателя в цифровые экосистемы, функционирование которых он не контролирует в полном объёме. Алгоритмы оценки рисков, автоматизированные системы и цифровые фильтры допуска к рынкам формируются третьими лицами и публичными институтами. Несмотря на это, юридическая ответственность, как правило, возлагается на предпринимателя как на формально определённого субъекта хозяйственной деятельности. Такой разрыв между фактическим источником риска и юридическим адресатом ответственности является характерным признаком цифровой модели правового воздействия.

Цифровизация предпринимательства трансформирует и временную характеристику юридической ответственности. Если в классическом понимании ответственность имеет ретроспективный характер и применяется после выявления правонарушения, то в цифровой среде правовые последствия нередко носят превентивный и корректирующий характер. Они используются для немедленного восстановления заданных параметров цифровой системы и предотвращения потенциальных отклонений, что придаёт ответственности управленческое и организационное значение.

Таким образом, условия и признаки юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде формируются под воздействием автоматизации, алгоритмизации и цифровой фиксации экономических процессов. Ответственность утрачивает исключительно карательный характер и всё в большей степени выступает инструментом структурного регулирования предпринимательской деятельности. Данная трансформация требует углублённого теоретического осмысления, в том числе в части соразмерности правовых последствий, справедливости их возложения и обеспечения процессуальных гарантий защиты прав предпринимателей.

Одним из ключевых условий наступления юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде является изменение характера противоправности как традиционного элемента состава правонарушения. В условиях цифровизации противоправность всё чаще утрачивает связь с прямым нарушением нормативного предписания и формируется через несоответствие установленным цифровым правилам, процедурам и алгоритмическим требованиям. Эти требования могут быть выведены из законодательства лишь опосредованно и нередко закрепляются в подзаконных актах, административных регламентах или технологических стандартах функционирования информационных систем. Подчёркивается, что цифровизация ведёт к смещению акцента с формально-юридической противоправности на процедурную и системную несогласованность поведения субъекта с параметрами цифровой среды [1, с. 6.].

Существенным признаком ответственности в цифровой предпринимательской среде становится ослабление причинно-следственной связи между поведением предпринимателя и наступившими правовыми последствиями. В цифровых экосистемах негативные последствия могут возникать в результате совокупного действия алгоритмов, ошибок обработки данных, технических сбоев и организационных решений, принимаемых вне воли предпринимателя. В подобных условиях индивидуальный вклад субъекта в наступление правового результата трудно поддаётся установлению, что ставит под сомнение применимость классических критериев причинности. Это неоднократно отмечается в исследованиях, посвящённых праву в эпоху цифровой трансформации, где указывается на размывание границ между поведением субъекта и системными эффектами цифровых технологий [2, с. 8.].

Юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде характеризуется также трансформацией субъективного элемента. В условиях автоматизации хозяйственных процессов традиционная категория

вины утрачивает прежнюю определяющую роль. Предприниматель может столкнуться с неблагоприятными правовыми последствиями при отсутствии умысла или неосторожности в классическом понимании, поскольку цифровые системы функционируют автономно и опираются на заранее заданные модели оценки. В доктрине подчёркивается, что подобная объективизация ответственности является следствием технологического развития и требует пересмотра устоявшихся представлений о соотношении ответственности и психического отношения лица к своим действиям [3, с. 9.].

Особым условием ответственности в цифровой предпринимательской среде становится правовое значение данных. Ошибки в цифровых записях, неполнота информации, несоответствие форматов или некорректная обработка сведений могут выступать основанием для наступления негативных правовых последствий независимо от реального поведения предпринимателя. В результате ответственность фактически смещается в сферу управления информацией и данных, что принципиально отличает её от классической модели, основанной на оценке действий субъекта. Указывается, что в цифровой экономике данные приобретают самостоятельное регулятивное значение, а юридические последствия становятся производными от состояния информационных массивов [5, с. 7.].

Важным признаком юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде является её деперсонализированный характер. Алгоритмические механизмы контроля ориентированы на массовое применение единых критериев ко всем участникам, что исключает индивидуальный подход и учёт специфики конкретной предпринимательской деятельности. Такое нивелирование индивидуальных обстоятельств усиливает формализацию ответственности и повышает риск несоразмерности правовых последствий. В связи с этим универсализация критериев в цифровых системах неизбежно снижает гибкость правового регулирования и может негативно сказываться на предпринимательской инициативе [4, с. 2.].

Для правовой системы Таджикистана данные особенности приобретают особое значение в контексте активного внедрения цифровых механизмов регулирования и контроля предпринимательской деятельности. Как отмечается, нормативное регулирование зачастую не успевает за фактическим развитием цифровых процессов, что усиливает неопределённость оснований ответственности и повышает риски формализованного воздействия на бизнес [6, с. 6.].

В таких условиях ответственность начинает выполнять не столько восстановительную, сколько дисциплинирующую и управленческую функцию.

Таким образом, условия и признаки юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде характеризуются изменением содержания противоправности, ослаблением причинной связи, объективизацией вины и возрастанием роли данных и алгоритмов. Эти признаки формируют качественно иную модель ответственности, в которой правовые последствия становятся элементом функционирования цифровых систем, а не исключительно реакцией на индивидуальное правонарушение.

Юридическая ответственность в цифровой среде характеризуется изменением своего функционального назначения, что выступает самостоятельным признаком её трансформации. Ответственность всё чаще используется не как средство возмездия за совершённое правонарушение, а как инструмент обеспечения устойчивости и управляемости цифровых процессов. Правовые последствия ориентируются на восстановление корректного функционирования информационных систем и цифровых процедур, а не на индивидуальную оценку поведения предпринимателя. Подчёркивается, что подобный подход сближает юридическую ответственность с механизмами технического и административного управления, что ведёт к изменению её правовой природы [1, с. 9].

Существенным условием юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится превентивность правовых последствий. Ответственность применяется не только и не столько за уже допущенные нарушения, сколько для предупреждения потенциальных отклонений от заданных цифровых параметров. Алгоритмические системы мониторинга ориентированы на выявление рисков и автоматическое реагирование на них, что придаёт ответственности предупредительный характер. При этом правовые последствия могут наступать до фактического причинения вреда или нарушения прав иных субъектов, что принципиально отличает цифровую модель ответственности от классической ретроспективной конструкции [2, с. 12].

Важным признаком юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде является её процедурная замкнутость. Предприниматель включается в заранее заданные цифровые процедуры, в рамках которых основания ответственности, способы фиксации нарушений и формы правовых последствий определяются построением информационной систе-

мы. Возможности влияния субъекта на данные процедуры крайне ограничены, а обжалование неблагоприятных решений зачастую требует преодоления значительных технических и правовых барьеров. Подобная процедурная закрытость усиливает неравенство между субъектами цифровых правоотношений и снижает уровень процессуальных гарантий [5, с. 14.].

Юридическая ответственность в таких условиях также отличается смещением границ соразмерности. Автоматизированные механизмы контроля и реагирования ориентированы на единые формализованные критерии, не учитывающие масштаб бизнеса, экономическое положение предпринимателя и последствия применения конкретных мер. В результате незначительные отклонения от цифровых требований могут повлечь существенные ограничения хозяйственной деятельности. Обращается внимание на то, что оценка соразмерности ответственности в цифровых условиях требует учёта совокупного эффекта правовых последствий, а не только формального факта несоответствия установленным параметрам [4, с. 2.].

Особым признаком цифровой ответственности является институционализация риска. Участие в цифровых экосистемах предполагает принятие предпринимателем рисков, связанных с функционированием технологий, алгоритмов и информационных систем, находящихся за пределами его фактического контроля. При этом негативные правовые последствия, возникающие в результате системных сбоев или ошибок обработки данных, возлагаются именно на предпринимателя как формального участника цифрового оборота. Подчёркивается, что подобное перераспределение рисков является одной из ключевых особенностей цифровой экономики и требует специального правового осмысления [3, с. 13.].

Для Таджикистана данные признаки юридической ответственности имеют принципиальное значение в условиях массового внедрения электронных форм взаимодействия между предпринимателями и публичными органами. Недостаточная определённость процедур и критериев ответственности способна привести к усилению формального давления на бизнес и снижению доверия к цифровым инструментам государственного управления [6, с. 5.].

В этой связи особое значение приобретает обеспечение предсказуемости и прозрачности правовых последствий.

Таким образом, юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде приобретает управленческую, превентивную и риск-ориентированную направленность. Указанные признаки свидетельствуют о

формировании новой модели ответственности, в которой правовые последствия становятся неотъемлемым элементом цифрового регулирования предпринимательской деятельности и требуют корректировки классических доктринальных подходов.

Юридическая ответственность в цифровой среде проявляется через изменение её адресности, что выступает самостоятельным признаком трансформации данного института. В этих условиях ответственность всё чаще возлагается на предпринимателя как на формально определённого участника хозяйственного оборота независимо от степени его фактического контроля над цифровыми процессами. Алгоритмы, платформенные решения и информационные системы, в рамках которых формируются юридически значимые последствия, разрабатываются и администрируются иными субъектами, однако негативные правовые эффекты концентрируются на предпринимателе. Подчёркивается, что подобное смещение адресности ответственности связано с особенностями цифровой экономики и усиливает уязвимость хозяйствующих субъектов [1, с. 10.].

Существенным условием юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится ограниченность усмотрения на стадии правоприменения. В классическом понимании правоприменитель обладает возможностью учитывать конкретные обстоятельства дела, степень вины и иные индивидуальные факторы. В цифровой среде усмотрение переносится на этап проектирования и настройки алгоритмических моделей, а в момент наступления правовых последствий практически отсутствует. Решения принимаются автоматически, на основе формализованных критериев, что снижает гибкость правовой реакции и затрудняет восстановление баланса интересов. Отмечается, что в таких условиях возрастает риск формального и механического возложения ответственности [3, с. 10.].

В цифровой предпринимательской среде юридическая ответственность характеризуется также ослаблением процессуальных гарантий. Автоматизированный характер принятия решений приводит к тому, что предприниматель зачастую уведомляется о наступивших правовых последствиях уже постфактум и не имеет возможности своевременно повлиять на их предотвращение. Процедуры обжалования носят сложный и многоэтапный характер, требующий специальных технических знаний и доступа к цифровым инструментам. Подчёркивается, что подобная ситуация противоречит традиционным представлениям о справедливости и состязательности юридической ответственности [5, с. 18.].

Особым признаком ответственности в цифровой предпринимательской среде является её квазиформальный характер. Применяемые меры нередко не квалифицируются законодательно как юридическая ответственность, однако по своим последствиям эквивалентны ей. Ограничение функционала цифровых платформ, блокирование учётных записей, приостановление доступа к электронным сервисам оказывают прямое воздействие на предпринимательскую деятельность. При этом такие меры реализуются вне рамок традиционной процедуры привлечения к ответственности, что усложняет их правовую оценку и снижает уровень правовой определённости [4, с. 2.].

Важным условием юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится её зависимость от уровня цифровой грамотности и технологических возможностей предпринимателя. Несоблюдение цифровых требований может быть обусловлено не недобросовестностью, а отсутствием доступа к необходимым ресурсам или знаниям. Тем не менее правовые последствия наступают на равных основаниях для всех участников цифрового оборота. Подчёркивается, что игнорирование данного обстоятельства усиливает социально-экономическое неравенство и требует учёта при формировании подходов к ответственности [6, с. 11.].

Указанные признаки приобретают особое значение для Таджикистана в контексте расширения электронных форм контроля и регулирования предпринимательской деятельности. В условиях, когда нормативное оформление цифровых процедур отстаёт от практики их применения, возрастает риск чрезмерного формализованного воздействия на бизнес. Указывается, что отсутствие прозрачных и понятных критериев ответственности способно подорвать доверие предпринимателей к цифровым инструментам государственного управления и стимулировать уход в неформальный сектор [6, с. 12.].

Таким образом, юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде отличается изменённой адресностью, формализацией усмотрения и ослаблением процессуальных гарантий. Эти признаки свидетельствуют о необходимости переосмысления механизмов возложения ответственности и усиления правовой защиты предпринимателей в условиях цифровизации.

Юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде проявляется также через трансформацию соотношения между ответственностью и правовым риском. В условиях цифровизации риск перестаёт

рассматриваться исключительно как экономическая категория и приобретает самостоятельное правовое значение. Предприниматель, участвуя в цифровых процессах, принимает на себя не только коммерческие, но и нормативно детерминированные риски, связанные с функционированием информационных систем, обработкой данных и применением алгоритмических решений. При этом негативные правовые последствия нередко наступают как результат реализации системного риска, а не индивидуального противоправного поведения. Подчёркивается, что цифровая экономика институционализирует риск как элемент правового регулирования, что напрямую отражается на механизмах ответственности [1, с. 7.].

Существенным признаком юридической ответственности в цифровой среде становится изменение значения формального соответствия. В классической модели ответственность предполагает оценку поведения субъекта с точки зрения его соответствия норме права. В цифровых условиях ключевым становится соответствие установленным параметрам и форматам, задаваемым цифровыми системами. Несоблюдение технических или процедурных требований может влечь серьёзные правовые последствия. Это приводит к расширению формальной ответственности, при которой содержание правовой оценки подменяется проверкой параметров соответствия цифровым стандартам [5, с. 12.].

В цифровой среде юридическая ответственность характеризуется также изменением роли доказательств. Доказывание факта нарушения и обоснованности применения правовых последствий основывается преимущественно на цифровых данных, автоматически сформированных в ходе функционирования информационных систем. Такие данные обладают высокой доказательственной значимостью, но при этом не всегда поддаются проверке со стороны предпринимателя. В результате формируется асимметрия доказательственных возможностей, при которой цифровая фиксация событий приобретает приоритет над иными способами установления фактов. Указывается, что подобная ситуация способна привести к ограничению права на эффективную защиту [2, с. 13.].

Важным условием юридической ответственности в современных условиях является трансформация принципа справедливости. Применение единых алгоритмических критериев ко всем предпринимателям независимо от масштаба их деятельности и экономических возможностей приводит к формированию формально равного, но фактически неравного подхода. Цифровые механизмы не учитывают различия в ресурсах, уровне подготов-

ки и степени зависимости от цифровой инфраструктуры. Подчёркивается, что такая унификация способна привести к нарушению баланса интересов и требует корректировки с учётом принципов материальной справедливости [4, с. 2.].

Данные особенности юридической ответственности имеют прикладное значение для Таджикистана в связи с поэтапным внедрением цифровых инструментов регулирования предпринимательской деятельности. В условиях, когда цифровые процедуры становятся обязательным элементом взаимодействия бизнеса и государства, риск наступления ответственности по формальным основаниям существенно возрастает. Подчёркивается, что без должного нормативного оформления и доктринального осмысления цифровые механизмы ответственности могут трансформироваться в источник правовой неопределённости [6, с. 8.].

В связи с этим, юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде характеризуется сращением с правовым риском, усилением формального начала и приоритетом цифровых доказательств. Указанные признаки формируют особый режим ответственности, в рамках которого правовые последствия становятся неотъемлемым элементом цифрового участия предпринимателя в хозяйственном обороте и требуют дополнительного теоретического и нормативного осмысления.

Юридическая ответственность в цифровой среде неразрывно связана с трансформацией принципа вины, который традиционно рассматривался как центральный элемент ответственности. В условиях цифровизации хозяйственных процессов субъективное отношение предпринимателя к наступившим правовым последствиям зачастую утрачивает решающее значение. Неблагоприятные правовые эффекты могут возникать независимо от осознания, предвидения или возможности предотвращения соответствующих последствий со стороны субъекта. Подчёркивается, что цифровая среда формирует тенденцию к объективизации ответственности, при которой ключевым становится сам факт отклонения от заданных цифровых параметров [3, с. 9.].

Существенным условием юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится расширение презумпций, встроенных в алгоритмические системы. Автоматизированные механизмы оценки поведения предпринимателей часто опираются на вероятностные модели и статистические закономерности, формируя выводы о риске нарушения или несоответствии установленным требованиям. Такие выводы приобретают

правовое значение и могут служить основанием для применения ограничительных мер. При этом предприниматель сталкивается с необходимостью опровергать результаты алгоритмической обработки данных, не имея доступа к логике функционирования цифровой системы. Указывается, что подобные презумпции усиливают неравенство сторон и осложняют реализацию права на защиту [5, с. 21.].

Юридическая ответственность в цифровой среде характеризуется также изменением роли добросовестности. В классическом праве добросовестность предпринимателя выступает важным критерием оценки поведения и основания освобождения или смягчения ответственности. В цифровых условиях добросовестность всё чаще подменяется формальным соблюдением процедур и требований, закреплённых в цифровых регламентах. Даже при действии в разумных и экономически обоснованных пределах предприниматель может быть признан нарушителем в случае несоответствия алгоритмическим критериям. Подчёркивается, что подобная подмена снижает значение оценочных категорий и усиливает формализм ответственности [2, с. 15.].

Особым признаком юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде является ограниченная транспарентность оснований её наступления. Алгоритмические решения, лежащие в основе автоматического применения правовых последствий, зачастую не подлежат раскрытию в силу технических или коммерческих ограничений. Это лишает предпринимателя возможности заранее оценить правовые риски и спрогнозировать последствия своих действий. Отмечается, что непрозрачность алгоритмов подрывает принцип правовой определённости и предсказуемости ответственности [1, с. 8.].

Для Таджикистана данные аспекты приобретают особую значимость в условиях расширения применения цифровых технологий в сфере государственного регулирования и предпринимательства. Как отмечается, формирование цифровых механизмов ответственности должно сопровождаться обеспечением баланса между эффективностью контроля и защитой прав субъектов хозяйствования [6, с. 10.].

Игнорирование данного баланса способно привести к утрате доверия к цифровым формам правового регулирования.

Таким образом, юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде характеризуется объективизацией вины, усилением алгоритмических презумпций, снижением роли добросовестности и ограни-

ченной прозрачностью оснований её применения. Эти признаки свидетельствуют о глубокой трансформации традиционных конструкций ответственности и необходимости их адаптации к условиям цифровой экономики.

Проведенный анализ условий и признаков юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде позволяет констатировать формирование качественно новой модели правового воздействия на хозяйственную деятельность. Цифровизация трансформирует ответственность из института, ориентированного преимущественно на реагирование на завершённое правонарушение, в механизм постоянного регулирования и структурного управления экономическим поведением предпринимателей. В данной модели правовые последствия интегрируются в архитектуру цифровых процессов и реализуются как элемент их функционирования, а не как внешняя санкционная мера.

Ключевой характеристикой юридической ответственности в цифровой предпринимательской среде становится её системная обусловленность. Основания и моменты наступления правовых последствий зависят от работы информационных систем, алгоритмов и цифровых регламентов, которые формируют самостоятельную нормативную реальность. В этой реальности правовое значение приобретают параметры соответствия, форматы данных и процедурные показатели, которые ранее не рассматривались в качестве элементов состава правонарушения. Подчёркивается, что подобное расширение юридически значимых обстоятельств является закономерным следствием цифровой трансформации права [1, с. 7.].

Особое значение в цифровой предпринимательской среде приобретает разрыв между фактической причиной наступления неблагоприятных последствий и юридическим возложением ответственности. Предприниматель оказывается ответственным за системные эффекты цифровых технологий, которые не всегда находятся в сфере его управленческого и технического контроля. Такая конструкция усиливает объективный характер ответственности и смещает акцент с оценки поведения субъекта на оценку его участия в цифровых процедурах. Как отмечается, что подобная тенденция требует дополнительного теоретического осмысления с точки зрения принципов справедливости и разумного распределения рисков [3, с. 12.].

Юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде также характеризуется снижением роли традиционных процессуальных гарантий. Автоматизм и формализованность применения правовых последствий ограничивают возможности предпринимателя влиять на принятие

решений и своевременно защищать свои права. Доступ к алгоритмической логике и данным, лежащим в основе применения мер, зачастую отсутствует, что подрывает принцип состязательности и предсказуемости правового регулирования. Подчёркивается, что без обеспечения прозрачности цифровых механизмов ответственность рискует утратить легитимность в глазах субъектов предпринимательства. [5, с. 19.].

В условиях цифровизации изменяется и соотношение ответственности и доверия к правовой системе. Цифровые механизмы контроля и реагирования способны повысить эффективность регулирования, однако при отсутствии чётких и понятных критериев ответственности они могут восприниматься как инструмент формального давления на бизнес. Для Таджикистана это обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку цифровые формы взаимодействия между предпринимателями и публичными институтами находятся в стадии активного развития. Подчёркивается, что от качества нормативного оформления и доктринального сопровождения цифровой ответственности во многом зависит уровень доверия к цифровым реформам [6, с. 6.].

Таким образом, юридическая ответственность в цифровой предпринимательской среде выступает не просто модификацией классических конструкций, а самостоятельным правовым феноменом, требующим переосмысления базовых категорий противоправности, вины, причинной связи и соразмерности правовых последствий. Цифровизация не отменяет значение ответственности как института охраны правопорядка, но изменяет формы и способы её реализации. В этих условиях особую значимость приобретает задача выработки таких подходов к юридической ответственности, которые обеспечивали бы баланс между эффективностью цифрового регулирования и сохранением правовой защищённости предпринимателей.

Список использованной литературы:

1. Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право. Образование. Практика. Наука. – 2018. – № 6. – С. 4–11.
2. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
3. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. – 2018. – 30 мая. – С. 2.

5. Вайпан В. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 1 (110). – С. 3–29.

6. Исмаилов Ш.М. О развитии права в условиях цифровизации // Правовая жизнь. – 2025. – № 1 (49). – С. 5–16.

7. Икромӣ Д.З. Актуальные вопросы цифровизации в Таджикистане // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 214–237.

Рецензент статьи Гаюрзода Ш. К. – доктор юридических наук, профессор.

**II. ИЛМҲОИ ОММАВӢ – ҲУҚУҚӢ (ДАВЛАТӢ – ҲУҚУҚӢ)
(ИХТИСОС: 5. 1. 2)**

**II. ПУБЛИЧНО – ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО – ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 2)**

УДК: 347. 254 (575.3)

**ҲИФЗИ ҲУҚУҚҲОИ ЗАНОН ВА ШАХСОНИ ДОРОИ
УҲДАДОРИҲОИ ОИЛАВӢ ДАР МУНОСИБАТҲОИ МЕҲНАТӢ**

РАҲИМЗОДА М.З.,

**Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, кафедраи
ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷорат, профессор, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ.
E-mail: zabir@mail.ru.**

САНГИНЗОДА Д.Ш.,

**Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ,
кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷорат, профессор, доктори илмҳои
ҳуқуқшиносӣ. E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru**

Мақола ба таҳлили ҳуқуқии ҳифзи ҳуқуқҳои занон ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ дар муносибатҳои меҳнатӣ бахшида шудааст. Муаллифон мушкилоти осебпазирии ин гурӯҳ дар бозори меҳнатро дар шароити муосири Тоҷикистон баррасӣ намуда, кафолатҳои Кодекси меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон (Боби 16, моддаҳои 215–227)-ро таҳлил намудаанд. Дар натиҷаи таҳлил камбудии амалӣ ва муқоиса бо таҷрибаи байналмилалӣ оварда шуда, пешниҳодҳо барои ислоҳи нуқсонҳо (васеъ кардани доираи субъектҳо, ҷорӣ кардани рухсатии падарӣ, тақвияти назорат) ва зарурати ҳамоҳангсозии қонунгузорӣ бо стандартҳои байналмилалӣ таъкид кардаанд.

Калидвожаҳо: ҳифзи ҳуқуқҳои занон, уҳдадориҳои оилавӣ, баробарии ҷинсӣ, Кодекси меҳнат, таъбиз, рухсатии ҳомиладорӣ,

таҷрибаи байналмилалӣ, ислоҳоти қонунгузорӣ, муҳочирати меҳнатӣ, интегратсияи иҷтимоӣ.

**ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН И ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ
ОБЯЗАННОСТЯМИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

РАХИМЗОДА М.З.,

**Таджикский национальный университет, юридический факультет,
кафедра предпринимательского и коммерческого прав, доктор
юридических наук, профессор. E-mail: zabir@mail.ru.**

САНГИНЗОДА Д.Ш.,

**Таджикский национальный университет, юридический факультет,
кафедра предпринимательского и коммерческого прав, доктор
юридических наук, профессор. E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru**

Статья посвящена правовому анализу защиты прав женщин и лиц с семейными обязанностями в трудовых отношениях. Авторы рассматривают проблемы уязвимости данной группы на рынке труда в современных условиях Таджикистана, анализируют гарантии Трудового кодекса Республики Таджикистан (глава 16, статьи 215–227). В результате анализа выявлены практические недостатки и проведено сравнение с международным опытом. Предложены рекомендации по устранению недостатков (расширение круга субъектов, введение отцовского отпуска, усиление контроля) и подчеркнута необходимость гармонизации законодательства с международными стандартами.

Ключевые слова: защита прав женщин, семейные обязанности, гендерное равенство, Трудовой кодекс, дискриминация, отпуск по беременности, международный опыт, реформы законодательства, трудовая миграция, социальная интеграция.

**PROTECTION OF WOMEN'S RIGHTS AND PERSONS WITH
FAMILY RESPONSIBILITIES IN LABOR RELATIONS**

RAHIMZODA M.Z.,

**Tajik National University, Faculty of Law, Department of Entrepreneurial and
Commercial Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: zabir@mail.ru.**

SANGINZODA D.SH.,

**Tajik National University, Faculty of Law, Department of Entrepreneurial and
Commercial Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru**

The article is devoted to the legal analysis of the protection of the rights of women and persons with family responsibilities in labor relations. The authors examine the problems of vulnerability of this group in the labor market under modern conditions in Tajikistan and analyze the guarantees provided by the Labor Code of the Republic of Tajikistan (Chapter 16, Articles 215–227). As a result of the analysis, practical shortcomings are identified and a comparison with international experience is made. Recommendations are proposed to eliminate deficiencies (expansion of the scope of subjects, introduction of paternity leave, strengthening of control) and the necessity of harmonizing national legislation with international standards is emphasized.

Keywords: protection of women's rights, family responsibilities, gender equality, Labor Code, discrimination, maternity leave, international experience, legislative reforms, labor migration, social integration.

Дар шароити муосири ҷаҳонишавӣ, рақамикунонии иқтисод ва тағйирёбии сохтори ҷомеа, масъалаи ҳифзи ҳуқуқҳои занон ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ дар муносибатҳои меҳнатӣ яке аз самтҳои муҳимтарини ҳуқуқи меҳнат ва сиёсати иҷтимоӣ боқӣ мемонад. Ин гурӯҳи субъектҳо – занони ҳомиладор, модарони дорои кӯдакони хурдсол, падароне, ки дар тарбияи фарзандон фаъолона иштирок мекунанд, васиён, шахсоне, ки аъзои оилаи маъҷуб ё пиронсолонро нигоҳубин мекунанд – дар бозори меҳнат ҳолати осебпазирдоранд.

Онҳо ҳамзамон масъулияти дучониба доранд. Аз як тараф иҷрои уҳдадориҳои касбӣ ва аз тарафи дигар уҳдадориҳои оилавӣ, ки аксар вақт боиси маҳдудшавии имкониятҳои касбӣ, фишори равонӣ ва таъбири пинҳонӣ мегардад, ба зимма мегиранд.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - ҶТ) ин мушкилот бо омилҳои хоси миллӣ ва иҷтимоӣ иқтисодӣ мубрам мебошанд. Сатҳи муайяни муҳоҷирати меҳнатӣ, ки дар он занон ҳамчун модарони танҳо ё ҳамсарони муҳоҷирон боқӣ мемонанд, анъанаҳои оилавӣ, ки нақши асосиро зан ҳамчун тарбиятгари фарзандон иҷро мекунад ва баъзан набудани ҷойҳои кории баландмаош ҳолатҳои мебошанд, ки занонро дар бозори меҳнат заифтар месозанд. Ҳамзамон, рушди иқтисоди рақамӣ ва шаклҳои нави кор (аз ҷумла кори фосилавӣ) имкониятҳои нав фароҳам меорад, аммо ҳанӯз ҳимояи ҳуқуқии занон ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ дар ин фазои қонунгузори меҳнатӣ аз ҷиҳати ҳуқуқи пурра таъмин нашудааст.

Кодекси меҳнати ҶТ аз 23 июли соли 2016, №1329 бо тағйиротҳои то соли 2024 дар моддаҳои 215-227, боби 16 «Хусусияти танзими меҳнати занон ва дигар шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ»-ро муқаррар намудааст [9]. Ин кафолатҳо аз Конститутсияи ҶТ (моддаҳои 33-35) [1]. ва Конвенсияҳои Созмони байналмилалӣ меҳнат (№ 103 оид ба ҳифзи модарӣ, № 111 оид ба таъбир дар соҳаи меҳнат ва шуғл, № 156 оид ба имкониятҳои баробар ва муносибати баробар барои занон ва мардонӣ корманд, № 183 оид ба ҳифзи модарӣ) [10] бармеоянд.

Дар адабиёти илмӣ ватанӣ оид ба ин масъала андешаҳои гуногун ҷой лоранд. Масалан муаллифони китоби дарсии “Ҳуқуқи меҳнат ва таъминоти иҷтимоӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон” ибраз менамоянд, ки муҳтавои муқаррароти қонунгузорӣ оид ба меҳнат дар танзими меҳнати занон ва дигар шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ асосан аз таъмини шароит барои иҷрои вазифаҳои модарии занон ва ҳифзи саломатии модару кӯдак бо назардошти махсусиятҳои организми онҳо бармеояд [21, с. 234.].

С. Ғ. Бобокалонова қайд менамояд, ки танзими ҳуқуқии меҳнати занон ва шахсони уҳдадориҳои оилавидошта ҳамчун субъекти муносибатҳои ҳуқуқи меҳнат имрӯз яке аз масъалаҳои мубрами рӯз ба ҳисоб рафта, ҳамчун падидаи гуногунҷабҳа дар баробари муносибатҳои ҳуқуқӣ ба паҳлӯҳои гуногуни ҳаёти иҷтимоӣ, ҳаёти ҷомеа низ таъсир мерасонад [3, с. 258.].

Д. М. Мирзоева таъкид менамояд, ки таъбизи ҷинсӣ дар бозори меҳнат ҳамчун омили асосии нобаробарии иҷтимоӣ боқӣ мемонад ва ҳимояи ҳуқуқҳои занон дар шароити муҳоҷирати меҳнатӣ заиф аст [15, с. 170.].

Т. И. Султонова такид менамояд, ки дар тӯли бештари таърихи башарият ба занон нақши анъанавии «нигоҳдори оила» ва «ҳифзкунандаи муҳити оилавӣ» вогузор шуда буд. Онҳо масъулияти идораи хонавода, тарбияи фарзандон ва нигоҳ доштани некуаҳволии оиларо ба уҳда доштанд. Дар аксари ҷомеаҳо занон ҳаққи таҳсил ва рушди касбиро надоштанд ва ҳадафи асосии зиндагии онҳо издивоҷ ва модарӣ буд. Аммо дар воқеияти муосир тағйироти назаррас дар нақши занон рӯй дода истодааст. Занон фаълтар шуда, ба худшиносӣ ва худтаъминкунӣ дар соҳаҳои гуногуни ҳаёт тамоюл доранд. Онҳо ба таҳсил, пешрафт дар касб, интиҳоби касби дилхоҳ ва озоди аз маҳдудиятҳои анъанавии ҷинсӣ таваҷҷӯҳ зоҳир мекунанд [18, с. 5.].

Дар асарҳои олимони хориҷа низ ин масъала аз ҷанбаҳои гуногун мавриди баррасӣ қарор дода мешавад. И. В. Карданова ва Д. В. Степанян мафҳуми «шахсони дорои уҳдадорихоӣ оилавӣ»-ро ҳамчун категорияи байнисоҳавӣ таъриф намуда, зарурати ҷамоҳангсозии меъёрҳои ҳуқуқи меҳнат ва ҳуқуқи таъминоти иҷтимоиро нишон медиҳанд [7, с. 221.].

Р. П. Мананкова ва Г. Г. Пашкова байни қонун ва назария фарқиятҳои назаррасро ошкор карда, пешниҳод мекунанд, ки таърифот бояд васеътар ва мутобиқ ба воқеияти муосир гардад [14, с. 252].

Д. А. Аксиненко ва И. А. Новитский ба мушкилоти амалисозии ҳуқуқҳои занон ва шахсони дорои уҳдадорихоӣ оилавӣ дар шароити муосир, аз ҷумла пандемия ва тағйирёбии бозори меҳнат ишора мекунанд [2, с. 308.].

С. В. Есин ва С. А. Задирака ҳолатҳои вайронкунии ҳуқуқҳои ин гурӯҳро таҳлил намуда, зарурати тақвияти назорати давлатӣ ва ҷамъиятиро таъкид менамоянд [6, с. 318.].

Дар Тоҷикистон дар масоили баррасишаванда чунин мушкилотҳо ба ҷашм мерасанд: сатҳи муайяни бекорӣ занон (махсусан дар деҳот), фишори иҷтимоӣ барои иҷрои нақши анъанавии модарӣ, баъзан маҳдудияти дастрасӣ ба хизматрасониҳои иҷтимоӣ, инчунин набудани фарҳанги баробарии ҷинсӣ дар баъзе корхонаҳо.

А. А. Саидмухторов қайд менамояд, ки дар шароити муҳоҷирати меҳнатӣ занон ҳамчун модарони танҳо ё ҳамсарони муҳоҷирон бо

мушкилоти иловагӣ рӯбарӯ мешаванд, ки Ҳимояи ҳуқуқи онҳоро заифтар месозад [15, с. 258].

Дар ин ҳолат Кодекси меҳнати ҚТ дар боби 16 «Хусусияти танзими меҳнати занон ва дигар шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ» маҷмӯи махсуси кафолатҳо ва имтиёзҳо барои ин категорияи кормандон муқаррар намудааст. Ин боб ҳамчун қисми фасли III «Хусусияти танзими меҳнати гурӯҳи алоҳидаи кормандон» ҷой гирифта, ҳолати осебпазири занон ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавиرو дар муносибатҳои меҳнатӣ Ҳимоя менамояд.

Аз ҷумла, моддаи 215 қатъи шартномаи меҳнатӣ бо занон ҳомиладор ва дигар шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ (аз ҷумла модарони кӯдакони то се сол, шахсоне, ки кӯдакони маъҷубро тарбия мекунанд ва ғайра)-ро манъ менамояд, ба истиснои ҳолатҳои барҳамдиҳии ташкилот ё аз байн рафтани соҳибкори инфиродӣ. Ин меъёр яке аз кафолатҳои муҳимтарин буда, бо Конвенсияи № 183 СБМ «Дар бораи ҳифзи ҳомиладорӣ ва модарӣ» [11] ва Конвенсияи № 156 «Дар бораи кормандони дорои уҳдадориҳои оилавӣ» мувофиқат мекунад [12].

Моддаи 216 корҳои вазнин, зеризаминӣ ва корҳои, ки шароити меҳнаташон зарарнок аст ва истифодаи меҳнати занонро манъ менамояд. Ин рӯйхат бо қарори Ҳукумати ҚТ тасдиқ шуда, ҳамчун Ҳимояи саломатии занон ва наслҳои оянда амал мекунад. Моддаи 217 речаи махсуси вақти корӣ ва истироҳатро барои занон ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ муқаррар менамояд: манъи корҳои шабона, сафарҳои хизматӣ ва изофакорӣ (бо истиснои ҳолатҳои ихтиёрии бо розигии хаттӣ). Моддаи 218 танаффус барои ғизодиҳии кӯдак (то ду солагӣ)-ро то як соат дар як рӯз (ду маротиба 30 дақиқа ё як маротиба 1 соат) пешбинӣ менамояд. Ин танаффус ба вақти корӣ дохил шуда, пурра музднок аст. Моддаи 219 имкони муқаррар кардани вақти нопурраи корӣ ё речаи номунтазамро барои занон ҳомиладор ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ бо нигоҳ доштани ҳуқуқҳои асосӣ муқаррар менамояд. Моддаи 221 занони ҳомиладор ва модарони кӯдакони то як солу шашмоҳаро аз корҳои вазнин ва зарарнок озод намуда, ҳуқуқи гузаронидани муваққатӣ ба кори сабукро бо нигоҳ доштани музди миёна кафолат медиҳад. Моддаи 223 рӯхсатии ҳомиладорӣ ва таваллудро 116 рӯз (70 рӯз пеш аз таваллуд ва 56 рӯз баъд аз таваллуд) муқаррар менамояд, ки бо музди миёна пардохт мешавад. Дар ҳолати таваллуди ду ё зиёдтар кӯдак ё таваллуди

мураккаб ин муддат зиёд карда мешавад. Моддаи 224 рухсатии нигоҳубини кӯдак то се солро бо нигоҳ доштани ҷойи кор ва мансаб пешбинӣ менамояд. Ин рухсатӣ ихтиёрист, аммо ҳуқуқи барқарор кардани корро кафолат медиҳад. Моддаи 225 ҷангоми қабул ба кор ҳуқуқи рад кардани занони ҳомиладор ва модарони кӯдакони то се солро манъ менамояд ва ҳуқуқи кор дар шароити мусоидро кафолат медиҳад. Моддаи 226 ба кормандоне, ки кӯдакони навзодро фарзандхонд кардаанд ё васии онҳо мебошанд, барои давраи фарзандхондӣ то 70 рӯз (дар сурати фарзандхондӣ ду кӯдак то 110 рӯз) рухсатии пардохтшавандаро муқаррар менамояд. Моддаи 227 кафолат ва имтиёзҳои пешбинишуда барои занон ба падароне, ки кӯдакони бе модар тарбия мекунанд ва инчунин ба васиёни (парасторони) ноболиғон низ татбиқ карда мешаванд, ифода менамояд [8].

Ҳамин тавр, кафолатҳои ҳуқуқӣ дар КМ ҶТ асоси мустақкам доранд ва ба стандартҳои байналмилалӣ мувофиқанд, аммо мушкилоти асосӣ дар марҳилаи амалисозӣ ва татбиқи воқеӣ вучуд дорад. Сарфи назар аз он ки Кодекси меҳнати ҶТ дар сатҳи қонунӣ маҷмӯи кафолатҳои мукамалро барои занон ва шахсони дорои уҳдадорихоии оилавӣ пешбинӣ намудааст, амалияи татбиқи ин меъёрҳо дар воқеияти иҷтимоию иқтисодӣ ва муносибатҳои меҳнатӣ як қатор мушкилот ва камбудихоии ҷиддӣ дорад. Ин камбудихо на танҳо аз норасоии механизмҳои назорат ва ҷавобгарӣ бармеоянд, балки бо омилҳои иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва иқтисодӣ низ алоқаманданд.

Аввалан, таъбири пинҳонӣ (ғайримустақим) ҷангоми қабул ба кор ва пешбарӣ яке аз мушкилоти бештар паҳншуда мебошад. Корфармоён аксар вақт занони ҳомиладор, модарони кӯдакони хурдсол ё занони издивоҷкардаро ба кор намегиранд, зеро онҳоро «хавфнок» ё «камсамар» мешуморанд. Ин таъбир одатан ба шакли рад кардани номзадҳо бо баҳонаҳои расмӣ (масалан, «ҷой холӣ нест», «мувофиқ нестед» ва ғайра) сурат мегирад, ки исбот кардани он душвор аст.

Дуюм, фишори равонӣ ва тағйирҳои ғайриқонунии шароити кор барои «ҷазо додан» ба заноне, ки аз рухсатихоии ҳомиладорӣ ё нигоҳубини кӯдакро истифода мебаранд. Баъзе корфармоён пас аз баргаштани зан аз рухсатӣ вазифаҳои душвортар, речай номувофиқ ё ҳатто коҳиш додани муздро муқаррар мекунанд. Ин амалҳо аксар вақт ҳамчун «тағйири шароити техникийи кор» ё «мувофиқсозии ҷадвал» шарҳ дода мешаванд, аммо дар асл ҳадафмандона барои маҷбур кардани зан барои аз кор рафтан аст.

Сеюм, дастрасии маҳдуд ба инфрасохтори иҷтимоӣ ва хизматрасониҳои кӯдакона (боғчаҳо, марказҳои рушди кӯдак, хизматрасониҳои нигоҳубин) занонро маҷбур месозад, ки байни кор ва оила интиҳоб кунанд. Дар деҳот ва шаҳрҳои хурд ин мушкил ба чашм мерасад, зеро шумораи боғчаҳо ва марказҳои томақтабӣ нокифоя аст ва баъзан хароҷоти онҳо барои оилаҳои гарон метобад.

Чорум, риоя накардани кафолатҳои рухсатӣ ва танаффусҳо дар соҳаи хусусӣ. Бисёр корфармоён рухсатии ҳомиладорӣ ва нигоҳубини кӯдакро ҳамчун «ҳолати номусоид» арзёбӣ намуда, ҳангоми баргаштани зан ба кор ҷойи банд мекунанд ё ўро ба вазифаҳои дигар интиқол медиҳанд.

Панҷум, баъзан набудани маърифати баланди ҳуқуқӣ дар байни ҳам корфармоён ва ҳам кормандон. Бисёре аз занон аз ҳуқуқҳои худ огоҳ нестанд ё аз тарси аз даст додани кор шикоят намекунанд. Дар ҳамин ҳол, корфармоён низ аксар вақт меъёрҳои қонунро нодида мегиранд, зеро ҷавобгарии воқеӣ барои вайронкунӣ саривақт баъзан тадбиқ намегардад. Андешаи олимон дар ин масъала дуруст аст, ки: “Сатҳи баланди маърифати ҳуқуқии шаҳрванд, ки бевосита аз сифат ва дастрасии иттилооти ҳуқуқӣ вобаста мебошад, метавонад ба боло рафтани эҳтиром нисбат ба қонун ва санадҳои дигари меъёрии ҳуқуқӣ ҳамчун воситаи асосӣ ва калидии батанзимдарории муносибатҳои ҷамъиятӣ, паст шудани сатҳи нигилизми ҳуқуқӣ, инчунин дар ботини шахс ба вучуд овардани эътиқод ба рафтори ҳуқуқӣ, ташаққули масъулият оид ба итоат кардан ба муқаррароти санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ мусоидат намояд ва шаҳрванд худро дар ҷомеа комилан озод ва беҳатар эҳсос намояд” [17, с. 104.].

Ҳамин тавр, камбудии амалӣ дар татбиқи кафолатҳои Кодекси меҳнати ҚТ ба чунин омилҳо вобастаанд: баъзан ҷой доштани таъбири пинҳонӣ, фишори раванӣ, набудани инфрасохтори иҷтимоӣ, риоя накардани қонун дар соҳаи хусусӣ ва дар сатҳи дахлдор ҷой надоштани маърифати ҳуқуқӣ. Ин мушкилотҳо на танҳо ҳуқуқҳои занонро поймол мекунанд, балки ба рушди иҷтимоӣ-демографӣ ва иқтисодии кишвар низ таъсири манфӣ мерасонанд.

Танзими ҳуқуқии ҳифзи занон ва шахсони дорои уҳдадорӣҳои оилавӣ дар муносибатҳои меҳнатӣ дар сатҳи байналмилалӣ ва минтақавӣ дар даҳсолаҳои охир ба таври назаррас пеш рафтааст. Ин раванд бо қабули конвенсияҳои Созмони байналмилалӣ меҳнат ва ислоҳотҳои миллӣ дар кишварҳои гуногун ҳамроҳ аст. Таҷрибаи байналмилалӣ метавонад

барои ҚТ ҳамчун манбаи муҳими ислоҳоти ҳуқуқӣ хидмат кунад, зеро Кодекси меҳнати амалкунанда дар боби 16 ғанӯз дар баъзе самтҳо аз стандартҳои муосир қафо мондааст.

Таҷрибаи Иттиҳоди Аврупо яке аз пешрафтатаринҳо ба ҳисоб меравад. Директиваи 2019/1158/ИА «Оид ба мувозинати ҳаёти корӣ ва ҳаёти оилавӣ» рухсатии падариро (paternity leave) ҳадди ақал 10 рӯзи музднок пешбинӣ менамояд ва рухсатии нигоҳубини кӯдакро то 4 моҳ барои ҳар як волидайн (бо имкони интиқол додани қисмҳо) кафолат медиҳад [4].

Инчунин, Директиваи 2010/18/ИА таъбири ғайримустақимро (масалан, рад кардани пешбарӣ ба зан пас аз баргаштан аз рухсатии ҳомиладорӣ) ҳамчун вайронкунии баробарии ҷинсӣ эътироф мекунад [5].

Дар кишварҳои Шимолии Аврупо (Шветсия, Норвегия, Финляндия) низоми мувозинатии рухсатии волидон амал мекунад: аз 480 рӯзи умумии рухсатӣ қисми зиёдаш барои падарон ҷудо карда шудааст, ки ин ба баробарии воқеии ҷинсӣ ва иштироки фаъоли падарон дар тарбияи фарзанд мусоидат менамояд [23].

Дар Кодекси меҳнати Федератсияи Россия (моддаҳои 254–264) кафолатҳои васеъро пешбинӣ менамояд. Масалан манъи корҳои шабона ва сафарҳои хизматӣ барои занони ҳомиладор ва модарони кӯдакони то се сол, рухсатии нигоҳубини кӯдак то се сол бо нигоҳ доштани ҷойи кор ва имкони кор дар вақти нопурра бо ҳифзи ҳуқуқҳои асосӣ. Аз соли 2021 ислоҳотҳо ворид карда шуданд, ки рухсатии падариро (ҳадди ақал 14 рӯз) ва ҳимояи аз таъбиз ҳангоми баргаштан аз рухсатӣ мустақкам карданд [19].

Дар кишварҳои Осиёи Марказӣ низ пешрафтҳо мушоҳида мешаванд. Дар Қазоқистон Кодекси меҳнати нав (аз соли 2015 бо ислоҳотҳои минбаъда) рухсатии ҳомиладориро то 126 рӯз ва рухсатии нигоҳубини кӯдак то се сол бо нигоҳ доштани музди миёна дар давраи аввал пешбинӣ менамояд [18].

Муқоиса бо танзими қонунгузори миллии нишон медиҳад, ки Кодекси меҳнати мо дар баъзе самтҳо дорои нуқсон аст. Фарқиятҳои асосӣ баъд аз таҳлил ба андешаи мо чунинанд: дар аксари кишварҳои пешрафта ва ҳатто дар Россия рухсатии падарӣ (paternity leave) ҳамчун ҳуқуқи мустақил муқаррар шудааст, дар ҳоле ки дар Тоҷикистон ин кафолат дар моддаҳои 224 ва 227 КМ ҚТ умумӣ пешбинӣ шуда, ҳимоя асосан ба занон равона гардидааст; дар Иттиҳоди Аврупо ва Русия

механизмҳои муассири ҳимоя аз таъбири ғайримустақим (аз ҷумла ҳангоми баргаштан аз рухсатӣ) вучуд дорад, аммо дар Тоҷикистон исбот кардани чунин таъбир дар амалия душвор аст; дар кишварҳои Шимолии Аврупо ва Русия низоми мувозинатии рухсатии волидон амал мекунад, ки ба иштироки баробари падарон мусоидат менамояд; дар Тоҷикистон кафолатҳо бештар ба занони ҳомиладор ва модарони кӯдакони то се сол равона шудаанд, аммо ҳимояи падарон, васиён ва шахсоне, ки пиронсолонро нигоҳубин мекунанд, заиф боқӣ мемонад.

Ин муқоисаҳо нишон медиҳанд, ки Тоҷикистон метавонад аз таҷрибаи Русия, Иттиҳоди Аврупо ва кишварҳои Осиеи Марказӣ истифода бурда, қонунгузорию худро такмил диҳад.

Таҳлили қисмҳои қаблӣ нишон дод, ки Кодекси меҳнати ҚТ дар боби 16 маҷмӯи кафолатҳои муҳимро барои занон ва шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ пешбинӣ намудааст, аммо дар марҳилаи амалисозӣ ва татбиқи воқеӣ як қатор камбудҳои ҷиддӣ вучуд дорад. Барои бартараф кардани ин мушкилот ва ноил шудан ба баробарии воқеии ҷинсӣ дар муносибатҳои меҳнатӣ ислоҳоти ҳадафмандона ва мукамал зарур аст.

Мо чунин пешниҳодҳои мушаххасро оид ба такмили қонунгузорию меҳнатӣ манзур менамоем:

1. Васеъ кардани доираи субъектҳо ва такмили мафҳум. Дар моддаи 1 КМ ҚТ мафҳуми «шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ» чунин дарҷ шудааст: занони ҳомила ва дигар кормандоне, ки дар тарбия ва нигоҳубиниашон кӯдаки то чордаҳсола, кӯдаки маъюб ва дигар шахсонро, ки қонунгузорию ҚТ муайян кардааст, доранд. Ин мафҳумро васеътар муайян карда, онро на танҳо ба модарон, балки ба падарон, васиён, шахсоне, ки кӯдакони маъюб ё пиронсолонро нигоҳубин мекунанд ва ҳатто ба аъзои оилаи наздики дигарон, ки уҳдадориҳои ғамхорӣ доранд, татбиқ намудан лозим аст. Ин тағйирот бо Конвенсияи № 156 СБМ ва таҷрибаи муосири Иттиҳоди Аврупо мувофиқат мекунад ва ба баробарии воқеии ҷинсӣ мусоидат менамояд. Яъне, шахсони дорои уҳдадориҳои оилавӣ – шахсоне эътироф мешаванд, ки дар асоси қонунгузорӣ вазифаи нигоҳубин, таъминот ва ғамхорию аъзои оилаи худро (занони ҳомила, модарон ва падарон (аз ҷумла падару модарони фарзандхондкунанда), васиён ва парасторон, дигар ҳешовандони наздике, ки воқеан ба тарбия, нигоҳубин ва ё парастории кӯдакони то синни чордаҳсола, кӯдакони маъюб, инчунин шахсони калонсоли дорои

маъҷубӣ ва ё шахсоне, ки ба нигоҳубини доимӣ эҳтиёҷ машғулбуда) ба уҳда доранд.

2. Ҷорӣ кардани рухсатии падарӣ ва мувозинати рухсатиҳои волидон. Дар КМ ҚТ дар моддаи 217 қисми 3 илова карда, рухсатии падариро (ҳадди ақал 10–14 рӯзи музднок) муқаррар намудан зарур аст. Инчунин, рухсатии нигоҳубини кӯдак то се солро байни волидон мувозинатнок тақсим кардан (бо имкони интиқоли қисмҳо) лозим аст. Ин таҷриба дар Шветсия, Норвегия ва Россия самаранок исбот шудааст ва ба иштироки фаёли падарон дар тарбияи фарзанд мусоидат менамояд.

3. Тақвияти ҳимоя аз таъбири ғайримустақим ва пинҳонӣ. Дар моддаи 7 (манъи таъбиз) ва боби 16 қоидаҳои махсус оид ба ҳимоя аз таъбири ғайримустақим (масалан, рад кардани пешбарӣ пас аз баргаштан аз рухсатӣ, тағйири ғайриқонунии вазифаҳо, фишори равонӣ) илова кардан лозим аст. Инчунин, зарур аст, ки ҷавобгарии моддӣ, маъмури ва ҷиноии корфармоён барои вайронкунии ин меъёрҳо муқаррар гардад, то ҳолатҳои «ҷазо додан» ба заноне, ки аз кафолатҳои модарӣ истифода мебаранд, пешгирӣ шавад.

4. Такмили механизмҳои назорат ва ҳимояи ҳуқуқӣ. Зарур аст, ки дар КМ ҚТ механизмҳои муассири назорати риояи кафолатҳо (аз ҷумла санҷишҳои ғайриҷашмдошти мақомоти меҳнат, машварати ҳуқуқӣ ва ҳимояи ғайрисудӣ) муқаррар гардад. Инчунин, бояд тартиби осони шикоят ва барқарор кардани ҳуқуқҳо (аз ҷумла барқарор кардани кор бо пардохти маблағи аз даст рафта) пешбинӣ шавад. Таҷрибаи Русия ва Иттиҳоди Аврупо нишон медиҳад, ки чунин механизмҳо самаранокии баланд доранд.

5. Ҳамоҳангсозии қонунгузории меҳнатӣ бо сиёсати иҷтимоӣ ва демографӣ. Зарур аст, ки кафолатҳои меҳнатӣ бо барномаҳои давлатии дастгирии оила (аз ҷумла зиёд кардани шумораи боғчаҳо, кӯмакпулӣ ба оилаҳои камбизоат, хизматрасониҳои нигоҳубин) ҳамоҳанг карда шаванд. Инчунин, бояд қоидаҳои махсус барои занони муҳочир ва модарони танҳо таҳия гардад, то онҳо дар бозори меҳнати дохилӣ ҳимояи кофӣ дошта бошанд.

Ҳамин тариқ, ҳифзи ҳуқуқҳои занон ва шахсони дорои уҳдадорихоӣ оилавӣ дар муносибатҳои меҳнатӣ на танҳо масъалаи адолати иҷтимоӣ ва баробарии ҷинсӣ, балки омили муҳими рушди устувори демографӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии кишвар мебошад. Кодекси меҳнати ҚТ асоси ҳуқуқии мустақам гузоштааст, аммо дорои баъзе

нуқсонҳо мебошад, ки ҳалли онҳо дар асоси пешниҳодҳои манзурнамудаи мо амри воқеӣ аст. Таҷрибаи байналмилалӣ (Иттиҳоди Аврупо, Русия, кишварҳои Осиёи Марказӣ) нишон медиҳад, ки ислоҳоти муваффақона имконпазир аст ва бояд ба самтҳои зерин равона гардад: васеъ кардани доираи субъектҳо, қорӣ кардани рухсатии падарӣ ва мувозинати рухсатиҳо, тақвияти ҷимоя аз таъбиз, такмили назорат ва ҳамоҳангсозии қонунгузорӣ бо сиёсати иҷтимоӣ. Ворид намудани пешниҳодҳои зикршуда дар Кодекси меҳнати кишвар ва дигар санадҳои меъриии ҳуқуқӣ на танҳо ҳуқуқҳои занон ва оилаҳоро беҳтар ҷимоя мекунанд, балки шароити мусоид барои мувозинати байни ҳаёти касбӣ ва оилавӣ фароҳам меояд. Ин раванд барои афзоиши фаъолнокии занон дар бозори меҳнат, беҳтар шудани вазъи демографӣ ва рушди устувори ҷомеа аҳамияти стратегӣ дорад.

Танҳо бо ҳамоҳангсозии қонунгузорӣ, таҷрибаи пешрафта ва фаъолияти ҷамъиятӣ (иттифоқҳои касаба, созмонҳои ҷомии ҳуқуқи занон, мақомоти давлатӣ) метавон ҷомеаи воқеан баробарҳуқуқ ва адолатнокро бунёд намуд, ки дар он ҳар як шахс – новобаста аз ҷинс ва уҳдадорихоии оилавӣ – имкониятҳои баробар барои рушди касбӣ ва қонеъ кардани масъулиятҳои оилавӣ дошта бошад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994 бо тағйиру иловаҳо аз 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 (бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ). – Душанбе, 2016. – 126с.

2. Аксиненко Д.А., Новицкий И.А. Проблемы реализации трудовых прав лиц с семейными обязанностями и беременных женщин // За права трудящихся! Гражданин как субъект трудового права: реализация и защита прав и законных интересов в условиях современных вызовов: материалы Десятой Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 2024). – Екатеринбург, 2024. – С. 307-312.

3. Бобокалонова С.Ғ. Хусусияти танзими ҳуқуқи меҳнати занон ва шахсони дорои уҳдадории оилавӣ ҳамчун субъекти муносибатҳои ҳуқуқи меҳнат // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. – 2022. – № 3 (27). – С. 258-267.

4. Директива (ЕС) 2019/1158 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. О балансе между профессиональной и частной жизнью родителей и лиц, осуществляющих уход, и об отмене Директивы Совета 2010/18/ЕС: текст: электронный // EUR-Lex: официальный портал Европейского Союза: [сайт]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:32019L1158> (дата обращения: 13.03.2026).

5. Директива Совета 2010/18/ЕС от 8 марта 2010 г. Об имплементации пересмотренного Рамочного соглашения о родительском отпуске, заключённого BUSINESSSEUROPE, UEAPME, СЕЕР и ETUC, и об отмене Директивы 96/34/ЕС: текст: электронный // EUR-Lex: официальный портал Европейского Союза: [сайт]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:32010L0018> (дата обращения: 13.03.2026).

6. Есин С.В., Задирака С.А. Актуальные вопросы нарушений трудовых прав работающих женщин и лиц с семейными обязанностями // Судебная система России на современном этапе общественного развития : сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции (Ростов-на-Дону, 2025). – Ростов-на-Дону, 2025. – С. 317-322.

7. Карданова И.В., Степанян Д.В. Толкование понятия "лица с семейными обязанностями" как межотраслевая проблема трудового права и права социального обеспечения // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 220-222.

8. Кодекси меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 23 июли соли 2016, № 1329// Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 2016, №7, мод.604; соли 2022, №7, мод.439; соли 2024. №5-6, мод.255.

9. Конвенция Международной организации труда № 103 об охране материнства (пересмотренная в 1952 году): принята Генеральной конференцией МОТ 28 июня 1952 г. в г. Женеве. — Текст: электронный // База данных «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/2540636/> (дата обращения: 13.03.2026).

10. Конвенция Международной организации труда № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий: принята на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ 25 июня 1958 г. в г. Женеве. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/ (дата обращения: 13.03.2026).

11. Конвенция Международной организации труда № 156 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями : принята на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ 23 июня 1981 г. в г. Женеве. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121450/ (дата обращения: 13.03.2026).

12. Конвенция Международной организации труда № 183 о пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства: принята Генеральной конференцией МОТ 15 июня 2000 г. в г. Женеве. — Текст: электронный // База данных «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/2563866/> (дата обращения: 13.03.2026).

13. Мананкова Р.П., Пашкова Г.Г. Лица с семейными обязанностями как субъектах трудового права: закон и доктрина // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 503. – С. 251-258.

14. Мирзоева Д.М. Особенности формирования института защиты прав женщин и запрещение дискриминации в отношении женщин // Государственное управление. – 2022. – № 2 (56). – С. 169-176.

15. Саидмухторов А.А. Обеспечение защиты прав женщин в контексте современной трудовой миграции // Государственное управление. – 2023. – № 4-3 (65). – С. 257-262.

16. Сангинзод Д.Ш., Сангинов К.Ш. Пешвои миллат ва соли маърифати ҳуқуқӣ. Монография. - Душанбе: Балоғат, 2024. — 304 с.

17. Султонова Т.И. Реализация принципа гендерного равенства в законодательстве Республики Таджикистан: достижения и перспективы // Правовая жизнь. – 2023. – № 2 (42). – С. 5-11.

18. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (в редакции от 01.01.2026): текст: электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (дата обращения: 13.03.2026).

19. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2025): текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 13.03.2026).

20. Ҳуқуқи меҳнат ва таъминоти иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон / китоби дарсӣ// Сангинов Д.Ш., Бобокалонов Ғ.М., Кабутов Э.Д., Мавлонназарзода О.А. ва диг. Душанбе: “ЭР-граф”, 2021. – 452 с.

21. Arbeidsmiljøloven (Норвегия): Закон о среде труда (Arbeidsmiljøloven): текст: электронный // Lovdata: официальный портал законодательства Норвегии: [сайт]. — URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-06-17-62> (дата обращения: 13.03.2026).

22. Föräldraledighetslag (1995:584) (Швеция): Закон о родительском отпуске (Föräldraledighetslag (1995:584)): текст: электронный // Sveriges Riksdag: официальный портал парламента Швеции: [сайт]. — URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/foraldraledighetslag-1995584_sfs-1995-584 (дата обращения: 13.03.2026).

23. Laki vanhempainrahasta (Финляндия): Закон о родительском пособии (Laki vanhempainrahasta): текст: электронный // Finlex: официальный портал законодательства Финляндии: [сайт]. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1984/19840775> (дата обращения: 13.03.2026).

24. Lov om folketrygd (Folketrygdloven) (Норвегия): Закон о народном страховании (Lov om folketrygd (Folketrygdloven)): текст: электронный // Lovdata: официальный портал законодательства Норвегии: [сайт]. — URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1997-02-28-19> (дата обращения: 13.03.2026).

Муқарризи мақола Мирзозода П. З. – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

УДК: 347. 454: 728. 1 (575.3)

**АМНИЯТИ ИТТИЛООТӢ ВА ҲИФЗИ ҲУҚУҚУ ОЗОДИҲОИ
ИНСОН ДАР ҶОМЕАИ ИТТИЛООТӢ: ДАР МИСОЛИ ТАҶРИБАИ
ДАВЛАТҲОИ ХОРИҶӢ**

САФАРАЛИЗОДА ДАЛЕР САИДАҲТАМ,

**Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, номзади
илмҳои ҳуқуқшиносӣ, ассистенти кафедраи ҳуқуқи инсон ва
ҳуқуқшиносии муқоисавӣ. Email: daler-safaraliev@mail.ru Тел.: +992
987954864.**

Дар шароити ҷаҳонишавӣ ва гузариши босуръат ба иқтисоди рақамӣ, амнияти иттилоотӣ дар ҷомеаи иттилоотӣ ҳамчун ҷузъи ҷудонашавандаи амнияти миллии ҳар як давлат ба ҳисоб меравад. Рушди технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ дар канори имкониятҳои васеъ, таҳдидҳои навро ба амнияти шахсият, аз ҷумла даҳолат ба ҳаёти хусусӣ, киберҷинояткорӣ ва манипулятсияи шуури ҷамъиятиро дар замони ҳозира ба вучуд овардааст.

Дар мақолаи мазкур муаллиф кушиш намудааст, ки таҳлили умумии механизмҳои ҳуқуқии таъмини амнияти иттилоотӣ ва пажӯҳиши таҷрибаи давлатҳои пешрафтаи хориҷӣ ҷиҳати муайян намудани таносуб миёни амнияти давлат ва ҳифзи ҳуқуқҳои конституционии шаҳрвандонро дар ҷомеаи иттилоотӣ равшанӣ намояд.

Калидвожаҳо: инсон, амният, иттилоот, амнияти иттилоотӣ, ҳифз, озодӣ, шаҳрванд, давлат, ҷомеаи шаҳрвандӣ, иттилооткунонӣ, унсури хориҷӣ, давлатҳои хориҷӣ, ҷомеаи иттилоотӣ, ташкилотҳои ҷамъиятӣ, ҳимояи ҳуқуқи инсон, Конститутсия.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

САФАРАЛИЗОДА ДАЛЕР САИДАХТАМ,

Таджикский национальный университет, юридический факультет, кандидат юридических наук, ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения. Email: daler-safaraliev@mail.ru Тел.: +992 987954864

В контексте глобализации и стремительного перехода к цифровой экономике информационная безопасность в информационном обществе рассматривается как неотъемлемая часть национальной безопасности каждого государства. Развитие информационно-коммуникационных технологий, наряду с открывающимися перед ними широкими возможностями, породило новые угрозы личной безопасности, включая вторжение в частную жизнь, киберпреступность и манипулирование общественным сознанием в современную эпоху.

В данной статье автор предпринял попытку провести общий анализ правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и изучить опыт развитых зарубежных стран с целью определения баланса между государственной безопасностью и защитой конституционных прав граждан в информационном обществе.

Ключевые слова: человек, безопасность, информация, информационная безопасность, защита, свобода, гражданин, государство, гражданское общество, информатизация, иностранный элемент, иностранные государства, информационное общество, общественные организации, защита прав человека, Конституция.

**INFORMATION SECURITY AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS
AND FREEDOMS IN THE INFORMATION SOCIETY: BASED ON
THE EXPERIENCE OF FOREIGN STATES**

SAFARALIZODA DALER SAIDAHTHAM,

**Tajik National University, Faculty of Law, Candidate of Legal
Sciences, assistant of the Department of Human Rights and Comparative
Law. Email: daler-safaraliev@mail.ru Тел.: +992 987954864**

In the context of globalization and the rapid transition to a digital economy, information security in the information society is considered an integral part of the national security of each state. The development of information and communications technologies, along with the vast opportunities they offer, has given rise to new threats to personal security, including invasion of privacy, cybercrime, and the manipulation of public opinion in the modern era.

In this article, the author attempted to conduct a general analysis of legal mechanisms for ensuring information security and to study the experience of developed foreign countries in order to determine the balance between state security and the protection of the constitutional rights of citizens in the information society.

Keywords: human, security, information, information security, protection, freedom, citizen, state, civil society, informatization, foreign element, foreign states, information society, public organizations, protection of human rights, Constitution.

Низоми имрӯзаи иттилоотӣ ҷаҳони муосирро ба як ҷузъи ягонаи том пайваста намуда, ҳамаи кишварҳоро аз ҷиҳати иттилоотӣ ба ҳамдигар алоқаманд карда, маҷбур месозанд, ки аз як тараф, ба сифати ҳамкориҳои иттилоотӣ дар соҳаҳои гуногуни фаъолияти ҳаёти ҷомеа диққати махсус диҳанд, аз тарафи дигар бошад, зарурияти ташаккули фазои иттилоотии давлатии ҳеш рушд ва ҳифзи онро тақозо намоянд. Ин дар навбати худ, талаб менамояд, ки ҳалли мушкилоти ҳамкориҳои иттилоотӣ дар сатҳи давлатҳои хориҷӣ аз ҷиҳати вақт ҳар қадами навбатӣ дар танзими ҳамкорӣ дар соҳаҳои гуногун инкишоф ёбад.

Тавре З.Б. Имомова ишора менамояд, ки густариши муттасили шабакаҳои умумиҷаҳонӣ дар тамоми дунё, аз ҷумла Тоҷикистон

натанҳо имкониятҳои нави дастрас, паҳн намудан, мубодилаи иттилоот, истифодаи захираҳои маълумотӣ, тиҷоратӣ, маишӣ ва фарҳангиро фароҳам меоранд, балки масъалаҳои нави ҳуқуқиро ба вучуд меорад [6, с. 141.]. Дарвоқеъ, имрӯз ҷомеаи инсонӣ, аз ҷумла Тоҷикистони азиз низ рӯ ба тараққиёт оварда, ба имконоти нав дар соҳаҳои иқтисодӣ, сиёсат, ҳарбӣ ва ғайра сазовор гардидааст.

Раванди ҷаҳонишавӣ ва рушди технологияи иттилоотии коммуникатсионӣ ба соҳаҳои мухталифи ҳаёти ҷамъиятӣ тағйироти куллӣ ва навоарии иттилоотӣ-технологиро меоранд. Саноати истеҳсолӣ, технологияи баланди иттилоотӣ коммуникатсионӣ, инчунин саноати хизматрасонӣ, тарбияи ҷисмонӣ ва варзишу фароғат бо суръати зиёд меафзоянд. Дар натиҷа тағйиротҳои мазкур фаъолияти иҷтимоӣ-иқтисодӣ, ки бо дастрас кардан ва таҳияи иттилоот вобаста аст, имрӯз дар рушди мамлакат нақши бениҳоят муҳим мебозанд. Дар бозори меҳнат низ мувофиқан тағйирот ба вуқӯъ омадааст: аз рӯйи баҳои коршиносон 60-70% ҷойҳои нави кор дар мамолики мутараққӣ ба ин ё он шакли таҳияи иттилоот вобастагӣ доранд. Технологияҳои иттилоотӣ коммуникатсионӣ дар азнавсозии таҳдиди сохтори ҳама шаклҳои фаъолият мавқеи муҳим пайдо карда, дар маҷмуъ моҳияти давлатро ташкил медиҳанд.

Ҷиҳати дарк намудани шартҳои рушди қонунгузории муосир дар самти ҳуқуқ ба иттилоот аввалиндараҷа ба мо зурур аст, ки таърихи ташаккули онро муайян намоем. Солҳои 1970 ва 1980 давраи таҳаввули қонунгузории Иттиҳоди Шуравӣ дар танзими иттилооти оммавӣ ва расмӣ, таъмини дастрасӣ ба низоми иттилоотии кушода, дастрасӣ ба сирри давлатӣ ва дигар намудҳои иттилоот муҳдудиятҳои қонунӣ пешбинӣ гардида буд. Дар Иёлоти Муттаҳида бошад, қонун аз соли 1966 “Дар бораи озодии иттилоот” ва қонун аз соли 1976 “Дар бораи Ҳукумати кушода” қабул карда шуданд. Муқаррароти ин қонунҳо ташкили иттилооти ҳуччатгузоришударо дар дохили низоми идоракунии давлатӣ танзим мекунанд ва вазифаҳои ҳукуматро барои мусоидат ба амалӣ кардани ҳуқуқи шаҳрвандон барои дастрасӣ ба он муқаррар мекунанд. Инчунин, аз ҷониби бисёр давлатҳои Аврупо низ қонунҳо дар ин самт қабул карда шудаанд [13, с. 145.].

Конститутсияи ИҶШС аз соли 1977 ва Конститутсияи ҚШФСР аз соли 1978 ягон муқаррароти мустақилро оид ба ҳуқуқ ба иттилоот кафолат медоданд, дар бар намегирифтанд [8, с. 556.].

Ҳуқуқ ба иттилоот ба низоми ҳуқуқу озодиҳои сиёсӣ дохил карда шуда буд. Дар ин санадҳо озодии сухан, матбуот, ҷамъомадҳо, гирдиҳамоиҳо, раҳпаймоиҳои кӯчагӣ ва намоишхоро муқаррар карда буд [3, с. 18.]. Танзими ҳуқуқи ҳуқуқ ба иттилоот дар Тоҷикистони Шуравӣ низ мустақкам нашуда буд. Зеро ин ҳуқуқ ба гурӯҳи ҳуқуқу озодиҳои сиёсӣ шомил мегардид ва дар доираи ин гурӯҳ маҳдуд буд.

Соҳаи инкишофи муносибатҳои иттилоотӣ ва ташаккули ҷомеаи иттилоотӣ нисбатан вақтҳои охир мавриди таҳқиқот ва пажӯҳиш қарор гирифтааст. Ҷомеашиноси амрикоӣ, асосгузори концепсияи ҷомеаи иттилоотӣ (пас аз саноатӣ) Д. Белл, ҳисобида мешавад, ки асари машҳури худро таҳти унвони “Ҷомеаи ояндаи пас аз саноатӣ. Таҷрибаи пешгӯии иҷтимоӣ” соли 1973 нашр кардааст. Дар асари мазкур, Д. Белл қайд менамояд, ки ҷиҳати тараққиёт ҷомеа аз се марҳила мегузарад:

1) пеш аз саноатӣ, ки дар он унсури асосии истеҳсолот имконоти қудратӣ мебошад;

2) саноатӣ, ки унсури асосии ҳаракатдиҳандаи он техника ва мошинаҳо ба шумор мераванд;

3) пас аз саноатӣ (иттилоотӣ), ки дар он зеҳн ва ақли инсонӣ унсури асосии истеҳсолкунанда арзёбӣ мегардад. Тавре ки олим дар бораи хусусиятҳои хоси ҷомеаи пас аз саноатӣ (иттилоотӣ) қайд менамояд, ки то ба итмом расидани ташаккули он, хусусиятҳои инфиродии онро ба таври возеҳ тавсиф кардан мумкин нест [2, с. 29.].

Солҳои охир дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - ҶТ) санадҳои меъриии ҳуқуқи зиёд қабул шудаанд, ки бевосита дар соҳаи иттилоот, ҳифзи иттилоот, технологияҳои иттилоотӣ ва технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ мутаалиқ мебошанд. Ин раванд ба маротиба сабаб ва асоси паҳнгардии низоми алоқа, истифодаи васеи иттилоот ва асосҳои ҳифзи он, технологияҳои иттилоотӣ ва технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ дар фаъолияти ҳаёти ҷамъият ва давлат, инкишофи муайян дар рушди инфрасохтори технологияҳои иттилоотӣ ва технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ, амалигардонии лоиҳаву барномаҳои иттилоотонӣ мусоидат кард. Сатҳи кунунии рушди технологияҳои иттилоотӣ ва технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ дар мамлакат имкон медиҳанд, ки ба таҳияи сиёсати давлатӣ дар ташаккул ва инкишофи фазои ягонаи иттилоотӣ дар ҶТ равона гардад. Яъне замина ва маҳзанҳои иттилоот, технологияҳои пешбурд ва тарзи дурусти

истифодабарии онҳо, инфрасохтори технологияҳои иттилоотӣ, низом ва шабакаҳои иттилоотиву телекоммуникатсионие, ки дар асоси тартиби муайян ва принципҳои ягона амал менамоянд, робитаи мутақобилаи шаҳрвандон ва ташкилотҳоро таъмин мекунад.

Қобили зикр аст, ки ҷиҳати муайян намудани мафҳуми амнияти иттилоотӣ мо зарур мешуморем, ки истилоҳи “амният” равшанӣ ва шарҳ дода шавад. Дар доктринаи илмӣ ақидаҳои гуногун вобаста ба мафҳуми мазкур пешниҳод шудааст. Масалан, дар луғати истилоҳоти ҳуқуқи инсон, ки мураттибони он як қатор олимони ватанӣ мебошанд, аз қабилӣ З. Ализода, У. Бобозода, Р. Ҳабибуллозода, С. Қодирӣ, Ҷ. Саъдизода, А. Содиқов, Н. Баҳриева истилоҳи амниятро бо истилоҳи бехатарӣ ҳаммаъно шумориданд [15, с. 13.]. Айнан, дар луғати тафсирии олими рус В. Дал, истилоҳи мазкур бо истилоҳи бехатарӣ низ ҳаммаъно маҳсуб шудааст. Дар он бехатариро ҳамчун таъмини амният, эътимодият ва мавҷуд набудани хатар шарҳ дода шудааст [4, с. 67.].

Ба ақидаи С.И. Ожегов бошад, бехатарӣ ин ҳолате мебошад, ки хатар таҳдид намекунад ва аз хатар ҳимоя мавҷуд аст [17, с. 47.].

Дар асари олимони Россия В. Серебрянников, А. Хлопев таҳти унвони “Амнияти иҷтимоии Россия” таъкид мегардад, ки амният ин фаъолияти инсон, ҷамъият, давлат, иттиҳоди халқиятҳои олам оид ба ошкор намудан (омӯзиш), пештирӣ, очиз кардан, бартараф (барҳам додан) ва инъикос намудани хатар ва таҳдидҳо, ки онҳоро ба нобудшавӣ оварда метавонад, аз арзишҳои асосии моддӣ ва маънавӣ маҳрум мекунад, сади роҳи инкишоф ва ҳастии онҳо мегардад, мебошад [17, с. 16.].

Дар қонунгузории миллӣ истилоҳи амнияти миллӣ шарҳ дода шудааст, ки мувофиқи он “амнияти миллӣ – ҳолати муҳофизатии манфиатҳои ҳаётан муҳими кишвар аз таҳдидҳои воқеӣ ва эҳтимолии дохиливу берунӣ” [10] мебошад. Инчунин, Қонуни ҶТ “Дар бораи амният” таърифи таъмини амният, амнияти иқтисодӣ, амнияти озуқаворӣ, амнияти ҷамъиятӣ, амнияти ҳарбӣ, амнияти экологӣ, амнияти иттилоотӣ, амнияти берунӣ ва амнияти дохилиро низ пешбинӣ менамояд. Мувофиқи санади ишорагардида асосҳои қонунии таъмини амнияти шахс, ҷомеа ва давлатро муайян намуда, низоми таъмини амният, вазифа, мақсад ва самтҳои асосии онро ба танзим дароварда мешавад.

Манфиатҳои ҳаётан муҳим аз ҷониби қонунгузор ҳамчун маҷмуи шарт ва талаботҳои фаҳмида мешавад, ки мавҷудият ва имконияти бо

суръат инкишофёбии шахсият, ҷомеа ва давлатро таъмин менамояд. Таҳдидҳо ба амният бошанд, маҷмуи шароит, раванд ва омилҳои, ки барои амалишавии манфиатҳои миллӣ монеа мешаванд ё ба онҳо хатар ба вучуд меоранд, дар назар дошта мешаванд. Таъмини амниятро қонунгузор тибқи сиёсати ягонаи давлатӣ дар соҳаи таъмини амният ба воситаи низоми тадбирҳои дорои хусусияти иктисодӣ, сиёсӣ, ташкилӣ ва дигар хусусиятҳо, ки ҷавобгӯи манфиатҳои ҳаётан муҳимми инсон ва шаҳрванд, ҷамъият давлат мебошанд, муқаррар менамояд [6, с. 144.].

Ҷиҳати равшании мазмун ва моҳияти амнияти иттилоотӣ истилоҳҳои бехатарии иттилоот ва ҳифзи иттилоотро дида баромадан зарур мешуморем. Қонунгузори миллӣ истилоҳҳои мазкурро дар Қонуни ҚТ “Дар бораи ҳифзи иттилоот” мустаҳкам намудааст. Дар қонун оид бехатарии иттилоот ва ҳифзи иттилоот чунин муқаррарот пешбинӣ гардидааст: бехатарии иттилоот – ҳолати ҷимояшавии иттилоотӣ дар системаҳои иттилоотӣ қор қарда баромада шуда аз таҳдиди дохилӣ ё берунӣ. Ҳифзи иттилоот – маҷмуи чорабиниҳо, ки бо мақсади пешгирӣ намудани ихроҷӣ, дуздӣ, гумкунӣ, нобудсозии беиҷозат, ғалат маънидоқкунӣ, тағйирдиҳӣ (сохтакорӣ), нусхабардориҳои беиҷозат ва бастании роҳи паҳншавии иттилоот гузаронида мешаванд [9.]

Ба ақидаи З.Б. Имомова асоси низоми амнияти иттилоотӣ дар кишвар ин таъмини манфиатҳои шахсият, ҷомеа ва давлат мебошад. Муҳаққиқ ба объектҳои асосии амнияти иттилоотӣ ҳуқуқу озодӣ ва манфиатҳои шахсият, аризишҳои моддӣ-маънавии ҷомеа ва манфиатҳои он, сохтори конституционӣ, сохибхитиёрӣ, тамомияти арзӣ ва манфиатҳои давлатро дохил менамояд [6, с. 143.].

Манфиатҳои шахсӣ дар амалӣ намудани ҳуқуқу озодиҳои конституционии инсон ва шаҳрванд дар дастрасӣ ба иттилоот, истифодаи иттилооти оммавӣ барои амали намудани мақсадҳо ва фаъолияти бо қонун манъ нагардида, инкишофи ҷисмонӣ, маънавӣ ва ақлонӣ, ҳифзи иттилооте, ки бехатарии шахси ро таъмин мекунад, таҷассум меёбад.

Манфиатҳои ҷамъияти ғайр аз таъмини инкишофёбии ҳуқуқу манфиатҳои шахсият дар ҷомеа, мустаҳкам намудани демократия, ташкили давлати ҳуқуқбунёд, иҷтимоӣ, дастгирӣ ва ноил шудан ба созиши ҷамъиятӣ мебошад.

Манфиатҳои давлатӣ бошад, ин фароҳам овардани шароит барои инкишофи муътадили сохторҳои иттилоотии Тоҷикистон баҳри амалӣ

намудани ҳуқуқу озодиҳои конституционии инсон ва шаҳрванд дар соҳаи ба даст овардани иттилоот ва истифодаи он бо мақсади пойдории сохтори конституционӣ, соҳибхитиёрӣ тамомияти арзии Тоҷикистон, устувории сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии мамлакат, таъмини бечунучарои қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, инкишоф додани ҳамкориҳои баробарҳуқуқ ва муфиди байналмиллалӣ мебошад [6, с. 145.].

Доир ба падидаи амнияти иттилоотӣ гурӯҳи олимон, аз қабилӣ Ҷ.З. Маҷидзода, А.Ғ. Холиқзода ва Р.С. Одиназода андешаронӣ намудаанд. Ба ақидаи онҳо истилоҳи амнияти иттилоотӣ бо истилоҳҳои технологияи иттилоотӣ ва амнияти компютерӣ ҳаммаъно намуда, дар зери он ҳифз намудан ва нигоҳдорандаи инфрасохтори иттилоот аз ҳама гуна амалиёти зараррасони ногаҳонӣ ва сӯйқасд ба таҷҳизоти компютерӣ фаҳмида мешавад, ки натиҷаи он метавонад расонандаи зарар худи иттилоот, дорандаи он ё нигоҳдорандаи инфрасохтор бошад. Амнияти иттилоотии таҷҳизоти компютерӣ – ҳолати ҳимояи муҳити иттилооти компютерӣ, ташаккулёбӣ, истифодабарӣ ва рушди онро таъмин менамояд [15, с. 50.].

Тавре ки дар боло ишора намудем, дар қонунгузориҳои кишвар амнияти иттилоотӣ танзими ҳуқуқии худро ёфтааст. Дар санадҳои меъёрии ҳуқуқии соҳавӣ асоси танзими қонунии он мустақкам шуда, падидаи мазкур яке аз масъалаҳои мубрами ҷомеаи имрӯза ба шумор меравад. Масалан, дар Қонуни ҚТ “Дар бораи амният” чунин шарҳ дода шудааст: амнияти иттилоотӣ – ҳолати муҳофизатии манбаъҳои давлатии иттилоотӣ, инчунин ҳуқуқи инсон ва шаҳрванд, манфиатҳои ҷамъият дар соҳаи иттилоот” [10.].

Асоси амнияти иттилоотиро ҳифзи ҳуқуқу озодӣ ва манфиатҳои қонунии тамоми субъектони ҷомеа ва давлат, фароҳами овардани шароити мусоиди иттилоотӣ барои дарку таҳлили иттилооти оммавӣ, ки аз тарз воситаҳои гуногуни иттилоотӣ паҳн карда мешавад, ташкил медиҳад. Аз ин лиҳоз, ба сифати субъектони муносибатҳои ҷамъияти дар соҳаи амнияти иттилоотӣ дар соҳаи иттилооти оммавӣ: шаҳрвандони ҚТ, ҷомеа ва давлат дохил мешаванд. Инчунин, қонунгузор ба доираи мазкур шаҳрвандони дигар давлатҳо, шахсони ҳуқуқӣ, ташкилотҳои байналмилалиро ворид намудааст.

Қобили тазаккур аст, ки мушкilotи асосӣ ҷиҳати даркнамоӣ чӣ аз ҷиҳати назариявӣ ва чӣ аз ҷиҳати амалиявии қонунгузорӣ ин таносуби субъектон ва иштирокчиён оид ба таъмини амнияти иттилоотӣ

мебошад. Ҳамин тариқ, субъектон вобаста ба тарзҳои амалишавӣ дар ҷараёни таъмини амнияти иттилоотӣ чунин иштирок мекунад:

– шаҳрвандон, ки бевосита иштирокчиҳои асосии амнияти иттилоотӣ буда, барои ҳифзи ҳуқуқи манфиатҳои қонунии худ аз таҳдид ва хатари ғайриқонунӣ аз имконият ва дастовардҳои, ки қонунгузор муқаррар намудааст, истифода менамояд;

– ҷомеа ба воситаи муассиса ва ташкилотҳои ғайридавлатии хусусӣ, фондҳо, марказҳои илмӣ-таълимӣ, иттилоотию таҳқиқотӣ ва дигар сохторҳои марбут дар соҳаи амнияти иттилоотиро таъмин менамоянд;

– давлат мақоми ваколатдор буда, вазифаҳоро дар ин самт ба воситаи мақомоти қудратӣ, аз қабili мақомоти ҳокимияти қонунгузор, иҷроия, судӣ, прокуратура ва дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ амалӣ мекунад. Масалан, яке аз вазифаҳои муҳими ин самт тақсими намудани ваколатҳо дар байни ниҳодҳои таъминкунандаи амният ба шумор меравад.

Ба андешаи В.Н. Лопатин ташкили ҳамкориҳои байниҳамдигарии сохторҳои давлатӣ ва ғайридавлатӣ дар таъмини амният роҳи ҳалли ин мушкилот зоҳир мегардад. Инчунин, муайян кардани дараҷа ва қоидаҳои иштироки шаҳрвандон дар таъмини амнияти миллӣ ва ҳамкориҳои онҳо бо давлат ва ҷомеа зарур мебошад [13, с. 41.].

Як қатор олимон қайд менамоянд, ки имрӯз, давлат дар симои мақомоти худ ба инсон ҳамчун объекти фаъолияти худ назар меафканад ва кам ҳамчун субъекти муносибатҳои соҳаи амният ва амнияти шахсӣ ба ҳогузори мекунад, ки ин ҳама метавонад ба оқибатҳои манфӣ оварда расонад [1, с. 608.].

З.Б. Имомова қайд менамояд, ки бе ҳамкорӣ бо иштирокчиён муносибатҳои ҳуқуқии бамиёномада ҳал намудан имконнопазир аст. Таҳлили қонунгузориҳои имрӯз амалкунанда шаҳодат аз он медиҳад, ки дар таъмини амнияти иттилоотӣ нақши давлат бартарӣ мекунад ва нақши ду зинаи дигар қариб, ки ба назар намерасад. Дар қонунҳои соҳаи иттилооти оммавӣ бештари ваколатҳо ба давлат тааллуқ доранд. Ба шаҳрвандон ва ҷомеа маҷмуи ҳуқуқи уҳдадорихо пешбинӣ карда мешаванд, ки ин ҳуқуқи уҳдадорихо қишри мазкури ҷомеаро дар ин муносибатҳо ҳамчун истифодабарандаи манфии истеъмолкунандаи иттилоот муайян мекунад [6, с. 148.]. Дар ин маврид қайд намудан зарур аст, ки мо андешаи олимонро ҷонибдорӣ намекунем. Зеро давлат субъекти асосии ин навъи муносибат мебошад ва вазифаи

аввалиндараҷаи он таъмини ҳуқуқу озодии шахс, тартиботи ҷамъиятӣ, ахлоқи ҷомеа, сиҳатии аҳоли ва ғ. ба ҳисоб меравад.

Дар моддаҳои 23 ва 25-и Конститутсияи кишвар меъёрҳои мустаҳкам шудаанд, ки ҳуқуқу озодии шахсро ба ҳаёти шахсӣ кафолат медиҳанд. Дар Конститутсияи мамлакат ҳуқуқ ба дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ, марҳамияти мукотиба ва суҳбати телефонӣ мустаҳкам гардидааст. Дар бораи ҳаёти шахсии фард бе розигии у ҷамъ намудан, нигоҳ доштан, истифода ва паҳн кардани маълумот манъ аст. Мақомоти ҳокимияти давлатӣ вазифадор карда мешаванд, ки ба ҳар кас имконияти пайдо намудан ва шинос шуданро ба ҳуҷҷатҳои, ки ба ҳуқуқ ва манфиати ӯ дахлдоранд, таъмин намоянд, ба истиснои ҳолатҳои, ки қонун муайян кардааст [7.].

Ҳуқуқи инсон ба иттилоот ба низомии умумии ҳуқуқу озодии инсон ворид гардида, чараёни дарк ва пажӯҳиши фаъолияти механизмҳои ҳуқуқии ҳифзи онҳо дар маҷмӯъ ба таҳқиқ, раванд ва ташкили ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои, ки барои инсон ва шахрванд муқаррар шудаанд, таъсири мусбат мерасонад.

Чараён ва фаъолияти босуръати иттилоотикунонӣ дар кишвар барои худ амаликунии ҳар як шахсият, иштирок дар ҳаёти фарҳангӣ, истифода аз дастовардҳои илмӣ ва технологияҳои нави иттилоотӣ имконияти воқеиро фароҳам меоварад. Аз ин рӯ, моддаи 40-и Конститутсия ба ҳар шахс ҳуқуқи озодона дар ҳаёти фарҳангии ҷамъият, эҷоди бадеӣ, илмӣ ва техникӣ ширкат варзидан, аз дастовардҳои онҳо истифода карданро кафолат медиҳад [7.].

Воқеан, А.А. Фатянов дуруст кайд менамояд: “Айни ҳол мо шоҳидони ташаккули ақидаи устувор оид ба дастрасии умум будани иттилоотӣ дар шакли дониши мавҷудбуда гашта истодаем, талаботи аксари фардҳо нисбати он то ҳаде ба талабот ба ҳаёт ва озодӣ баробар аст. Агар ҳуқуқ ба ҳаёт ҳамчун ҳуқуқи асосии инсон маҳдуднопазир бошад ва маҳдуд кардани он аз ҷониби қонун ба таври қатъӣ ба тартиб дароварда шавад, қамин гуна танзимномаи ҷиддиро маҳдуд кардани ҳуқуқи дастрасӣ ба иттилоот, ки барои шахсият зарур аст, талаб менамояд” [19, с. 32.].

Танзими ҳуқуқии ҳуқуқи инсон ба иттилоот дар меъёрҳои Конститутсияи ҚТ, санадҳои байналмилалӣ эътирофнамудаи Тоҷикистон, Қонуни ҚТ “Дар бораи дастрасӣ ба иттилоот”, Қонуни ҚТ “Дар бораи ҳифзи иттилоот” ва Қонуни ҚТ “Дар бораи иттилоотонӣ” ва санадҳои зерқонунӣ пешбинӣ гардидааст. Санадҳои меъёрии ҳуқуқии

фавқузикр ба танзими ҳуқуқи муносибатҳои ҷамъияти дар соҳаи иттилоот, ҳифз иттилоот, иттилооткунони ва дигар муносибатҳои марбут равона гардидаанд, ташкил медиҳанд.

Қонуни ҚТ “Дар бораи иттилоот” меъёрҳои муқаррар намудааст, ки истилоҳҳои иттилооти махфӣ (конфиденсиалӣ), иттилооти пинҳонӣ ва иттилооти дастрасиашон маҳдудро фаро мегирад. Илова бар ин, қонуни зикргардида таърифи падидаи “иттилоот дар бораи шахрвандон (маълумоти шахсӣ)”-ро низ мустақкам намудааст. Мувофиқи қонуни мазкур иттилоот дар бораи шахрвандон (маълумоти шахсӣ) – маълумот дар бораи далелҳо, воқеаҳо ва ҳолатҳои зиндагии шахрванд, ки ба ҳаммонандкунии шахсияти ӯ имкон медиҳад. Инчунин, принципҳои асосии танзими ҳуқуқи фаъолияти бо маълумоти шахсӣ алоқаманд буда, пешбинӣ карда мешавад.

Дар докторинаи илмӣ паҳн гардидааст, ки хатар зиёд дар ҷомеаи иттилоотӣ ин боиси ба вучуд омадани намудҳои нави ҷинойтҳои хусусияти иҷтимоӣ дошта, ки бо истифодаи техникаю технологияҳои нав содир карда мешаванд, мегарданд. Ба намудҳои асосии ин ҷинойтҳо найрангҳо бо маблағҳои электронӣ, авбошии компютерӣ, дуздии иттилооти ҳифзшавандаи гуногун ва ё нусхабардории ғайриқонунии он дохил мешавад [20, с. 96.].

Воситаҳои муосири махсуси техникӣ ба руҳия, шуури инсон ва ба сохторҳои иттилоотию техникӣ ҷомеа ва артиш метавонанд таъсир расонад. Онҳоро ҳамчун намуди нави яроқ тавсиф мекунад – яроқи электронӣ ва ё иттилоотӣ, ки ҳамлаҳоро бо воситаҳои гуногун ба шабакаҳои компютерӣ амалӣ мекунад, аз ҷосусии электронӣ сар карда, то вирусҳои, ки сохторҳои муҳимро хароб мекунад. Ба яроқи иттилоотӣ, воситаҳои барномавӣ (вирусҳои компютерӣ, барномаҳо ё бомбаҳои мантиқӣ ва ғ.), воситаҳои радиоэлектронии мубориза, генераторҳои психотропӣ дохил мешаванд [12, с. 122.]. Агар ҳамин гуна таъсиррасонии мақсаднок ба муҳити иттилоотӣ на аз ҷониби давлат, балки аз тарафи гурӯҳи ҷинойтӣ ва ё шахси алоҳида анҷом дода шавад, ин намуди тасиррасонӣ терроризми иттилоотӣ номбурда мешавад [5, с. 34.]. Хусусияти фарқкунандаи ин нави яроқ арзонӣ ва мураккабии ошкор кардани он мебошад. Як муттаҳассиси кушояндаи барномаҳо метавонад, зарари баробар ба амалиёти ҳарбии аз ҷониби қушунҳои муттаҳида иҷрошавандаро ба анҷом расонад. Акнун, байни давлатҳо барои муайян намудани қудратнокӣ стратегияи нав – стратегияи ҷанги

иттилоотӣ истифода бурда мешвад. Мувофиқи таърифе, ки бархе аз олимон вобаста ба ин мафҳум пешниҳод менамоянд, ҷанги иттилоотӣ – ин намуди махсуси муносибати байни давлатҳо мебошад, ки барои ҳалли муҳолифатҳои мавҷудаи байнидавлатӣ методҳо, воситаҳо ва технологияҳои таъсиррасонии пуриқтидор ба соҳаи иттилоотии ин давлатҳо истифода бурда мешавад [5, с. 35].

Дар охир бояд қайд намуд, ки паҳншавии хатар ва таҳдидҳо дар замони муосир ба фазои иттилоотии кишвар, ки дорои хусусияти трансиллӣ ва технологӣ мебошанд, зарурати таҷдиди назар ба механизмҳои миллии амниятиро ба миён меорад. Ин омил давлатро ҳамчун кафили асосии ҳуқуқи озодиҳои инсон вазифадор месозад, ки ҷиҳати тақмили заминаҳои ҳуқуқӣ ва техникӣ-технологии ҳифзи иттилоот тадбирҳои таъхирнопазир андешад. Таъмини амнияти иттилоотӣ дар ҷомеаи иттилоотӣ ин замина на танҳо ҳамчун унсури ҳифзи соҳибхитиёрии давлатӣ, балки ҳамчун шарти ҳатмии амалигардонии ҳуқуқҳои конститутсионии шаҳрвандон ба дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ ва дастрасии беҳатар ба маълумот арзёбӣ мегардад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. Учеб. 2- издание.- СПб. Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2005. – 783с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: пер. с английского / под ред. В. Л. Иноземцева. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 320с.
3. Виноградова Н.В. Правовой механизм защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дисс... к.ю.н. 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. – Саратов, 2011. – 196 с.
4. Даль В. Толковый словарь великорусского языка. – М., 1989. Т. 1. – 784с.
5. Емильянов Г.В., Стрельцов А.А. Информационная безопасность России: Учеб. Пособие / Под. ред. А.А. Прохожева. – М.: Всероссийский научно-технический информационный центр, 2000. – 241с.
6. Имомова З.Б. Ҳифзи ҳуқуқи озодиҳо дар соҳаи иттилоот дар шароити иттилоотикунонӣ. Поси ҳуқуқи инсон чун дастоварди

умумибашарӣ. // Маводҳои конференсияи илмӣ-назариявӣ бахшида ба муносибати 65-умин солгарди қабули Эълومияи умумии ҳуқуқи башар) / зери таҳрири н.и.х. Сафаров Б.А. – Душанбе, 2014. – 152 с.

7. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон 6 ноябри соли 1994 аз тариқи раъйпурсии умумихалқӣ қабул шудааст ва ба он 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 тавассути раъйпурсии умумихалқӣ тағйиру иловаҳо ворид карда шудаанд. (Бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ). – Душанбе: «Нашриёти Ганҷ». – 2016. – 136 с.

8. Конституционное право России. Основные законы конституции и документы. Хрестоматия / сост. А.П. Угрова. – Новосибирск, 2000. – 871с

9. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи иттилоот» аз 2-юми декабри соли 2002 (Қонуни ҚТ аз 26.12.2005 № 132). // Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Адлия». Шакли 7.0 [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: URL: <http://www.mmih.tj> (Санай муроҷиат: 10.02.соли 2026.)

10. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи амният» аз 28-уми июни соли 2011 //Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2011, № 6, мод. 434; с. 2014, № 11, мод. 646; с. 2016, № 3, мод. 136. / Қонуни ҚТ аз 27.11.2014 № 1137, аз 15.03.2016 № 1283, аз 3.08.2018 № 1540) // Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Адлия». Шакли 7.0 [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: URL: <http://www.mmih.tj> (Санай муроҷиат: 10.02.соли 2026.)

11. Лапина М.А., Ревин А.Г., Лапин В.И. Информационное право / Под ред. д.ю.н. И.Ш. Киясханова. – М., 2004. – 342с

12. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство / Санкт-Петербургский университет МВД России. – СПб., 2000. – 428 с.

13. Лопатин В.Н. О реформе правоохранительных органов // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов. Вып. 1. – М., 1997.- С. 31 – 42.

14. Луғати истилоҳоти ҳуқуқи инсон (бо забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ). – Душанбе: “Контраст”, 2021. – 128 с.

15. Маҷидзода Ҷ.З., Холиқзода А.Ғ., Одиназода Р.С. Ҷавонон ва амнияти иттилоотӣ (дар масири ҷаҳонишавӣ). – Душанбе: Маориф, 2019. – 240 с.

16. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990. – 769с.

17. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. – М, 1996. – 431с.

18. Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Стратегияи давлатии технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ барои рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 5-уми ноябри соли 2003, № 117. // Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Адлия». Шакли 7.0 [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: URL: <http://www.mmih.tj> (Санаи мурочиат: 10.02.соли 2026.).

19. Фатъянов А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учебное пособие. – М., 2001. – 431с.

20. Цырдя Ф.Н. Информатизация, познание, социальное управление. Философские очерки. – Кишинев, 1992. – 341с.

Муқарризи мақола Ғаюрзода Ш. К. – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

III. ИЛМҲОИ ХУСУСИ – ҲУҚУҚӢ (МАДАНИ) (ИХТИСОС: 5. 1. 3)

III. ЧАСТНО – ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 3)

УДК: 347. 73: 336. 71 (575.3)

АНОНИМНОСТЬ - ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ГАЮРЗОДА ШУКРУЛЛО КАРОМАТУЛЛО,

заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор. Тел.: 93 510 38 62. E – mail: shukrullo67@mail.ru

По мнению автора, решение проблем осуществления права на анонимность в гражданском информационном обмене заключается не в том, чтобы допускать вседозволенность в указанных правоотношения, принося в жертву законные интересы личной, общественной и государственной безопасности, а в том, чтобы обеспечить баланс интересов в свободе информации и не допустимости распространения запрещенной информации. При этом, любое административное или уголовное преследование за правонарушения в информационной сфере и принудительный доступ к данным правонарушителя должно основываться на законе и судебном акте, оценивающим в каждом индивидуальном случае законность и адекватность такого решения.

Ключевые слова: право, анонимность, гражданское право, свобода, мнение, комментарий, цифровая среда, информация, обязанности, доступ, суд, решение, принуждение, закон, адекватность, верховенство прав человека.

БЕНОМ БУДАН - ОБЪЕКТИ ҲУҚУҚИ МАДАНИӢ

ҒАЮРЗОДА ШУКРУЛЛО КАРОМАТУЛЛО,

**мудири кафедраи ҳуқуқи мадания факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ,
профессор. Тел.: 93 510 38 62. E – mail: shukrullo67@mail.ru**

Ба андешаи муаллиф, ҳалли масъалаҳои амалӣ намудани ҳуқуқи беном будан дар муомилоти мадания иттилоот на дар ҳама чиз равобинӣ дар муносибатҳои зикршуда зоҳир мегардад, ки боиси қурбонӣ гардидани манфиатҳои қонунии амнияти шахсӣ, ҷамъиятӣ ва давлатӣ мегардад, балки дар он аст, ки дар байни манфиати мавҷудияти озодии иттилоот ва роҳ надодан ба паҳнкунии иттилооти манъшуда тавозун таъмин бошад. Дар ин маврид, ҳама гуна таъқиботи маъмурӣ ва ҷиноятӣ дар соҳаи иттилоот ва дастрасии маҷбурӣ ба маълумотҳои ҳуқуқвайронкунанда бояд дар асоси қонун ва санади судӣ амалӣ гардад, ки дар ҳар ҳолати инфиродӣ қонунӣ ва муносиб будани чунин қарор баҳогузорӣ шавад.

Калидвожаҳо: ҳуқуқ, беном, ҳуқуқи мадания, озодӣ, андеша, тафсир, муҳити рақамӣ, иттилоот, уҳдадорӣ, дастрасӣ, додгоҳ, қарор, маҷбуркунӣ, қонун, муносиб, волоияти ҳуқуқи инсон.

ANONYMITY IS AN OBJECT OF CIVIL LAW

GAYURZODA SHUKRULLO KAROMATULLO,

**head of the Department of Civil Law at the Faculty of Law, Tajik National
University. Doctor of Law, Professor.**

According to the author, the solution to the problems of exercising the right to anonymity in civil information exchange lies not in allowing permissiveness in the specified legal relations, sacrificing the legitimate interests of personal, public, and state security, but in ensuring a balance between the interests of freedom of information and the inadmissibility of the dissemination of prohibited information. At the same time, any administrative or criminal prosecution for offenses in the information sphere and forced access to the

offender's data must be based on the law and a judicial act that evaluates the legality and adequacy of such a decision in each individual case.

Keywords: law, anonymity, civil law, freedom, opinion, commentary, digital environment, information, duties, access, court, decision, coercion, law, adequacy, supremacy of human rights.

Согласно статьи 23 Конституции Республики Таджикистан: «Обеспечивается тайна переписки, телефонных переговоров, телефонных и иных личных сообщений, за исключением случаев, предусмотренных законом. Сбор, хранение, использование и распространение сведений о личной жизни человека без его на то согласие запрещается» [1]. Под категорией «иных личных сообщений» подразумевается электронный обмен цифровой информацией между субъектами гражданского права, основанное на оказание возмездных услуг по передаче, хранению и предоставлению доступа к охраняемой информации при содействии информационных посредников.

Традиционные услуги электрической связи дополняются цифровыми услугами, для возникновения которых не достаточно воля и волеизъявления участника информационного обмена, также требуется использование информационно – коммуникационных технологий. С их использованием участник такого информационного обмена получает доступ в виртуальную сферу, где будет происходить обмен цифровой информацией. Цифровые возможности часто расширяют спектр обладания, использования и распоряжения информацией и имущественными правами. Например, интернет – торговля предоставляет возможности мгновенного совершения сделок при отсутствии традиционных торговых точек; интернет – банкинг дает возможность создавать сетевые банки, виртуальные банки с цифровым офисом. Можно осуществлять электронные платежи, подавать юридически значимые документы, передавать финансовую и иную отчетность в цифровом формате. В этой связи актуальным является поручения уважаемого Эмомали Рахмона – Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан по развитию цифровизации, исходящего из его Послания Маджлиси Оли республики (Парламенту старны, 2024г.) «Об основных направлениях внутренней и внешней политики страны», определяющие первостепенные направления для развития обмена цифровой информации: оперативное совершенствование правовых основ и принятие необходимых документов в направлении перехода на цифровую

экономику; развитие цифровой инфраструктуры до сетей 5G, развитие центра разработки данных, создание современной платформы данных; полная цифровизация государственных услуг и создание единой платформы таких услуг; развитие человеческого капитала путем изучения и повышения квалификации кадров по информационным технологиям внутри страны и за его пределами, повышение уровня культуры использования цифровых технологий; широкое использование искусственного интеллекта в ходе предложения услуг и системы государственной регистрации; принятие мер в сфере обеспечения кибербезопасности и пресечение преступлений в информационной деятельности; формирование цифрового предпринимательства и развитие электронной торговли.

Для эффективного исполнения указанных задач 2025 – 2030 годы объявлены «Годами развития цифровой экономики и инноваций» [3].

Любой субъект гражданского права имеет право на конфиденциальность своей личности и действий, включая использование анонимных ресурсов и средств, а именно: право на анонимный поиск информации, право на анонимные публикации, которое обеспечивает свободу мнений в информационном обмене, право на анонимные платежи, в том числе с использованием криптовалют, а также право на анонимное создание и публикацию произведений.

В соответствии с ч. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса Республики Таджикистан от 24 декабря 2022г., № 1918 (далее – ГК РТ) [2] и абз. 1 – 2 ст. 15 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах» от 13 ноября 1998г., № 726 (с изменениями и дополнениями на 02 января 2018г.) [10] право автора на имя – это право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно, неотчуждаемо и непередаваемое, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от этих прав ничтожен, то есть недействителен.

Право на имя автор (или исполнитель) может осуществлять различными способами: указав как настоящее, так и вымышленное имя, или не указав ни то и другое (анонимно). Многие авторы, в частности сценаристы и исполнители предпочитают использовать в своей деятельности не свое подлинное, а вымышленное имя – псевдоним. Причин тому может быть неблагозвучие родной фамилии, опасение, что публика неблагоприятно отнесется к продукту ее творчества, стремление известного субъекта попробовать свои силы в новой сфере деятельности и т. д.

Необходимо сказать, что криптоним – обозначение одних лишь инициалов с целью скрыть личность правообладателя – может рассматриваться в качестве анонима, а раскрываясь в случае успеха, превращаться в псевдоним. В силу закона созданное криптоними, например «Г. Ш. К.», условное имя является допустимой практикой. За правообладателем признается право на имя, будь оно настоящее или вымышленное (псевдоним).

Пользователи интернет – услуг имеют право на никнейм (от англ. «nickname» означающий прозвище; уменьшительное имя). По мнению Е. А. Звегинцевой «... отличительным признаком этих понятий является сфера применения. Если никнеймы чаще всего используются для общения на различных веб – сайтах или для индивидуализации пользовательских аккаунтов в социальных сетях, то прозвища употребляют преимущественно в устной или письменной речи. Псевдоним – это вымышленное имя» [9, с. 130.].

В соответствии с ч. 1 – 2 ст. 20 ГК РТ имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия правообладателя другими лицами в их деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах. Вред, причиненный правообладателю в результате нарушения его права на имя или псевдоним, подлежит возмещению. При искажении имени правообладателя либо при использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, физическое лицо вправе требовать опровержения, возмещения причиненного ему вреда, а также компенсации морального вреда.

Анонимность происходит от латинского слова «анопота», что означает «без имени». В информационном обмене означает свободу в обладании, использовании и распространении информации, без указания имени реального автора или иного правообладателя. Субъект гражданского права по своему свободному выбору хочет сохранять конфиденциальность своей личности и действий в информационном обмене, включая использование анонимных ресурсов и средств, а именно субъективные права на анонимный поиск информации, анонимное опубликование мнений и выводов, имеющее для него значение, обеспечивая себе свободу слова, мнений и свободное использование информационно – коммуникационных технологий. Данное субъективное право означает также право на анонимные платежи, в том числе использова-

ние криптовалют, право на анонимное создание и распространение произведений науки, литературы и искусства.

Таким образом, анонимность является объектом гражданских прав. Это означает, что обладание, использование и распространение информации, без указания имени реального автора или иного правообладателя выступают индивидуально – определенными объектами гражданских прав, на которых направлено воля конкретного участника информационного обмена. Речь идет об объекте гражданского права в субъективном смысле [11, с. 182.].

Анонимное осуществление гражданских прав возможно путем совершения юридических и фактических действий. Юридические действия представляет собой действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Совершая действия в анонимном информационном обмене, субъект гражданского права сознательно имеет намерение установить для себя определенные правовые последствия.

Для большинства информационного обмена вопрос определения реального субъекта гражданского права может не иметь существенного значения для защиты интересов личности, общества и государства от угроз, связанных со злоупотреблениями этими правами. Так, обычно это не является критичным для информационного обмена в Интернете, использование лицензированных компьютерных игр, просмотра разрешенного, в зависимости от возраста пользователя контента и многих иных ситуаций. Но совершенно иные требования предъявляются к идентификации правообладателя в сфере финансов и кредита, оформления электронной – цифровой подписи, электронной торговли и оказание электронных государственных услуг.

Фактические действия – это действия, сам факт совершения которых удовлетворяет потребности правообладателя независимо от того, возникли ли в результате этого какие – либо правовые последствия.

Участие в анонимном информационном обмене должно соответствовать следующим принципам: свобода осуществления права; сохранение субъективного права и в случае отказа управомоченного лица от его осуществления; добросовестность, разумность и справедливость при осуществлении гражданских прав.

Свобода осуществления гражданских прав как один из принципов анонимного информационного обмена закреплен в части 1 статьи 8 ГК РТ, согласно которому субъекты гражданских информационных право-

отношений осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению.

В соответствии с частью второй указанной статьи ГК РТ, отказ физического и юридического лица от осуществления своих гражданских прав не влечет прекращения этих прав.

Ряд норм ГК РТ, устанавливающих правила об осуществлении и защите гражданских прав, прямо устанавливают вопрос защиты субъективного права от того, осуществляется ли право добросовестно, разумно и справедливо.

Этим подтверждается содержание гражданского информационного права. Содержание этого права составляет возможность правообладателя свободно, на собственное усмотрение в соответствии с законодательством определять свое поведение в информационном обмене. Более конкретно такая возможность закреплена в статье 237 ГК РТ: «Физическое лицо имеет право на свободу и может по своей воле действовать без каких – либо ограничений. Свобода физического лица не должна ограничивать права и свободу других лиц» [2].

Эти субъекты для поиска информации создают свой виртуальный образ или виртуальное лицо. По аналогии с реальным субъектом гражданского права виртуальное лицо будет иметь свое «имя», под которым действует (имя пользователя) и аналог фотографии и подписи в удостоверении личности – пароль. Поскольку такой участник информационного обмена определяется только этими двумя параметрами, то виртуальные лица и реальный субъект не соотносятся между собой как один к одному: один пользователь может иметь несколько виртуальных лиц, и за одним виртуальным лицом может стоять несколько субъектов гражданского права. Такое положение не представляет опасность для верховенства гражданских прав, если субъект не злоупотребляет своими возможностями. Однако, связанное с анонимным поиском информации (анонимный сёрфинг) и анонимной отправки личных сообщений (e – mail, мессенджеры) среди исследователей этой проблемы породило много противоречивых мнений.

Как отмечает Е. С. Андрющенко анонимность в поиске информации предопределяет наличие проблемы установления личности заявителя информационного запроса. Для предъявления информационного запроса заявитель должен быть определенным образом идентифицировано. Поэтому многие информационные ресурсы и сервисы предлагают или требуют для их доступа и последующего доступа пройти процедуру регистрации [5, с. 81].

Основная проблема доступа к информации виртуальным лицом является установления реального правообладателя, заинтересованного в пользовании актуальной для него информации. Еще сложнее эту связь доказать в суде. В механизме электронной цифровой подписи также не предусмотрено наличие идентифицирующего признака, непосредственно связанного с обладателем гражданских прав, неотчуждаемого от него.

Анонимный доступ к информации важное условие для осуществления субъективного права на анонимность. Такой доступ к информации считается соединением с сервером назначения, когда этот сервер не имеет возможности ни установить происхождение (IP – адрес/местонахождение) этого соединения, ни присвоить ему какой – либо идентификатор. Данное право подразумевает не только возможности анонимного поиска информации с использованием интернет – услуг, а также иметь возможности скрывать IP – адреса и передавать информацию анонимно. Интересным в этом вопросе является позиция Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) по запросу Федерального суда Федеративной Республики Германия, связанного с иском Пиратской партии этого государства к Федеральному правительству. Жалоба была подана членом указанной политической партии, гражданином этой страны в отношении хранения на сайтах государственных органах динамических IP – адресов после того, как пользователь покидает сайт. ЕСПЧ в своем решении признал динамический адреса (как и статические адреса) персональными данными и указал, что интернет – провайдеры не имеют права сохранять эти адреса граждан, кроме как для защиты от целенаправленного воздействия на информационную систему или её компоненты с использованием цифровых средств.

По мнению Д. Баевой в мире становится тенденцией отказ от анонимности при использовании интернет – услуг. Правительство Великобритании вводят обязательную верификацию возраста для доступа к материалам 18 плюс, а в Китайской Народной Республики система цифровой идентификации уже несколько лет работает в оперативном режиме [6].

Депутат Государственной Думы Российской Федерации (далее - РФ) А. Свинцов (заместитель Председателя Государственной Думы РФ по информационной политике) в беседе ВФокусе Mail, объяснил, когда аналогичная система может появиться в РФ, и какие преимущества она принесет интернет – пользователям. По его мнению, в течение ближайших трех – пяти лет интернет – отношения может переходит к системе

полной верификации интернет – пользователей. Такая необходимость в идентификации личности вызвана глубоким кризисом интернет – отношений. «Очень стремительно интернет превращается в мертвый интернет, где боты генерируют контент, боты его размещают на различных фейковых страницах, и уже лента наполнена каким – то сгенерированным контентом, не имеющим реального живого автора», обосновал он свою позицию [6].

Бот (сокращение от слова «робот») – компьютерная программа, которая автоматически выполняет установленные его разработчиком оперативные задачи. Они могут быть компьютерными. Работают локально на устройстве, осуществляют различные операции: общаются с пользователем в режиме реального времени, предоставляют информацию, находящуюся в обладании разработчика программы, отвечает на вопросы, которые задают в обычной практике. Примеры: боты в мессенджерах (Telegram, WhatsApp), на сайтах интернет – участников информационного обмена, в мобильных приложениях. Они могут выполнять более широкие задачи: от поиска актуальной информации до рекламирования вещей или услуг онлайн – магазинов.

К сожалению, существуют также вредоносные боты. Это программное обеспечение, которое разработано для нанесения вреда интернет – пользователям и другим участникам информационного обмена. Вредные чат – боты выдают себя за реальных участников информационного рынка, чтобы привлечь их внимание, добиваться доверительной связи и в конечном итоге получит доступ к конфиденциальной информации, в том числе платежной или иной охраняемой информации.

Спам – боты собирают адреса электронной почты со страниц формируемых связей или гостевых книг, а также размещают рекламную информацию на форумах или в разделах комментариев, чтобы привлечь трафик на определенные сайты.

Один из возможных способов решение данного вопроса предлагается создание идентификации посредством ресурсов системы «Государственных услуг». Для участия в интернет - обмене пользователь будет регистрироваться посредством специализированных идентификаторов, подтверждающий его возраст. Для полностью дееспособных физических лиц будет открываться максимально широкий доступ к информации. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет будет действовать ограниченный доступ с обязательным контролем родителей или приравненных к ним лицам.

С точки зрения современной молодёжной политики Е. Машаров - член Общественной палаты РФ предлагает ввести паспортную идентификацию для доступа к контенту 18 плюс [6].

«В ближайшем будущем регистрация на всех крупных российских платформах – в первую очередь, в социальных сетях и игровых сервисах – будет проходить через подтверждение учетной записи «Государственных услуг». Это касается ресурсов с большим трафиком, где пользователи обмениваются личной, чувствительной информацией. Срок перехода на систему 3 – 5 лет», - считает А. Свинцов [6]. Он убеждён, что такие административные меры позволят очистить социальные сети и платформы от засилья фейковых аккаунтов и нейросетевого мусора, сделав интернет безопасным местом для пользователей.

Совсем другую позицию занимает Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (далее - ООН). В докладе, посвященный проблеме анонимности пользователей в Интернете отмечается, что в связи с появлением онлайн – цензуры, сбора и про слушки данных некоторых пользователей с дальнейшим их преследованием, они должны иметь право пользоваться технологиями по предоставлению анонимного доступа к сети и анонимному размещению информации (посты, комментарии и др.) в Интернете. Это позволяет осуществлять субъективное право человека на свободу мнения и его выражения в информационном обществе [8].

Дэвид Кэй, специальный докладчик Совет по правам человека ООН так объясняет значение права на анонимность в информационном обмене: «Анонимность – это состояние избегания идентификации. Анонимность, будучи обычным человеческим желанием защитить свою личность от толпы, способна дать возможность пользователю исследовать и распространять свои идеи и мнения в большем объеме, чем если бы он делал это под своей реальной личностью. Физические лица в онлайн могут использовать псевдонимы (или, к примеру, выдуманные e – mail или аккаунты в соц. сетях) для того, чтобы скрыть свою личность, лицо, голос, местонахождения и т. д., однако конфиденциальность, предоставляемая с помощью таких псевдонимов, является поверхностной и легко нарушается правительствами или другими лицами, обладающими необходимым опытом. В случае отсутствия набора инструментов по шифрованию и анонимизации, цифровые следы, которые оставляет пользователь, легко позволяют его идентифицировать. Пользователи, желающие обеспечить полную анонимность или скрыть свою личность (например, скрывающие свой IP - адрес) от правительственных

органов или преступного вторжения могут использовать такие инструменты как виртуальные частные сети (VPN), прокси – серверы, анонимные сети, приложения, и P2P – сети. Наиболее известный инструмент анонимности TOR. Развертывает более 6000 децентрализованных компьютерных серверов по всему миру, для того, чтобы получать и ретранслировать информацию несколько раз для сокрытия идентифицирующих сведений о конечных точках, создавая при этом сильную защиту анонимности пользователей» [8].

Автор определяет качественные свойства анонимного участника цифрового информационного обмена. Действительно такими возможностями многие пользуются. Однако такие возможности не должны быть направлены для распространения экстремистской идеологии, поддержки терроризма, для создания и распространения иной вредоносной информации. Создание и распространение такой информации запрещено законодательством РТ.

В статье 20 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966г., предусмотрена возможность запрещения антигуманных, аморальных действий: пропаганда войны, всяких выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию [4, с. 234].

Однако, в статье 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966г., допускает ограничения прав постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе [4, с. 234].

Автор подчеркивает вектор развития инструментов анонимности цифрового информационного обмена. Однако эти инструменты не должны быть использованы незаконно, против законных интересов личности, общества и государства. Цифровая трансформация национальной экономики и стимулирования цифрового информационного обмена в последние годы сделали еще более важной задачу обеспечения цифрового многообразия, решаемую с помощью применения различных технических средств идентификации участников такого обмена. В этих условиях значимость совершенствования методов идентификации и условий ее законного применения приобретает особое значение. В этой связи интересным является позиция ЕСПЧ. Наиболее значимым является ее решение по делу Delfi AS v. Estonia от 10 декабря 2013 г. Delfi AS является владельцем одного из крупных информационных интернет –

порталов в Эстонии. На ее веб – сайтах интернет – пользователи могли анонимно оставлять комментарии к опубликованным материалам. Хотя интернет – компания не могла редактировать такие оценки, она могла удалять их, используя методы предварительной автоматической фильтрации по словам или реагируя на сигналы пользователя интернет – услуг.

В 2006 г., данная интернет – компания опубликовала контент, под которой появился ряд комментариев, содержащих угрозы и оскорбительные высказывания в отношении отдельных лиц субъекта, указанной в контенте. Пострадавшие граждане Эстонии возбудили дело по факту незаконной диффамации и в последствии взыскали с интернет – компании моральную компенсацию.

Указав в решении по указанному делу на важность использования права на анонимность в цифровом обмене информацией, суд тем не менее отметил следующие свойства интернет – услуг: беспрецедентность по доступности, скорости и охвату средств распространения информации, способного долгое время сохранять данные после их раскрытия, что значительно усугубляет последствия неправомерных комментариев по сравнению с другими средствами массовой информации.

Суд, также допустил и дал характеристику различные степени цифровой анонимности, указав, что пользователь интернет – услуг может быть анонимным для других участников такого обмена цифровой информации. Однако, идентифицировать информационных посредников через учетную запись или контактные данные, которое могут быть либо непроверенными, либо подлежащими какой – либо проверке – начиная от ограниченной верификации (например, путем активации учетной записи по адресу электронной почты или учетной записи социальной сети) и заканчивая полной аутентификацией, будь то с использованием национальных электронных удостоверений личности либо через аутентификацию в онлайн – банке. Информационный посредник может также разрешить полную анонимность для своих пользователей. В этом случае пользователи не обязаны идентифицировать себя вообще. Они могут отслеживаться только в ограниченной степени через данные, сохраняемые интернет – провайдерами. Законный доступ к этим данным, как правило, требует решения следственного или судебного органа и будет подлежать ограничительным условиям. Тем не менее в некоторых случаях такое решение может потребоваться для выявления и преследования правонарушителей в цифровой среде.

Данная позиция, выраженная в решении по делу *Delfi AS v. Estonia*, которым ЕСПЧ отклонил доводы интернет – компании (заявителя), ссылавшегося на статью 10 «Свобода выражения мнения» Римской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, была положена в основу решений ЕСПЧ и по другим делам, затрагивающим вопросы анонимности в цифровой среде и ее допустимых ограничений. В частности – решение ЕСПЧ по делу *Benedik v. Slovenia* от 24 апреля 2018 г., о распространении детской порнографии в анонимном распространении информации, которым суд признал право органов полиции на основании решения суда получать данные об IP – адресах, участников такого цифрового обмена информации [7, с. 44].

Завершая исследование основного вопроса права на анонимность в гражданском информационном обмене, можно сделать следующие выводы. Право на анонимность обеспечивает защиту персональных данных и стимулирует свободное выражение мнений и распространение информации. Процесс его формирования в Таджикистане связаны, прежде всего с качеством жизни его населения, общими тенденциями установления демократических ценностей в обществе, формированием и защитой гражданских прав и свобод. При этом конечным результатом признания и защиты прав на анонимность должен быть баланс между интересами свободы слова, мнений, информации, свободного использования средств информации, с одной стороны, и необходимостью противодействия незаконному обороту вредоносной информации, с другой стороны.

Решение проблем осуществления права на анонимность в гражданском информационном обмене заключается не в том, чтобы допускать вседозволенность в указанных правоотношения, принося в жертву законные интересы личной, общественной и государственной безопасности, а в том, чтобы обеспечить баланс интересов в свободе информации и не допустимости распространения запрещенной информации. При этом, любое административное или уголовное преследование за правонарушения в информационной сфере и принудительный доступ к данным правонарушителя должно основываться на законе и судебном акте, оценивающим в каждом индивидуальном случае законность и адекватность такого решения.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан была принята от 6 ноября 1994года путем всенародного референдума. Таким же путем в неё были внесены изменения и дополнения 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года. [Электронный ресурс]. // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0. // М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (Дата обращения: 21.03.2026 г.).
2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24. 12. 2022г., № 1918 [Электронный ресурс]. // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0. // М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (Дата обращения: 21.03.2026 г.).
3. Послание Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики страны» от 28 декабря 2024 г. // www.president.tj (Дата обращения: 21. 03. 2026г.).
4. Международное право в документах: сборник международно – правовых актов и внутреннее законодательство Республики Таджикистан. Сост.: Бобоев У. Х., Махмадшоев Ф. А., Менглиев Ш. М., Пулатов А. С., Салихов З.- Душанбе: Контраст, 2011 – 780с.
5. Андрющенко Е. С. Проблема идентификации субъекта интернет – отношений. Виртуальное лицо. // Информационное общество: проблемы развития законодательства: сб. науч. работ. – М., 2012. – С. 74 - 83.
6. Депутат Свинцов: когда россиян будут пускать в Интернет по паспорту. // ВФокусе mail.ru (Дата обращения: 01. 12. 2025.).
7. Мылтыкбаев М. Ж. Право на анонимность в сети интернет: вопросы международно – правовой защиты. // Юридическая наука. – 2019. - № 4. – С. 42 - 45.
8. У вас есть право на анонимность. Часть 1. Введение и мировая практика. // [https:// habr.com/ru/companies/ digitalrightscenter](https://habr.com/ru/companies/digitalrightscenter/). (Дата обращения: 01. 12. 2025.).
9. Звегинцева Е. А. Что в имени тебе моем?... Право на авторское имя в современных условиях. // Вестник ВГИК. Том 14. №1 (51). Апрель. – 2022. – С. 128. – 136.
10. Закона Республики Таджикистан «Об авторском праве и смежных правах» от 13 ноября 1998г., № 726 (с изменениями и дополнениями на 02 января 2018г.) // Адлия: Централиз. банк правовой информации

мации Республики Таджикистан. Версия 6.0. // М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (Дата обращения: 22.03.2026 г.).

11. Гражданское право. Общая часть: учебник / под ред. д.ю. н., профессора Х. Т. Насирова. – Душанбе: РТСУ, 2026. – 335с.

Рецензент статьи Мавлоназарзода О. А. – кандидат юридических наук, доцент.

УДК: 342 (575. 3)

ТАРЗҲОИ АЛОҲИДАИ ҲИМОЯИ ҲУҚУҚҲОИ МАДАНИӢ

ҚУРБОНАЛИЗОДА НУРУЛЛО ШАМСУЛЛО,

**доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессори кафедраи ҳуқуқи
маданияти факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
Тел.: (+992) 918-51-03-02.**

РАҲМОН СУМАН СУЛТОН,

**унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи маданияти факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
Тел.: (+992) 904-44-44-77.**

Дар мақола тарзҳои алоҳидаи ҳимояи ҳуқуқи маданият баррасӣ карда шудааст. Ҳадафи асосии таҳқиқот мавриди омӯзиш қарор додани аҳамияти назариявӣ ва ҳуқуқӣ оид ба ҳимояи ҳуқуқи маданият буда, муаллифи мақола мафҳум, моҳият ва шаклҳои танзими ҳуқуқии тарзи ҳимояи ҳуқуқҳои маданияро баррасӣ намуда, навҳои асосӣ онро муайян кардааст. Омӯзиши амалияи мавҷудаи тарзҳои ҳимояи ҳуқуқҳои субъективӣ дар мақола ба роҳ монда шудааст. Қайд гардидааст, ки яке аз ҳадафҳои таҳлилу пажӯҳиши масалаи мазкур ин дарки дурусти моҳияти ҳимояи ҳуқуқҳои маданият мувофиқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад.

Калидвожаҳо: тарзҳои ҳимоя, ҳимояи ҳуқуқҳои маданият, эътирофи ҳуқуқ, ҳуқуқҳои маданият, тарзҳои ҳимояи ҳуқуқҳои маданият, субъектони

ҳуқуқи маданӣ, мақсади ҷимояи ҳуқуқи маданӣ, воситаҳои ҷимояи ҳуқуқи маданӣ, худҷимоякунии ҳуқуқ, ҷуброни зиён, рӯёндани ноустуворона, товони зарари маънавӣ.

ОТДЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

КУРБОНАЛИЗОДА НУРУЛЛО ШАМСУЛЛО,

**доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
юридического факультета Таджикского национального университета.
Тел.: (+992) 918-51-03-02.**

РАХМОН СУМАН СУЛТОН,

**соискатель кафедры гражданского права юридического факультета
Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 904-44-44-77.**

В статье рассматриваются отдельные способы защиты гражданских прав. Основной целью исследования является изучение теоретического и правового значения защиты гражданских прав. Авторы статьи анализируют понятие, сущность и формы правового регулирования способов защиты гражданских прав, а также определяет их основные виды. В работе осуществляется изучение сложившейся практики применения способов защиты субъективных прав. Отмечается, что одной из целей анализа и исследования данной проблемы является правильное понимание сущности защиты гражданских прав в соответствии с законодательством Республики Таджикистан.

Ключевые слова: способы защиты, защита гражданских прав, признание права, гражданские права, способы защиты гражданских прав, субъекты гражданского права, цель защиты гражданских прав, средства защиты гражданских прав, самозащита права, возмещение вреда, взыскание неустойки, компенсация морального вреда.

SPECIFIC METHODS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

QURBONALIZODA NURULLO SHAMSULLO,

**doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Tajik National University. Phone: (+992) 918-51-03-02.**

RAHMON SUMAN SULTON,

applicant of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University. Phone: (+992) 904-44-44-77.

The article examines specific methods for the protection of civil rights. The main objective of the research is to study the theoretical and legal significance of the protection of civil rights. The author analyzes the concept, essence, and forms of legal regulation of methods for protecting civil rights and identifies their principal types. The article also explores existing practice in the application of methods for protecting subjective rights. It is noted that one of the aims of analyzing and researching this issue is to achieve a proper understanding of the essence of the protection of civil rights in accordance with the legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: Methods of protection, protection of civil rights, recognition of a right, civil rights, methods of protection of civil rights, subjects of civil law, purpose of protection of civil rights, means of protection of civil rights, self-defense of a right, compensation for damage, recovery of a penalty (liquidated damages), compensation for moral harm.

Дар замони муосир афзоиши ҳуқуқвайронкуниҳо дар соҳаи ҳуқуқи маданӣ ба назар мерасанд. Аз ин лиҳоз, мубрамияти ҷимояи ҳуқуқҳои маданӣ дар низоми ҳуқуқӣ уҳдадории давлатро барои таъмин ва ҳифзи онҳо ба вучуд овардааст. Зеро навҳои гуногуни ҳуқуқпаймолкуниҳо нисбат ба субъектони ҳуқуқи маданӣ васеъ паҳн шудааст. Махсусан, ҳуқуқҳои баъзе шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ дар муносибатҳои маданӣ дағалона поймол карда мешаванд. Дар чунин шароит дониستاني шаклу тарзҳои ҷимояи ҳуқуқҳои маданӣ муҳимияти хоссаро касб менамояд.

Таҳти мафҳуми ҷимояи ҳуқуқҳои маданӣ маҷмӯи чораҳои фаҳмида мешаванд, ки барои бар қарор намудан ва эътирофи ҳуқуқҳои мазкур

ҳангоми вайронкунӣ ё мавриди баҳс қарор гирифтани онҳо равона шудаанд. [6, с. 177.].

Вобаста ба моҳияти ҳуқуқ ба ҳимоя дар адабиётҳои ҳуқуқӣ ақидаҳои гуногуни муҳолифи ҳамдигар баён гардидаанд. Мувофиқи як андеша, ҳуқуқ ба ҳимоя, бо мазмуни ҳуқуқи субъективии маданӣ алоқаманд буда, яке аз ваколатҳои онро мемонад [8, с. 556.].

Андешаи дигар ҳуқуқ ба ҳимояро ҳуқуқи субъективии маданияи мустақил медонад [10, с. 105.].

Хусусият ва мазмуни ҳуқуқ ба ҳимоя тавассути табиати он муайян мегардад. Инъикоси табиати ҳуқуқ ба ҳимоя дар он зоҳир мегардад, ки:

а) ҳуқуқ ба ҳимоя ҳамчун ҳуқуқи субъективии маданӣ ҳадди рафтори имконпазири шахси ваколатдор аст, аммо на ҳама рафтор, танҳо рафтори мақсаднок ва ҳаҷман маҳдуде мебошад, ки ба мақсадҳои барқароркунию қатъгардонӣ равон карда шуда, бо истифода аз чораҳои хусусияти ҳуқуқҳифзкунанда вобаста аст;

б) чораҳои ҳуқуқҳифзкунанда ба табиати ҳуқуқи худи ҳуқуқи субъективӣ бояд мувофиқат кунад;

в) ҳуқуқ ба ҳимоя якчанд имкониятҳоро, ки баамалбарории ҳуқуқи субъективиро таъмин мекунад, дар бар гирад.

Ба андешаи мо, ҳуқуқ ба ҳимоя мустақил буда, асоси пайдоиши он вақти ҳуқуқвайронкунии содиршуда мебошад. Моҳияти ҳимояи ҳуқуқҳои маданӣ дар татбиқи тарзҳои дахлдори хифзи ҳуқуқ, ки ба хислати ҳуқуқи субъективии поймолшуда ва ҳуқуқвайронкунии баамаломата мувофиқ аст, ифода меёбад. Бояд қайд намуд, ки асоси татбиқи ҳимояи ҳуқуқҳои маданияи субъективӣ - ин ҳуқуқвайронкунӣ мебошад.

Дар Кодекси маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 24 декабри соли 2022, № 1918 (минбаъд – КМ ҶТ) доираи васъеи тарзҳои ҳимояи ҳуқуқҳои маданӣ пешбинӣ шудаанд, ки ҳоло онҳо ба механизми хеле самарабахш ва гуногун табдил ёфта, имконият медиҳанд, ки зимни амалӣ гардонидани ҳуқуқу уҳдадорихои субъективӣ ва иҷрои онҳо хизмат намояд. Моддаи 11 КМ ҶТ [1] номгӯи иборат аз ёздаҳ тарзҳои ҳимояи ҳуқуқҳои маданияро фаро мегирад. Инчунин, дар моддаи мазкур тартибу низоми ҳуқуқи таъмини онҳо муфассал танзим гардидаанд. Ғайр аз ин қонунгузор бо қонун ё шартнома пешбинӣ шудани тарзҳои

дигарро муқаррар намуда, доираи номгӯи ин воситаҳоро маҳдуд намекунад.

Ҳуқуқҳои маданӣ бо тарзҳои зерин ҳимоя мешаванд:

- эътирофи ҳуқуқ;
- барқарор намудани ҳолате, ки то вайрон гардидани ҳуқуқ ҷой дошт ва пешгирӣ намудани амалҳое, ки ҳуқуқро вайрон мекунад ё барои вайрон кардани он таҳдид менамоянд;
- беътибор дониستاني аҳди баҳсноқ ва татбиқи оқибатҳои беътибор дониستاني онҳо, татбиқи оқибатҳои беътибор дониستاني аҳди беоқибат;
- беътибор дониستاني санади мақомоти ҳокимияти давлатӣ, мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ва ташкилотҳои дигар;
- худҳимоякунии ҳуқуқ;
- маҷбур намудан ба иҷрои уҳдадориҳо дар шакли асл;
- ҷуброни зиён;
- рӯёнидани ноустуворона;
- товони зарари маънавӣ;
- қатъ кардан ё тағйир додани муносибати ҳуқуқӣ;
- аз ҷониби суд татбиқ накардани санади хилофи қонунгузорӣ қабулнамудаи мақомоти ҳокимияти давлатӣ, мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ва ташкилотҳои дигар.

1. Эътирофи ҳуқуқ. Эътирофи ҳуқуқ яке аз тарзи қонунан муқарраргардидаи ҳимояи ҳуқуқҳои маданиро оғоз мекунад, ки аз аҳаммият ва нақши баланди ин тарзи ҳимоя шаҳодат диҳад.

Қ.Ш. Қурбонов ва И.Ғ. Ғаффорзода ба чунин андешаанд, ки эътирофи ҳуқуқ ба сифати тарзи ҳифзи ҳуқуқи маданӣ тибқи тартиби судӣ сурат мегирад, зеро суд ҳамун мақоми юрисдиксионӣ метавонад мавҷудият ё мавҷуд набудани ҳуқуқи мавриди баҳси шахсро тасдиқ намояд (гаранде аз ҷониби худи ҳуқуқвайронунанда ихтиёран эътироф намудани ҳуқуқ ҷой дошта метавонад). Эътирофи ҳуқуқ дар ҳолатҳое, ки агар ҳуқуқи субъективии маданияи шахс амалан мавҷуд бошад, вале мавҷудияти онро ин ё он шахс рад намояд ва вобаста ба он баҳс ба миён омада бошад ё метавонад ба миён ояд, истифода бурда мешавад [9, с. 287.].

Агар ба таври воқеӣ дар бораи эътирофи ҳуқуқ дар низоми тарзҳои ҳимоя назар кунем, ба он рақами тартибии «якум» ҷудо карда шудааст. Воқеан ҳам, эътирофи ҳуқуқ дар ибтидои рӯйхати тарзҳои ҳимоя қарор дошта, онро оғоз мекунад. Чунин ҷойгиршавии эътирофи

ҳуқуқ аз аҳамияти хосси он дар миёни дигар тарҳи ҳимоя шаҳодат медиҳад, зеро, пеш аз ҳама, ҳадафи тарзи мавриди таҳқиқ эътироф намудан ҳуқуқест, ки субъект ба таври қонунӣ соҳиби он мебошад, аммо бо сабабҳои гуногун аз ҷониби шахсони дигар эътироф намегардад ё мавриди баҳс қарор мегирад ва бо ин роҳ вайрон мешавад. Инчунин, чунин мавқеи эътирофи ҳуқуқ дар низоми тарзҳои ҳимоя метавонад ба хусусияти универсалӣ доштани он ишора намояд, яъне қобили татбиқ будани он барои ҳифзи ҳар гуна ҳуқуқи субъективии маданӣ.

Дар илм мавқеи равшан ва яқмаъно ташаккул ёфтааст, ки мувофиқи он эътирофи ҳуқуқ тарзи универсалии ҳимоя ба ҳисоб меравад ва он метавонад барои ҳифзи ҳуқуқҳои моликияти (ашёӣ), корпоративӣ, ҳуқуқҳои зеҳнӣ (молумулкӣ ва ғайримолумулкӣ) ва ҳатто барои ҳифзи ҳуқуқҳои уҳдадорӣ татбиқ гардад.

2. Барқарор намудани ҳолате, ки то вайрон гардидани ҳуқуқ ҷой дошт ва пешгирӣ намудани амалҳое, ки ҳуқуқро вайрон мекунанд ё барои вайрон кардани он таҳдид менамоянд. Мақсади барқарор намудани вазъе, ки то вайрон гардидани ҳуқуқ ҷой дошт, ба барҳам додани оқибатҳои ҳуқуқвайронкунӣ нигаронида шуда, танҳо вақте истифода мегардад, ки агар барқарор намудани ҳуқуқ дар асл имконпазир бошад. Масалан, аз соҳибии ғайриқонунии бегона талаб карда гирифтани ашё мутобиқи даъвои виндикатсионӣ. Шахси дорандаи ҳуқуқи маҳдуди ашёи фарогири ваколоти соҳибӣ ҳуқуқ дорад ашёро аз соҳибии ғайриқонунии шахси бегона тибқи ҳамон асосҳо ва қоидаҳое, ки молики ашё дорад, талаб карда гирад. Молик ҳамчунин ҳуқуқи талаб карда гирифтани ашёро аз соҳибии ғайриқонунии шахси бегона ба манфиати ҳуқуқдори маҳдуди ашёи фарогири ваколоти соҳибӣ, ки аз ин ҳуқуқаш истифода накардааст, дорад. Қонунгардондани даъвои виндикатсионӣ нисбати шахсе, ки ҳуқуқи он ба қайд гирифта шудааст, барои бекор намудани сабти ҳуқуқи чунин шахс ва ба қайд гирифтани ҳуқуқи шахсе, ки ашёро аз соҳибии ғайриқонунии шахси бегона талаб кардааст, асос шуда метавонад. (м. 274 КМ ҚТ).

М.А. Рожкова менависад, ки «Тарзи ҳифзи ҳуқуқҳои маданӣ, ба монанди барқарор кардани вазъияте, ки пеш аз поймол кардани ҳуқуқ вучуд дошт ва пешгирӣ аз амалҳое, ки ҳуқуқро поймол мекунанд ё таҳдиди поймол кардани онро ба вучуд меоранд, метавонанд аз ҷониби субъекти ҳимоя вобаста ба талаботҳои онҳо фарқ карда ва яқоя карда шаванд» [11, с. 147.].

3. Безътибор дониستاني аҳди баҳснок ва татбиқи оқибатҳои безътибор дониستاني онҳо, татбиқи оқибатҳои безътибор дониستاني аҳди беоқибат. Суд метавонад санади ғайримеъёрии мақомоти ҳокимияти давлатӣ, мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ва ташкилотҳои дигарро, инчунин дар ҳолатҳои пешбининамудаи қонунгузорӣ санадҳои меъёриеро, ки ба қонунгузорӣ мувофиқ нестанд ва ҳуқуқҳои маданияю манфиатҳои бо қонун ҳифзшавандаи шахсони воқеӣ ё ҳуқуқиро вайрон мекунанд, безътибор эътироф намояд. Ҳангоми аз ҷониби суд безътибор дониста шудани санад, ҳуқуқи вайронгардида бояд барқарор карда шавад (м.12 КМ ҚТ).

4. Безътибор дониستاني санади мақомоти ҳокимияти давлатӣ, мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ва ташкилотҳои дигар. Худҳимоякунии ҳуқуқҳои маданӣ иҷозат дода мешавад. Тарзҳои худҳимоякунии бояд бо ҳуқуқвайронкунии мувофиқ бошад ва аз ҳадди амалӣ, ки барои пешгирӣ заруранд, набарояд (м.12 КМ ҚТ).

5. Худҳимоякунии ҳуқуқ. Худмуҳофизат аз ҷониби шахси ваколатдор анҷом додани амали якҷонибаи ҳуқуқӣ ё амали воқеиро бо мақсади ҳифзи ҳуқуқи маданӣ дар назар дорад. Чунин амал метавонад ба пешгирии қонуншиканӣ ё рафъи оқибатҳои он то пурра барқарор намудани вазъе, ки то содир шудани қонуншиканӣ мавҷуд буд, инчунин ба таъмини дахлнопазирии ҳуқуқ, ҳангоме ки таҳдиди воқеии вайрон намудани он вучуд дорад, равона карда шавад [4, с. 206.].

Хусусияти хоси худмуҳофизат ин тарзи аз ҷониби шахси ваколатдор мустақилона, бидуни муроҷиат ба мақомоти давлатӣ ё дигар мақомот, ки оид ба ҳифзи ҳуқуқи маданӣ ваколатдоранд, анҷом додани ҳифзи ҳуқуқи маданӣ мебошад. Ҳамзамон доираи чунин мақомот, ки муроҷиат ба онҳо ҳангоми худмуҳофизат иҷозат дода намешавад, танҳо бо мақомоте, ки дар доираи шакли судӣ ё маъмурии ҳифзи ҳуқуқҳои вайронгардидаи маданӣ амал мекунанд, яъне судҳои юрисдиксияи умумӣ, ҳакамӣ ва иқтисодӣ, инчунин мақомоти болоӣ (шахсони мансабдори онҳо) нисбат ба ташкилотҳо ва шахсони мансабдор, ки ба қонуншиканӣ роҳ додаанд, маҳдуд карда шудааст.

Имконияти муроҷиат барои ёрдам ба дигар мақомот истисно намегардад. Масалан, ба сифати худмуҳофизат метавонад амали мустақилонаи шахсе, ки анҷом додани он вобаста ба муроҷиат ба мақоми нотариалӣ ба миён омадааст, баррасӣ гардад (масалан, фурӯхтани молу мулки ба гарав гузошташуда аз ҷониби ломбард бо

сабаби барнагардонидани маблағи қарз аз ҷониби гаравдеҳ, ки дар асоси сабти иҷрои нотариус анҷом дода мешавад).

Ҳамаи субъектҳои ҳуқуқи маданӣ ба худмуҳофизат ҳуқуқ доранд, вале татбиқи амалии он асосан барои шахсони ҳуқуқӣ ва воқеӣ хос мебошад. Ҳифзи ҳуқуқи марбут ба ҚТ, субъектҳои он ва мақомоти маҳаллии намояндагӣ ва иҷроия бо дарназардошти хусусияти мақоми ҳуқуқии онҳо тавассути мақомоти дахлдори ваколатдор нисбатан самарабахш анҷом дода мешавад.

Амал вобаста ба худмуҳофизати ҳуқуқи вайронгардида метавонад ҳам аз ҷониби ҳуди шахси ваколатдор ва ҳам шахсони сеюм, ки ба манфиати он ё бо супориши он амал мекунанд, анҷом дода шавад. Масалан, молики воситаи нақлиёт метавонад чиҳати ҳимояи он бо қувваи худ тадбирҳо андешад ё ба ташкилоти махсусгардонидашуда, ки барои насби таҷҳизоти бонги хатар (сигнал) ва воситаҳои зидди рабудани нақлиёт машғуланд, муроҷиат намояд.

Барои истифодаи тарзи мушаххаси худмуҳофизат зарур аст, ки чунин имконият дар қонун ва дигар санади меъёрӣ ё шартнома пешбинӣ гардад. Масалан, ҳифзи мустақилонаи ҳуқуқ, ки аз муносибатҳои шартномавӣ бармеояд, метавонад дар нигоҳ доштани ашё аз ҷониби кредитор то аз ҷониби қарздор иҷро намудани уҳдадорӣ аз ҳисоббарории беаксепти воситаҳои пулӣ аз ҳисобномаи қарздор ва ғ. зоҳир гардад.

Худмуҳофизати ҳуқуқ дар муносибатҳои ғайришартномавӣ (ҳуқуқҳои шахсии ғайри молумулкӣ, ҳуқуқи моликият) метавонад тавассути анҷом додани амал дар ҳолати мудофияи зарурӣ ва ниҳояти зарурат анҷом дода шавад.

Ҳангоми худмуҳофизат бояд шартҳои зерин риоя шаванд:

1) субъект мустақилона ва ҳуқуқи воқеии худро, на ҳуқуқи эҳтимолиро ҳифз кунад;

2) тарзҳои истифодашавандаи худмуҳофизат ба вайронкунӣ мутаносиб бошад, яъне зараре, ки вобаста ба амалигардонии ҳуқуқ барои худмуҳофизат расонида шудааст, наметавонад аз зарари воқеӣ ё имконпазир, ки ба ҳуқуқвайронкунанда расонида шудааст, баръало номутаносиб бошад;

3) тарзи худмуҳофизат аз ҳадди амале, ки барои пешгирии вайронкунӣ зарур аст, берун набошад.

Шартҳои зикргардида барои ҳамаи тарзҳои худмуҳофизат умумӣ мебошад ва худмуҳофизат наметавонад қонунӣ эътироф гардад, агар он ба тарз ва хусусияти вайронкунӣ мутаносиб набошад ва зарари расонидашуда (имконпазир) нисбат ба пешгирии он бештар назаррас бошад.

Ҳангоми риоя накардани талаботи муқарраргардида, ки бо мақсади худмуҳофизат анҷом дода мешавад, амал аз ҳадде, ки қонун муқаррар кардааст, берун мебошад ва метавонад ба шахсе, ки онро анҷом додааст, оқибатҳои номатлуб пеш орад.

Нисбат ба тадбирҳои худмуҳофизат, ки шахси ваколатдор истифода намудааст, ба суд ё дигар мақоми ваколатдор шикоят кардан мумкин аст, ки он кафили ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии субъектҳои муомилоти маданӣ мебошад ва онҳоро аз сӯистифодаи имконпазири ҳуқуқ ба худмуҳофизат ҳимоя мекунад.

6. Маҷбур намудан ба иҷрои уҳдадориҳо дар шакли асл. Дар сарчашмаҳои ҳуқуқи римӣ мафҳуми уҳдадориро ба ҳар нав шарҳ медиҳанд. Ба ҳар ҳол, қайд кардан лозим аст, ки уҳдадорӣ, аз як тараф, ҳуқуқи талабкунӣ, аз тарафи дигар – уҳдадории (вазифаи) иҷрои ин дархост (талабот) –ро мефаҳмонад, аз он ки уҳдадорӣ ин вобастагии маъмул аст, ин муносибат дар асоси боварӣ мебошанд [5, с. 79.].

Баъзе аз муҳаққиқон чунин меҳисобанд, ки уҳдадориро набояд танҳо бо уҳдадории қарзор оид ба анҷом додани ягон амали муайян ба робита гузошт. Ба андешаи М.З. Раҳимзода мафҳуми “уҳдадориро” набояд танҳо бо мазмуни “уҳдадории қарздор” баҳо дод, чунки уҳдадорӣ ин маҷмӯи “уҳдадорӣ ва соҳибҳуқуқии шахс” низ ба шумор меравад [7, с. 31.].

Ба назари дигарон бошад, иҷрои уҳдадорӣ аз анҷом додани амали муайян аз ҷониби кредитор ва қарздор иборат буда, мазмуни ҳуқуқ ва уҳдадориҳои онҳоро ташкил медиҳад [12, с. 153.].

Дар муносибатҳои уҳдадорӣ масъалаи иҷрои дахлдори он аҳамияти аввалиндараҷа дорад. Вале густариши муносибатҳои иқтисодӣ, мураккабгардии муносибатҳои мутақобила, ҷой надоштани эътимод дар байни иштирокчиёни аҳдҳои маданӣ нисбат ба якдигар ва дигар омилҳо ҳамеша таваккали муайянро дар иҷрои (дахлдори) уҳдадориҳо ба миён оварда, хатари ноустувории муносибатҳои иқтисодӣ гардида метавонад.

Тарзҳои таъмини иҷрои уҳдадорӣ дорои хусусиятҳои зерин мебошанд:

- музднок ва ройгон;
- умумият яъне, истифодаи тарзҳои таъмин дар дигар намудҳои уҳдадорӣро;
- табиати иловагӣ (аксессуарӣ).

7. Чуброни зиён. Шахси ҳуқуқаш вайронгардида метавонад чуброни пурраи зиёни ба он расондашударо талаб намояд, агар дар қонун ё шартнома чуброни зиён ба андозаи камтар пешбинӣ нашуда бошад. Зиён хароҷотест, ки шахси ҳуқуқаш вайронгардида сарф намудааст ё бояд барои барқарор намудани ҳуқуқи вайронгардида сарф намояд, талаф ёфтани ё осеб дидани молу мулки он (хисороти воқеӣ), инчунин даромади гирифтанишудае, ки шахс, агар ҳуқуқаш вайрон намегардид, дар шароити муқаррарии муомилоти маданӣ метавонист ба даст оварад (фоидаи аздастрафта).

Агар шахси вайронкардаи ҳуқуқ даромад ба даст оварда бошад, шахсе, ки ҳуқуқаш вайрон гардидааст, ҳуқуқ дорад дар баробари зиёнҳои дигар фоидаи аздастрафтаре ба андозаи на камтар аз чунин даромад талаб намояд. Зиёне, ки дар натиҷаи амал (беамалӣ)-и ғайриқонунии мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ё шахсони мансабдори ин мақомот, аз ҷумла дар натиҷаи санади бар хилофи қонунгузорӣ қабулнамудаи мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ба шахсони воқеӣ ё ҳуқуқӣ расонда шудааст, бояд аз ҷониби ҚТ ё мақомоти дахлдор чуброн карда шавад.

Дар ҳолатҳо ва бо тартиби пешбининамудаи қонунгузорӣ, хисороте, ки ба шахс ё молу мулки он дар натиҷаи амали қонунии мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ё шахсони мансабдори ин мақомот расонда шудааст, чуброн мешавад.

8. Рӯёнидани ноустуворона. Шакли аз ҳамаи паҳншудаи тарзи таъмини иҷрои уҳдадорӣ дар муносибатҳои маданӣ ин ноустуворона мебошад. Аҳамияти ноустуворона дар ду ҳолат ба назар мерасад:

1. Аз як тараф, он қарздорро водор месозад, ки уҳдадориро сари вақт ва ба таври дахлдор иҷро намояд;
2. Аз тарафи дигар, дар сурати иҷро нашудани уҳдадорӣ ва ё ба таври дахлдор иҷро нашудани он дар назди кредитор масъулият дар намуди пардохти маблағи муайян ба вучуд меояд.

Мувофиқи қ. 1, м. 381 КМ ҚТ ноустуворона (ҷарима, пеня) маблағе мебошад, ки тибқи қонун ё шартнома муайян гардидааст ва қарздор уҳдадор аст ҳангоми иҷро накардан ё иҷрои номатлуби уҳдадорӣ онро

ба кредитор пардохт кунад. Зимни талаби пардохти ноустуворона кредитор уҳдадор нест зиёни ба он расондашударо исбот кунад.

Ноустуворона дар чунин ҳолатҳо бавучуд меояд:

а) дар ҳолати иҷро накардани уҳдадорӣ аз тарафи қарздор ба миён омадааст;

б) дар ҳолати ба таври дахлдор иҷро накардани уҳдадорӣ тибқи талаботҳои дар шартнома ва ё қонун пешбинӣ шуда ба миён омадааст.

Агар барои иҷро накардан ё иҷрои номатлуби уҳдадорӣ ноустуворона муқаррар гардида бошад, пас зиён дар қисми бо ноустуворона таъминнашуда рӯёнида мешавад. Қонунҳо ва ё шартнома ҳолатҳои зайлро пешбинӣ намуданашон мумкин аст:

а) ҳангоме, ки танҳо рӯёнидани ноустуворона иҷозат дода мешавад, вале на товони зиён;

б) ҳангоме, ки товони зиён метавонад ба маблағи пурра бар замми ҷаримаи аҳдшиканӣ рӯёнида шавад;

в) ҳангоме, ки мутобиқи интихоби кредитор ё ҷаримаи аҳдшиканӣ ё товони зиён рӯёнида мешавад.

Функсияи таъминкунандаи ноустуворона дар он зоҳир меардад, ки ноустуворона дар қисмҳои дахлдор оқибатҳоеро, ки вобаста ба вайрон кардани уҳдадориҳои худ аз ҷониби ҷавобгар ба миён омадаанд, ҷуброн менамоянд [2, с. 735.].

Андозаи ноустуворона бо маблағи пулии дақиқ (ҷарима) ё бо фоизи муайян (пеня) аз маблағи иҷронашуда ё ба таври номатлуб иҷрошуда муайян карда мешавад.

Ба ақидаи В.В Витрянский «ҷавобгарии ҳуқуқи маданӣ тибқи уҳдадориҳои маданӣ мумкин аст дар шакли рӯёнидани зиён ва пардохти ноустуворона анҷом пазирад. Ҳамчунин, тибқи уҳдадориҳои пулӣ пардохти ноустуворонаро дигар шакли ҷавобгарии мустақил рӯёнидани фоиз барои иҷро накардани уҳдадориҳои пулӣ ташкил медиҳад» [3, с. 636.].

Пардохти ноустуворона танҳо дар он маврид истифода бурда мешавад, ки дар қонун ё шартнома пешбинӣ шуда бошад. Тарафҳо аз он ҷумла зомин ва кредитор метавонанд, ки дар шартномаи замонат ҳангоми иҷро накардан ё иҷрои номатлуби уҳдадорӣ, аз ҷумла дар ҳолати гузаронидани муҳлати иҷро пардохти ноустуворонаро пешбинӣ намоянд. Дар чунин ҳолат, ҳангоми вайрон шудани уҳдадорӣ ба сифати ҷавобгарӣ пардохти ноустуворона татбиқ карда мешавад.

Созишнома оид ба ноустуворона, сарфи назар аз шакли уҳдадории асосӣ, бояд дар шакли хаттӣ баста шавад. Риоя накардани шакли хаттӣ боиси безътибор шудани созишнома оид ба ноустуворона мегардад.

Вобаста ба асоси ҳуқуқӣ ноустуворона ба ду намуд ҷудо мешавад:

- а) шартномавӣ;
- б) қонунӣ.

Ноустуворонаи шартномавӣ ба матни шартнома ворид карда мешавад ё тибқи созишномаи алоҳида ба уҳдадории асосӣ ба расмият дароварда мешавад. Ноустуворонаи қонунӣ бошад новобаста аз пешбинӣ гаштан дар шартнома татбиқ карда мешавад ва андозаи ноустуворона дар асоси қонун бо созишномаи тарафҳо метавонад зиёд карда шавад, агар онро қонун манъ накунад.

9. Товони зарари маънавӣ. Агар ба шахси воқеӣ дар натиҷаи амалҳои вайронкунандаи ҳуқуқҳои шахсии ғайримолумулкиаш ё амалҳои суиқасдкунанда ба неъматҳои дигари ғайримолумулкиаш, инчунин дар ҳолатҳои дигари пешбининамудаи қонун зарари маънавӣ (азоби руҳӣ ё ҷисмонӣ) расонида шуда бошад, суд метавонад шахси вайронкардари ба товони зарар уҳдадор кунад (м. 16 КМ ҚТ).

Маҳз дар ҳимояи ҳуқуқҳои маданӣ функцияи муҳофизатии ҳуқуқи маънавӣ зоҳир мегардад. Оид ба ин масъала дар адабиёт ақида вучуд дорад, ки тибқи он муносибатҳои ҳуқуқии маданӣ ба муносибатҳои зерин ҷудо мешавад:

- а) муносибати танзимкунӣ;
- б) муносибати ҳифзкунӣ.

Дар муносибати танзимкунӣ ҳуқуқ ба ҳимоя ҳамчун ваколати танзимии ҳуқуқи маданӣ баромад мекунад. Мазмуни муносибати ҳифзкуниро ҳуқуқи субъективӣ ба ҳимоя ва уҳдадории ҳифзкунии субъективӣ ташкил мекунад [13, с. 7].

10. Қатъ кардан ё тағйир додани муносибати ҳуқуқӣ. Қатъ намудан ва тағйир додани муносибатҳои ҳуқуқӣ танҳо дар ҳолатҳои иҷозат дода мешавад, ки агар дар қонун ё шартнома бевосита пешбинӣ шуда бошад. Шартнома ба сифати як намудаи аҳди маданӣ-ҳуқуқӣ баромад мекунад ва дар асоси он ҳуқуқҳо ва уҳдадориҳои субъективии маданӣ ба вучуд меоянд, тағйир меёбанд ва қатъ мегарданд [14, с. 96].

Истифодаи чунин тарзи ҳифз дар аксар ҳолатҳо имкон медиҳад, ки татбиқи ҳуқуқи субъективии шахси ба дигаргунсозиҳои муносибатҳои ҳуқуқӣ манфиатдор таъмин карда шавад.

11. Аз ҷониби суд татбиқ накардани санади хилофи қонунгузорӣ қабулнамудаи мақомоти ҳокимияти давлатӣ, мақомоти маҳаллии худидоракунӣ ва ташкилотҳои дигар. Ба сифати тарзи махсуси ҳифз аз ҷониби суд истифода набурдани санади хилофи қонуни мақоми давлатӣ ё мақоми ҳокимияти маҳаллӣ пешбинӣ шудааст. Таҳти санад дар ҳолати мазкур ҳам санади меъёрӣ ва ҳам санади ғайримаъёрӣ (инфиродро), ки унвони шахси муайян ё гурӯҳи шахсон нигаронида шудааст, фаҳмида мешавад [2, с. 53.].

Ҳамзамон имконияти аз ҷониби суд истифода набурдани қонун истисно мегардад, зеро асосҳои истифодаи тарзи баррасишавандаи ҳифз муҳолифати санад ба қонун мебошад.

Ҳамин тавр, ҳимояи ҳуқуқҳои маданӣ дорои объекти махсус дар шакли ҳуқуқи субъективӣ аст, ки дар қонунгузорӣ ва дигар санадҳои меъерии ҳуқуқӣ нисбати иштирокиёни муомилоти маданӣ мустақкам гардидааст. Яке аз шартҳои асосии қонунӣ будани ҳуқуқҳои субъективии маданӣ қонунӣ будани асосҳои бавучудоии онҳо мебошад. Бо ин мақсад шартҳо ва ҳудуди ҳифзи ҳуқуқи маданӣ аз мазмуни ҳуқуқи субъективӣ вобаста аст, чунки ин ҳуқуқ дар ҳаде ҳимоя карда мешавад, ки дар доираи он эътироф гардидааст. Аммо на ҳамаи ҳуқуқҳои субъективӣ дорои чорӯбаи мушаххаси бо қонунгузорӣ ва санадҳои инфиродии иродавӣ, ки ба манъкуниҳои умумӣ ва махсус вобастаанд, муайян гардидааст.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Кодекси маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 24 декабри соли 2022, № 1918. // Садои мардум. – №1-9(4584-4592). – Душанбе. – 36с.

2. Тафсири Кодекси гражданин Ҷумҳурии Тоҷикистон (қисми якум). – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – 1000с.

3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения: – М.: Статут, 2002. – 876с.

4. Ҳуқуқи гражданин Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн]: китоби дарсӣ. Қисми якум / Муҳаррирони масъул: мудири кафедраи ҳуқуқи гражданин факултети ҳуқуқшиносии ДМТ, д.и.қ., профессор Ғаюров Ш.К. ва н.и.қ., дотсент Сулаймонов Ф.С. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 341с.

5. Маҳмудов М.А. ва Менглиев Ш. М. Ҳуқуқи хусуси римӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 110с.

6. Гражданское право: учебник // под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – СПб, 2003.– 578с.

7. Рахимов М.З. Избранные труды.- Душанбе: «Бухоро», 2014. – 745с.

8. Гражданское право: учебник. В 4-х томах. Том 1. Общая часть. 3-е издание, преработанное и дополненное // под. ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтер Клувер, 2008. – 673с.

9. Курбонов, Қ.Ш., Ғаффорзода, И.Ғ. Ҳуқуқи граждани: қисми 1 китоби дарсӣ. – Душанбе: Донишварон, 2017. – 675с.

10. Елисейкин П.Ф. Правоохранительные нормы: понятие, виды, структура// Защита субъективных прав и гражданское судопроизводство// отв. ред. П.Ф. Елисейкин. - Ярославль, 1977. – С. 98 – 112.

11. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора.-М.: Волтерс Клувер, 2006.- 416 с.

12. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный). В двух книгах. Книга 2. -2-е изд., испр. И доп., с использованием судебной практики / Ответственные редакторы: М.К.Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы: Жети-жаргы, 2003. – 563с.

13. Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения: автореф. дисс. ... д.ю.н.- Екатеринбург, 2010. – 45с.

14. Соҳибов, М.М., Саидов, Ҳ.М., Хоҷамуродов, Д.Г., Бобохонов, Ҳ.З. Ҳуқуқи шартномавӣ //Зери таҳрири профессор Ғаюров Ш.К. - Душанбе: Андалеб-Р, 2015. – 213с.

Муқарризи мақола Мирзомуродзода Д. Г. – номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ.

**IV. ТАҚРИЗҲОИ ВОРИДШУДА
IV. ПОСТУПИВЩИЕ РЕЦЕНЗИИ**

УДК: 347:004:346

**НАУЧНЫЙ ПОДВИГ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: К 35-ЛЕТИЮ
МОНОГРАФИИ В.А. ОЙГЕНЗИХТА**
(Рецензия на монографию В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве». - Душанбе: «Ирфон», 1991. – 176 с.)

САНГИНЗОДА ДОНИНЁР ШОМАХМАД,

доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 980 85 07 07; E – mail: doniyor_sanginov@mail.ru

САНГИНЗОДА ДОНИНЁР ШОМАҲМАД,

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессори кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷорати факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Тел.: (+992) 980 85 07 07; E – mail: doniyor_sanginov@mail.ru

SANGINZODA DONINYOR SHOMAHMAD,

doctor of Law, professor of the Department of Business and Commercial Law at the Faculty of Law of the Tajik National University. Phone: (+992) 980 85 07 07; E – mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Ключевые слова: альтернатива в гражданском праве, выбор, диспозитивность, договорная свобода, рыночная экономика, правовое регулирование, императивные и диспозитивные нормы, альтернативные обязательства, ответственность, гражданское законодательство, теоретическое наследие, сравнительное правоведение, цивилистика, правовая методология, свобода воли, консенсус, компромисс, принцип «дозволено все, что не запрещено», переходный период в праве.

Калидвожаҳо: алтернатива дар ҳуқуқи маданӣ, интиҳоб, диспозитивӣ, озодии шартномавӣ, иқтисоди бозорӣ, танзими ҳуқуқӣ,

меъёрҳои императивӣ ва диспозитивӣ, уҳдадорихои алтернативӣ, масъулият, қонунгузори маданӣ, мероси назариявӣ, ҳуқуқшиносии муқоисавӣ, ҳуқуқшиносии маданӣ, методологияи ҳуқуқӣ, озодии ирода, консенсус, компромисс, принсипи «ҳама чизе, ки манъ нашудааст, иҷозат аст», давраи гузариш дар ҳуқуқ.

Keywords: alternative in civil law, choice, dispositiveness, contractual freedom, market economy, legal regulation, imperative and dispositive norms, alternative obligations, liability, civil legislation, theoretical heritage, comparative jurisprudence, civil law studies, legal methodology, freedom of will, consensus, compromise, the principle of “everything is permitted that is not prohibited”, transitional period in law.

Монография профессора Виктора Аркадьевича Ойгензихта, вышедшая в свет в 1991 году, представляет собой уникальное для своего времени и сохраняющее научную ценность по сей день исследование. Книга была издана на переломном этапе отечественной истории – в период крушения административно-командной системы, перехода к рыночной экономике и становления нового гражданского законодательства. В этом контексте работа В.А. Ойгензихта оказалась не только своевременным откликом на происходящие перемены, но и фундаментальным теоретическим осмыслением одного из ключевых принципов правового регулирования – принципа альтернативности, выбора, диспозитивности.

Автор поставил перед собой амбициозную задачу: через призму категорий «альтернатива», «выбор», «вариабельность» переосмыслить значительный массив гражданско-правовых институтов – от общих положений о нормах права до конкретных договорных конструкций и мер ответственности. Актуальность такого подхода была обусловлена не только политико-экономическими изменениями, но и внутренней логикой развития цивилистической мысли, назревшей потребностью в отказе от излишней императивности и признании за субъектами права более широкой свободы усмотрения.

Следует особо отметить, что данная монография не является простым комментарием к действовавшему на тот момент законодательству. Это глубокое теоретическое исследование, выходящее далеко за пределы позитивного права. Автор обращается к философским, психологическим и логическим основаниям категории выбора, что придает его работе методологическую глубину и позволяет рассматривать ее как вклад не только в цивилистику, но и в общую теорию права.

В настоящей рецензии предлагается развернутый анализ содержания монографии, ее структуры, основных идей и выводов, а также дается оценка научной новизны, теоретической и практической значимости работы.

Монография имеет четкую, продуманную структуру, отражающую логику авторского замысла. Она состоит из четырнадцати глав, предваряемых кратким, но емким предисловием, и завершается развернутым заключением на таджикском языке (хулоса), что подчеркивает региональный контекст издания, но не умаляет его общетеоретического значения.

Первая глава «Попробуем разобраться» [с. 5-13] выполняет важную методологическую функцию. Автор начинает с этимологического анализа термина «альтернатива», прослеживая его латинские и французские корни, и сразу же вводит читателя в проблемное поле, различая понятия «альтернативы», «альтернативности», «факультативности» и «диспозитивности». Уже на этом этапе В.А. Ойгензихт демонстрирует характерную для него широту подхода: он не ограничивается узко-юридическим пониманием альтернативного обязательства, а стремится к выявлению сущностных признаков альтернативности как свойства правового регулирования в целом.

Подводя итог этой главе, автор формулирует ключевой для всего исследования вывод: «Характерной чертой гражданского права признается диспозитивность, понимаемая как способность осуществлять правосубъектность по своему усмотрению, приобретая гражданские права и обязанности, распоряжаясь ими, определяя в известных пределах их содержание. Диспозитивность— это не только выбор в осуществлении права, но выбор способов реализации права, его содержания, последствий при нарушении и т. п. Диспозитивность— общая характеристика правового положения субъектов. И в этом смысле она проявляется в альтернативности. Особенно это очевидно в настоящее время, когда утвердилась новая демократическая формула: разрешено все, что не запрещено законом. Но диспозитивность определяется соответствующими рамками. Именно рамки создают относительную определенность, которая обычно сводится к альтернативности. Если диспозитивность основана на альтернативе, то она должна признаваться “альтернативной диспозитивностью”, если же альтернативных вариантов нет, они не определены, не ограничивают диспозитивность, то такая диспозитивность признается “неограниченной” или “безальтернативной”»[с. 11].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая конструкция, предложенная В.А. Ойгензихтом, сохраняет свою научную актуальность и в современных условиях. Автору удалось не только связать категории «диспозитивность» и «альтернативность» в единую теоретическую систему, но и предложить их внутреннюю классификацию, позволяющую дифференцировать степень свободы субъектов гражданского права. С методологической точки зрения, данный подход позволяет глубже понять природу гражданско-правового регулирования, выявить его динамические аспекты и определить границы, в пределах которых субъекты права могут самостоятельно формировать свои права и обязанности. Вместе с тем, современное развитие цивилистической доктрины и законодательства требует дополнения данной концепции положениями о социальной функции диспозитивности. Подлинная альтернативность не может быть безграничной — она ограничена не только формальными рамками закона, но и необходимостью защиты интересов слабой стороны, обеспечения публичного порядка, предотвращения злоупотребления правом. В этом смысле «альтернативная диспозитивность» должна рассматриваться не как абсолютная свобода, а как свобода, ограниченная принципами добросовестности, разумности и справедливости. Таким образом, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта в части учения о диспозитивности и альтернативности сохраняет не только историческое, но и практическое значение, выступая методологической основой для дальнейших исследований в области гражданского права и совершенствования законодательства в условиях рыночной экономики.

Вторая глава «Альтернативные нормы» [с.14-22] посвящена классификации правовых норм. Автор обосновывает необходимость выделения особой группы – альтернативных норм, которые, по его мысли, не укладываются в традиционное деление на императивные, диспозитивные и рекомендательные. Особое внимание уделяется диспозитивным нормам, в которых В.А. Ойгензихт видит основной канал реализации альтернативности. При этом он обращает внимание на опасность, тающуюся в диспозитивных нормах: при отсутствии реального соглашения сторон они превращаются в скрытый императив. Эта мысль представляется чрезвычайно важной и сохраняет свою актуальность в условиях современного договорного права, где проблема соотношения свободы договора и законодательных ограничений стоит не менее остро.

Резюмируя свои рассуждения, автор заключает: «Возникает и такой вопрос: по какому пути в условиях рыночной экономики должно

пойти хозяйственное законодательство. Практика ряда стран показывает, что по пути установления широкой регулятивной свободы. Мы полагаем, что правовое регулирование несомненно должно быть, но, во-первых, главным образом относиться к важнейшим, принципиальным положениям, а во-вторых, во многом не устанавливать, а моделировать, рекомендовать, т. е. в принципе должен быть отказ от зарегулированности. Основным регулятором должен быть договор с законодательным обеспечением его свободы и конкуренции. Но многие ориентируются на диспозитивные нормы, негативно относятся к взглядам на то, что расширение договорной свободы в современных экономических условиях должно привести к сужению правового регулирования хозяйственных договоров[21].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта относительно путей развития хозяйственного законодательства в условиях рыночной экономики является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать концепцию, которая органично сочетает признание необходимости государственного регулирования с утверждением приоритета договорной свободы и договорного саморегулирования. Предложенный им баланс между императивными, диспозитивными и рекомендательными нормами, а также акцент на развитии институтов профессионального посредничества и государственного стимулирования, представляют собой образец взвешенного и научно обоснованного подхода к решению одной из ключевых проблем правовой реформы переходного периода. Вместе с тем, современное развитие рыночной экономики и правовой системы требует уточнения данной концепции в части выработки четких критериев разграничения сфер императивного и диспозитивного регулирования, а также создания эффективных механизмов защиты интересов слабой стороны в условиях формально равной, но фактически неравной договорной свободы. В этом направлении теоретическое наследие В.А. Ойгензихта может служить прочным фундаментом для дальнейших научных изысканий и совершенствования законодательства.

Третья глава «Выбор альтернативы и альтернатива выбора» [с.22-33] является, пожалуй, наиболее философски насыщенной. Автор обращается к психологическим аспектам принятия решения, анализирует роль неопределенности, вероятности и риска в процессе выбора. Ссылаясь на работы Ю. Козелецкого, А.П. Альгина и других, В.А. Ойгензихт показывает, что альтернативность неразрывно связана с субъективным

восприятием ситуации, с оценкой полезности и риска. Особый интерес представляет различие «выбора альтернативы» (как объективно существующей возможности) и «альтернативы выбора» (как способа, метода самого выбора). Это различие позволяет автору в дальнейшем анализировать не только то, что выбирают субъекты, но и как они это делают, какие факторы влияют на принятие решения.

Завершая эту главу, автор отмечает: «Свободное регулирование поведения, свободный выбор альтернативы являются несомненно проявлением свободы воли, но не всегда это регулирование основа не па истинной свободе воли. Поэтому, видимо, не следует утверждать, что свободной волей человек обладает лишь в той мере, в какой он может делать сознательный выбор. И все же без сознательного выбора нет свободы воли. Существует диалектическое единство выбора и ответственности. Выбор предопределяет ответственность, а ответственность немислима без выбора. Несомненно, должны быть и диапазон возможностей поступка п субъективные возможности для выбора. Речь идет о свободе выбора — психологического акта, в котором играют роль и разум, и волевые качества человека. Выбор и решение последние звенья проектирования, устойчивый компонент программирования поведения»[с. 31-32].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта по вопросу о свободе воли, выборе и ответственности является научно-обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось органично соединить философские, психологические и юридические аспекты проблемы, предложив диалектическую концепцию, в рамках которой свобода воли, выбор и ответственность рассматриваются в неразрывном единстве. Особую ценность представляет авторский подход к пониманию свободы воли не как абстрактной категории, а как реальной способности субъекта осознанно выбирать из доступных альтернатив, нести ответственность за свой выбор и быть субъектом правового регулирования. Этот подход позволяет преодолеть как крайности правового волюнтаризма (когда свобода воли абсолютизируется без учета реальных возможностей выбора), так и правового детерминизма (когда роль сознательной воли субъекта сводится к минимуму). В современных условиях, когда законодательство и правоприменительная практика сталкиваются с необходимостью защиты интересов слабой стороны договора, борьбы с недобросовестными практиками и обеспечения реальной, а не формальной свободы выбора, теоретическое

наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о диалектическом единстве выбора и ответственности, о необходимости различения формальной и истинной свободы воли, о психологических основаниях выбора могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Четвертая глава «Альтернативные обязательства и альтернативные обязанности» [с.33-42] посвящена анализу традиционных для цивилистики конструкций альтернативных и факультативных обязательств. Здесь В.А. Ойгензихт проявляет себя как глубокий знаток классической цивилистики, обращаясь к работам К. Бернштейна, И.Б. Новицкого, Л.А. Лунца, а также к зарубежному опыту (Французский гражданский кодекс). Автор аргументированно отстаивает идею о единстве сущности альтернативных и факультативных обязательств, полагая, что различие между ними не носит принципиального характера и сводится к степени связанности сторон. Особое внимание уделяется сложным вопросам: влиянию невозможности исполнения одной из альтернатив на судьбу обязательства, распределению убытков при гибели предмета, последствиям просрочки.

В заключении к главе автор подчеркивает: «Мы уже говорили о том, что законодательство ограничивает возможности выбора различных вариантов в поведении субъектов. Это чрезвычайно большой разговор. Можно сослаться на многие нормы, в которые могли быть включены альтернативные права и обязанности. В качестве примера укажем на последствия признания сделок недействительными. Так, например, не понятно, почему при недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения (ст. 57 ГК РСФСР., ст.155 ГК Тадж ССР) не следует предоставить право субъектам альтернативно решить вопрос либо о возврате в натуре, либо о возмещении стоимости. Это же относится к кредитору по другим оспоримым сделкам — ст. 58(56) ГК, по сделке не соответствующей закону — ст. 48(46) ГК п к др. Не лишне обратить внимание на то, что в гражданских отношениях появилась категория “отступного”» [с. 41-42].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о необходимости расширения альтернативных возможностей при применении последствий недействительности сделок и о значении института отступного является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось не только выявить недостатки

действовавшего на тот момент законодательства, но и предложить конструктивный путь их преодоления, основанный на расширении диспозитивных начал и предоставлении субъектам права выбора наиболее адекватного способа защиты нарушенных прав. Особую ценность представляет то, что В.А. Ойгензихт рассматривает эти вопросы не изолированно, а в контексте общей концепции альтернативности в гражданском праве. Для него расширение альтернативных возможностей в сфере действительности сделок и развитие института отступного являются частными проявлениями более общей тенденции – перехода от императивного регулирования к диспозитивному, от жесткой регламентации к свободе выбора, от административно-командных методов к рыночным механизмам саморегулирования. В современных условиях, когда гражданское законодательство продолжает развиваться в направлении расширения диспозитивных начал, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости предоставления субъектам альтернативных способов защиты прав, о значении отступного как инструмента гибкого регулирования обязательственных отношений, о недопустимости излишнего императивизма в законодательстве могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования гражданско-правовых институтов и развития цивилистической доктрины.

Название пятой главы «Tertium non datur? - Третьего не дано» [с.42-51] подчеркивает жесткость альтернативной конструкции, но автор показывает, что в реальных отношениях возможны различные модификации и отступления от этого принципа. Анализируя сложные ситуации, связанные с невозможностью исполнения, гибелью предмета обязательства, просрочкой, В.А. Ойгензихт приходит к выводу о необходимости гибкого подхода, учитывающего волю сторон и конкретные обстоятельства.

Автор завершает главу следующим выводом: «Если в невозможности исполнения альтернативного обязательства повинен должник, он должен быть лишен выгод, в том числе и права на оплату стоимости предмета. Если право выбора принадлежит кредитору, то, по всей видимости, следует допустить трансформацию альтернатив, предоставив право кредитору требовать оплаты стоимости предмета, который не может быть доставлен по вине должника. Возможна и такая ситуация: предмет погиб по вине должника, но остальные предметы (предмет) погибли случайно. При такой ситуации, если выбор за должником, считалось, что обязательство прекращается, требовать ничего от должника

нельзя. Но ведь сам должник своим поведением ухудшил положение кредитора и фактически поставил его перед неисполнимостью обязательства, поэтому юриспруденция пошла по пути взыскания убытков, возмещения вреда. Если выбор у кредитора, то он, по всей видимости, вправе требовать уплаты стоимости предмета. Если произошло наоборот: сначала случай, а потом вина должника, то, если обязательство стало односторонним, наверное, кредитор вправе требовать взыскания убытков, в том числе, возможно, и стоимости предмета, на покупку которого кредитор может понести расходы. Если погибли все вещи по вине должника при выборе кредитора, то у последнего должно сохраняться право на выбор стоимости любого альтернативного предмета. Если невозможность исполнения произошла по вине кредитора в отношении одной из альтернатив, то обязательство действует в отношении оставшихся, если выбор принадлежит должнику. Он вправе будет уплатить стоимость, например, погибшей вещи. Кредитор должен будет возместить вред. Возможна доплата разницы, с учетом стоимости погибшей вещи. Если выбирает веритель (так назывался кредитор), то обязательство сосредотачивалось на оставшихся альтернативах, а должник вправе был рассчитывать на возмещение убытков. Если вначале невозможность исполнения произошла по вине кредитора, а затем остальные альтернативы стали неисполнимы из-за случая и если выбор на стороне должника, то обязательство прекращается, должник от своей обязанности освобождается, но вправе требовать стоимости вещи, погибшей первоначально или убытка по стоимости более ценной вещи. Если право выбора на стороне кредитора, то погибшая по его вине вещь и составляет исполнение. Если кредитор повинен в невозможности исполнения в последующем, а ранее альтернативы отпали в силу случая, то требования у кредитора нет. Убытки могут быть взысканы должником, если в невозможности исполнения альтернатив повинен кредитор [с.50-51].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта по вопросу о правовых последствиях невозможности исполнения альтернативного обязательства является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось создать стройную систему правил, учитывающую различные комбинации юридически значимых обстоятельств (вина сторон, момент наступления обстоятельств, принадлежность права выбора) и позволяющую предлагать адекватные и справедливые правовые последствия для каждой из ситуаций. Особую ценность представляет то, что В.А. Ойгензихт рассматри-

вает эти вопросы не изолированно, а в контексте более общей концепции альтернативности в гражданском праве. Для него анализ последствий невозможности исполнения является продолжением и развитием основных идей о выборе, вариабельности, распределении рисков и ответственности. Такой подход позволяет рассматривать альтернативные обязательства не как исключение из общих правил, а как особую, но вполне укладываемую в систему гражданского права конструкцию. В современных условиях, когда обязательственное право продолжает развиваться в направлении расширения диспозитивных начал и признания за сторонами права самостоятельно определять последствия нарушения обязательств, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его детальные разработки могут служить методологической основой как для совершенствования законодательства об альтернативных обязательствах, так и для формирования договорных условий, учитывающих возможные риски и обеспечивающих баланс интересов сторон.

Глава шестая «Совместный выбор, компромисс, консенсус» [с.52-60] переносит акцент с формально-юридического анализа на социально-психологический и процессуальный аспекты. Автор рассматривает договор не просто как юридический факт, а как результат совместного волеизъявления, поиска компромисса. В условиях перехода к рынку, подчеркивает В.А. Ойгензихт, умение договариваться, находить взаимоприемлемые решения становится не просто желательным, а необходимым навыком для хозяйствующих субъектов. Он анализирует роль арбитража в этом процессе, критически оценивая возможность принудительного установления условий договора.

В итоге автор формулирует важнейшую: «Мы полагаем, что современное требование к обоюдному волеизъявлению сторон исключает возможность принудительного установления иного порядка нежели определенного в объективно-диспозитивной норме, при отсутствии обоюдного волеизъявления. Если нет соглашения, не выбрана альтернатива, должен императивно, действовать порядок, определенный в норме. Иногда сами нормы исходят из компромисса, Так, например, установление обязательности заключения договоров с учетом сложившихся хозяйственных связей, а не полной свободы их заключения— это компромисс против альтернативы диктата поставщика п, в еще большей степени это относится к введению лимитов потребления. Да, и установление в таком объеме госзаказов — это тоже компромисс. При утвер-

ждении рыночных отношений, как мы указали, должен быть иной подход»[с. 59–60].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта по вопросу о пределах принудительного установления договорных условий и компромиссном характере правового регулирования переходного периода является научно обоснованной, методологически последовательной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать четкие критерии разграничения допустимого и недопустимого вмешательства в договорные отношения, показать сущность диспозитивного регулирования как предложения, а не навязывания вариантов поведения, и обосновать временный, компромиссный характер тех ограничений договорной свободы, которые объективно необходимы в условиях переходной экономики. Особую ценность представляет диалектический подход автора, позволяющий видеть в компромиссных конструкциях не конечную цель правового развития, а необходимый этап на пути к более совершенной системе, основанной на принципах свободы договора, конкуренции и минимизации государственного вмешательства. При этом В.А. Ойгензихт не впадает в крайности, понимая, что полная и немедленная либерализация договорных отношений в условиях, когда рыночные механизмы еще не сформированы, может привести к не менее серьезным негативным последствиям, чем излишняя зарегулированность. В современных условиях, когда гражданское законодательство продолжает развиваться в направлении расширения договорной свободы, а правоприменительная практика сталкивается с необходимостью защиты слабой стороны договора и предотвращения злоупотреблений, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о соотношении диспозитивных норм и принудительного установления условий, о компромиссном характере ограничений договорной свободы, о необходимости учета реальных экономических условий при определении пределов государственного регулирования могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Седьмая глава «Воля в договоре и ограничение выбора альтернатив» [с.60-66] посвящена фундаментальной проблеме соотношения государственной и индивидуальной воли в договоре. В.А. Ойгензихт вступает в полемику с теми теоретиками, которые сводят волевое содержание правоотношения исключительно к государственной воле, отрицая или принижая значение воли участников. Последовательно отстаивая пози-

цию, согласно которой правоотношение есть результат взаимодействия государственной и индивидуальной воли, автор показывает, как в условиях административно-командной системы это взаимодействие было деформировано, а воля предприятий подавлялась.

Заключая главу, автор отмечает: «В условиях рыночных отношений есть все основания для отказа от ограничения альтернативного выбора партнеров, а следовательно, — от свободного взаимного волеизъявления субъектов по заключению договоров, выбора их условий, выбора вариантов поведения. И не нужно будет ограничение в виде сложившихся связей, а в будущем и значительно сокращен госзаказ или утвердится его конкурсное принятие. Можно стимулировать желаемый вариант, но только стимулировать, хотя регуляция в начальный период неизбежна»[с. 65–66].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о перспективах развития договорной свободы в условиях рыночной экономики является научно обоснованной, методологически целостной и подтвержденной последующим развитием законодательства. Автору удалось не только сформулировать принципиальные положения о необходимости отказа от ограничений альтернативного выбора, замены принуждения стимулированием и эволюции государственного заказа, но и предложить разумный, эволюционный подход к их реализации, учитывающий неизбежность переходного периода. Особую ценность представляет прогностический характер авторских выводов. В.А. Ойгензихт предвидел основные направления развития договорного права в постсоветских государствах: отказ от принудительного прикрепления, расширение свободы выбора контрагентов, сокращение сферы государственного заказа, внедрение конкурсных процедур, замена административных методов экономическими стимулами. Эта прогностическая точность свидетельствует о глубине научного анализа и понимании автором объективных закономерностей развития правовой системы. В современных условиях, когда гражданское законодательство продолжает развиваться, а правоприменительная практика сталкивается с новыми вызовами (цифровизация экономики, развитие платформенной занятости, новые формы корпоративных отношений), теоретическое наследие В.А. Ойгензихта сохраняет свое значение. Его идеи о связи альтернативности и свободы договора, о необходимости замены принуждения стимулированием, о разумном балансе между государственной регуляцией и частной инициативой могут служить мето-

дологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Восьмая глава «Разрешено все, что...» [с.66-82] посвящена анализу принципа «дозволено все, что не запрещено», который автор считает одним из важнейших достижений перестройки и неотъемлемым признаком правового государства. Он детально разбирает различные формулировки этого принципа, встречающиеся в законодательстве конца 1980-х – начала 1990-х годов, и обращает внимание на опасность подмены «закона» более широким понятием «законодательство», что может свести на нет освободительный потенциал данного принципа.

Итогом главы становится следующий вывод: «Дело в том, что незапрещенное поведение не должно затрагивать права и интересы других лиц. Разрешение для одного может столкнуться с разрешением для другого, а это привести может к анархии, произволу, тупику. Так, например, действия соседа по квартире, не имеющие прямого запрета, могут задевать интересы другого жильца, но, в свою очередь, последний может совершать незапрещенные действия, ущемляющие интересы его соседа. Ни к чему хорошему это привести не может. Конечно, обоюдная свобода должна привести к свободному договору, к свободным отношениям, но не к ущемлению прав партнера, к любому произвольному поведению, раз нет запрета. Не может действовать указанный принцип общего дозволения для органов управления, вышестоящих органов в отношении предприятий, иначе каждый будет считать, что ему все разрешено коль скоро нет противоречия законодательству, нет запрета. В этом случае право предприятия может быть сведено «на нет» и вновь восторжествует командно-административная система. Недопустимо распространять такой! принцип на властные отношения должностных лиц, в первую очередь с гражданами. Это приведет к произволу, поэтому права этих органов, как и права органов хозяйственного управления, подчиняются разрешительному регулированию, они определяются специальной компетенцией. Все сказанное следует учитывать при выборе альтернатив правомерного поведения. Но палитра альтернатив в современных условиях достаточно широка»[с. 82].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о границах принципа «дозволено все, что не запрещено» и о субъектных ограничениях альтернативности является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики и общей теории права. Автору удалось не только сформулировать принцип широкой аль-

тернативности в сфере частного права, но и определить разумные пределы его действия, связанные с необходимостью защиты прав и интересов других лиц, а также с особым статусом властных субъектов. Особую ценность представляет авторское различие двух режимов правового регулирования: общедозволительного (для граждан и юридических лиц в сфере частного права) и разрешительного (для органов государственной власти и должностных лиц). Это различие, обоснованное В.А. Ойгензихтом, стало одним из краеугольных камней современного понимания правового государства и сохраняет свою актуальность в условиях любых политических и экономических систем, основанных на верховенстве права. В современных условиях, когда законодательство продолжает развиваться, а правоприменительная практика сталкивается с необходимостью защиты прав и интересов субъектов в условиях расширения свободы договора и предпринимательской инициативы, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости баланса между свободой и ответственностью, о субъектных ограничениях принципов правового регулирования, о недопустимости произвола даже при формальном отсутствии запретов могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Девятая глава «Альтернативы правоотношений собственности» [с.82-96] представляет собой анализ кардинальных изменений в праве собственности, происходивших в тот период. Автор рассматривает многообразие форм собственности (государственная, коллективная, кооперативная, частная) как проявление альтернативности. Особое внимание уделяется аренде государственного имущества и возможности выкупа, что в то время было новаторским и во многом экспериментальным способом разгосударствления. В.А. Ойгензихт не ограничивается простой констатацией законодательных новелл, но пытается осмыслить их в контексте своей основной идеи: выбор формы собственности – это важнейшая альтернатива, открывающаяся перед трудовыми коллективами и гражданами.

В заключении автор подводит вывод: «Итак, собственность граждан, трудовых коллективов, юридических лиц альтернативна. Возможен выбор ее различных видов и подвидов, причем именно в этой альтернативности видится перспектива развития экономики, решения многих экономических и социальных проблем. Без такой альтернативности немислим был бы переход к рынку»[с. 96].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта об альтернативности форм собственности как основе перехода к рыночной экономике является научно обоснованной, методологически целостной и полностью подтвержденной последующим развитием законодательства и экономики. Автору удалось не только обосновать необходимость многообразия форм собственности, но и показать, что подлинная альтернативность предполагает реальную возможность выбора для субъектов права, а само наличие такой альтернативы является необходимым условием экономического развития. Особую ценность представляет прогностический характер авторских выводов. В.А. Ойгензихт предвидел основные направления реформы отношений собственности в постсоветских государствах: легализацию частной собственности, развитие коллективных и кооперативных форм, создание акционерных обществ, приватизацию государственного сектора. При этом он не абсолютизировал какую-либо одну форму собственности, а исходил из необходимости их сочетания и возможности выбора, что соответствует лучшим мировым практикам и обеспечивает гибкость и устойчивость экономической системы. В современных условиях, когда перед постсоветскими государствами стоят новые вызовы (цифровая экономика, новые формы занятости, необходимость привлечения инвестиций, развитие инновационных секторов), теоретическое наследие В.А. Ойгензихта сохраняет свое значение. Его идеи об альтернативности форм собственности, о необходимости выбора между различными правовыми конструкциями, о функциональной роли права в экономическом развитии могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Десятая глава «Альтернативы обеспечения исполнения» [с.96-106] дает развернутую характеристику традиционных способов обеспечения исполнения обязательств (неустойка, залог, поручительство, задаток), а также обращается к таким специфическим средствам, как цена, кредит, меры поощрения. Автор убедительно показывает, что в условиях рыночной экономики арсенал обеспечительных средств должен быть расширен, а выбор между ними – предоставлен сторонам.

Завершая эту главу, автор подчеркивает: «Как видим, палитра способов обеспечения обязательств чрезвычайно разнообразна. Существует перспектива их расширения, что очень важно в условиях рыночной экономики. При этом нельзя не отметить, что в этих условиях новые обеспечительные меры должны включаться в максимально регулиру-

рованные договорные отношения. Обеспеченность исполнения норм — это свойство права, а в совокупности обеспечительных средств проявляется тенденция его развития. Принципиально важным в использовании института обеспечения является утверждение свободы выбора средств обеспечения, сокращение ограничения круга установленных мер, нормативное и договорное расширение как альтернативы, так и совокупности применения обеспечительных средств» [с. 105–106].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о свободе выбора способов обеспечения исполнения обязательств является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать принципиальные положения, определившие вектор развития института обеспечения в постсоветском гражданском праве: свобода выбора, расширение перечня обеспечительных мер, возможность их комбинирования, сочетание нормативного и договорного регулирования. Особую ценность представляет прогностический характер авторских выводов. В.А. Ойгензихт предвидел основные направления развития института обеспечения, которые впоследствии были реализованы в Гражданском кодексе Российской Федерации, Гражданском кодексе Республики Таджикистан и других постсоветских кодификациях. Принцип свободы выбора способов обеспечения, возможность использования непоименованных обеспечительных конструкций, широкое применение комбинированных обеспечительных мер – все это стало реальностью современного обязательственного права. В современных условиях, когда экономика становится все более сложной и динамичной, а потребности участников оборота в надежных обеспечительных механизмах возрастают, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о свободе выбора обеспечительных средств, о необходимости расширения их арсенала, о сочетании нормативного и договорного регулирования могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Одиннадцатая глава «Альтернативы договора» [с.106-116] посвящена анализу альтернатив в договорных связях, прежде всего в договоре поставки. Автор подробно разбирает положения о поставках 1988 года, показывая, как расширяются возможности выбора партнера, формы доставки, срока договора и т.д. Он не идеализирует новое законодательство, указывая на сохраняющиеся ограничения и противоречия, но в целом оценивает его как шаг вперед.

Автор приходит к важному выводу: «В подавляющем большинстве случаев свобода выбора договорной альтернативы одного субъекта ограничивается лишь такой же свободой другого субъекта. Но это важное и принципиальное ограничение, позволяющее утверждать о наличии консенсуальной свободы выбора, консенсуальной альтернативности, требующей обоюдного согласия, обоюдного волеизъявления. Конечно, свобода договорного выбора не должна игнорировать подлинные интересы, например, по формированию общесоюзного рынка, не учитывать необходимость стабилизации экономики, а значит сохранения сложившихся хозяйственных связей»[с. 116].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о сущности консенсуальной свободы выбора и пределах договорной альтернативности является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать ключевые принципы договорного регулирования, которые остаются фундаментальными для любой правовой системы, основанной на началах свободы договора и рыночной экономики. Особую ценность представляет введенное автором понятие «консенсуальной альтернативности», которое подчеркивает, что подлинная договорная свобода возможна только как результат согласования воли, как взаимное, а не одностороннее волеизъявление. Это положение имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку оно ориентирует правоприменителя на поиск баланса интересов сторон, на достижение соглашения, а не на одностороннее навязывание условий. В современных условиях, когда договорное регулирование становится все более сложным и дифференцированным, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о консенсуальной природе договорной свободы, о необходимости учета публичных интересов при определении ее пределов, о балансе свободы одного субъекта и равной свободы другого могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины. Они помогают сохранить понимание договора как инструмента согласования интересов, а не как средства подавления воли слабой стороны, что особенно важно в условиях современного рыночного оборота, где сохраняются риски злоупотребления экономической властью.

Двенадцатая глава «Хозяйственные договоры и альтернативные условия» [с.117-126] продолжает анализ договорной практики, но с акцентом на содержание договорных условий. Автор выступает против

излишней регламентации, за предоставление сторонам возможности самим определять ассортимент, сроки, порядок поставки и другие условия. Он предлагает ряд конкретных изменений в нормативные акты, регулирующие поставку, контрактацию, подряд на капитальное строительство, с тем чтобы расширить альтернативные возможности сторон.

Итогом главы становится следующий вывод: «Стороны могут избрать поставку продукции и товаров более высокого качества, чем определено в стандартах. И здесь есть альтернативный подход. В договоре могут устанавливаться гарантийные сроки, если они не установлены, они могут по согласованию сторон быть более длительными, чем в стандартах или технических условиях. К сожалению, на это, как и на установление односторонней приемки, изготовители не идут. А ведь это утверждение престижа предприятия, возможность увеличения цены, авторитет продукции. В условиях рыночной экономики выбор такой альтернативы будет, видимо, более реальным»[с. 123].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта об альтернативности в определении качества продукции и гарантийных сроков является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современного договорного права. Автору удалось не только обосновать возможность и целесообразность установления в договоре требований, превышающих стандартные, но и показать экономическую выгоду такого подхода для производителей, а также его значение для развития рыночных отношений в целом. Особую ценность представляет авторский акцент на том, что установление повышенных требований к качеству и удлиненных гарантийных сроков – это не просто юридическая возможность, а важный инструмент повышения конкурентоспособности, укрепления деловой репутации и роста авторитета предприятия. В.А. Ойгензихт, по сути, призывает производителей использовать договорную свободу не для минимизации своих обязательств, а для завоевания доверия потребителей и создания конкурентных преимуществ. В современных условиях, когда вопросы качества продукции и защиты прав потребителей приобретают все большее значение, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта сохраняет свою актуальность. Его идеи о договорном установлении повышенных требований к качеству, о значении гарантийных сроков как инструмента доверия, о связи качества, цены и конкурентоспособности могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития правоприменительной практики. Они также могут быть полезны для пред-

принимателей, стремящихся к построению устойчивого бизнеса, основанного на репутации и доверии потребителей.

Тринадцатая глава «Права, обязанности, альтернативы» [с.126-144] представляет собой своего рода каталог альтернативных норм, разбросанных по различным институтам гражданского права: купля-продажа, наем, подряд, поручение, комиссия, хранение, страхование, авторское и наследственное право. Автор демонстрирует поразительную эрудицию, скрупулезно выявляя в законодательных текстах те положения, которые предоставляют субъектам права выбор. Этот анализ имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, показывая правоприменителю скрытые резервы диспозитивности в, казалось бы, детально урегулированных отношениях.

Обобщая этот обширный материал, автор подчеркивает: «Рыночные отношения несомненно приведут к расширению страхования и, прежде всего, коммерческих рисков. Конкуренция страховых организаций приведет к альтернативности условий, льгот, в том числе расширения за счет взносов превентивных мероприятий и т. п. Но пока еще в большей степени можно говорить о перспективах таких альтернатив, чем об их реальности, хотя практика уже знает факты страховых альтернатив и конкуренции. Полагаем, что следует допустить такую альтернативу и в отношении страхования государственных предприятий, дать им возможность выбирать страховую организацию. Демократичней предоставить им право на добровольное страхование, отказавшись от его обязательности, как это сделано в отношении колхозов. Но вопрос этот дискуссионный»[с. 136].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о развитии страхования и альтернативности в страховых отношениях является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современного страхового права. Автору удалось не только предвидеть основные тенденции развития страхового рынка в условиях рыночной экономики, но и сформулировать принципиальные положения о необходимости конкуренции страховщиков, альтернативности страховых условий, свободе выбора страховой организации для всех субъектов гражданского оборота. Особую ценность представляет авторский подход, сочетающий признание необходимости развития страхового рынка с пониманием сложности и дискуссионности многих вопросов. В.А. Ойгензихт не предлагает упрощенных решений, а указывает на необходимость взвешенного подхода, учета как экономической целесообразности, так и требований

защиты публичных интересов. Его идеи о разумном сочетании обязательного и добровольного страхования, о конкуренции как двигателе альтернативности, о праве выбора страховой организации для всех субъектов могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования страхового законодательства. В современных условиях, когда страховой рынок постсоветских государств прошел длительный путь развития, столкнувшись как с успехами, так и с кризисными явлениями, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости конкуренции, альтернативности, свободе выбора, но при этом о разумных пределах государственного регулирования, сохраняют свою актуальность для поиска оптимальной модели страхового рынка, способного эффективно защищать интересы как предпринимателей, так и граждан.

Четырнадцатая глава «Альтернативы ответственности» [с.144-160] посвящена одной из самых сложных и дискуссионных проблем цивилистики. В.А. Ойгензихт отталкивается от множественности теоретических подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности и показывает, как эта теоретическая альтернативность влияет на практику. Он анализирует соотношение ответственности и реального исполнения, ответственности и мер защиты, ответственности и мер оперативного воздействия. Аргументированно доказывая, что реальное исполнение, меры защиты и оперативные санкции могут выступать в качестве альтернативы ответственности, автор расширяет представление о правовых средствах воздействия на нарушителя.

В заключение главы автор формулирует вывод, имеющий не только теоретическое, но и важное практическое значение: «Сегодня нужно отметить и то, что участники хозяйственных отношений не могут не учитывать наступления непредвиденных результатов, следствием которых возможно применение ответственности. В рыночных отношениях поведение альтернативно, но выбор должен быть взвешенным, продуманным, чтобы свести к минимуму «коммерческий риск». Коль скоро мы вновь коснулись рыночной экономики, нельзя не сказать о том, что в стимулировании исполнения обязательств наряду с ответственностью большую роль могут сыграть договорные льготы, меры поощрения. Стороны свободны при заключении договора альтернативно решить вопрос о применении в целях стимулирования исполнения ответственности или мер поощрения, или сочетания этих мер»[с. 160].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о соотношении ответственности и мер

поощрения в стимулировании исполнения обязательств является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось не только обосновать необходимость расширения арсенала средств воздействия на участников хозяйственных отношений, но и показать, что подлинная эффективность правового регулирования достигается не только через наказание нарушителей, но и через создание позитивных стимулов для добросовестного поведения. Особую ценность представляет авторский подход, органично сочетающий признание необходимости ответственности с обоснованием важности мер поощрения, свободы выбора с ответственностью за этот выбор, альтернативности с взвешенностью и продуманностью решений. В.А. Ойгензихт, по сути, предлагает модель правового регулирования, в которой государство не только устанавливает запреты и санкции, но и создает условия для добровольного, заинтересованного поведения участников оборота. Эта модель в полной мере соответствует современным представлениям о правовом государстве и рыночной экономике. В современных условиях, когда перед правовой системой стоят задачи не только обеспечения законности, но и стимулирования экономического развития, поддержки предпринимательской инициативы, создания благоприятного инвестиционного климата, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости сочетания ответственности и поощрения, о свободе сторон в выборе средств стимулирования, о взвешенности и продуманности выбора в условиях коммерческого риска могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития правоприменительной практики.

Монография В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве» завершается развернутым заключением на таджикском языке, которое не является простым повторением ранее изложенных положений, а представляет собой синтез основных идей исследования и определение стратегических направлений развития гражданско-правового регулирования в условиях перехода к рыночной экономике. Автор подчеркивает, что переход к рыночным отношениям требует коренных преобразований в правовом регулировании, которые должны осуществляться по двум основным направлениям: во-первых, усиление защиты прав граждан и их имущественных интересов; во-вторых, обеспечение свободы договора, развитие конкуренции, недопущение монопольного диктата и повышение договорной дисциплины. Эти два направления, по мысли автора, не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, образуя еди-

ную концепцию правового регулирования в условиях рыночной экономики.

В заключении подводится итог проведенному в четырнадцати главах исследованию. Автор последовательно обобщает основные выводы по каждой из глав: от этимологического анализа понятия «альтернатива» и обоснования выделения альтернативных норм, через исследование альтернативных обязательств и роли компромисса и консенсуса в договорных отношениях, до анализа альтернатив в праве собственности, способах обеспечения исполнения обязательств и мерах ответственности. Особое внимание уделяется принципу «разрешено все, что не запрещено законом» как фундаментальной основе правового государства и необходимости учета моральных и нравственных критериев при выборе альтернатив правомерного поведения.

Важное место в заключении занимает анализ альтернатив в праве собственности. Автор подчеркивает, что развитие многообразия форм собственности (государственной, коллективной, кооперативной, индивидуальной, фермерской, акционерной) и возможности выбора между ними являются необходимым условием перехода к рынку. Особо выделяется роль аренды как альтернативы праву полного хозяйственного ведения и возможности приватизации государственного имущества. Автор также обращает внимание на альтернативные возможности для граждан в сфере собственности, включая создание малых предприятий, индивидуальную трудовую деятельность и участие в коллективной собственности. В заключении подчеркивается, что альтернативность в договорных отношениях, в установлении условий хозяйственных договоров, в выборе способов обеспечения исполнения обязательств и форм ответственности является не просто теоретической конструкцией, а практической необходимостью, обусловленной требованиями рыночной экономики. Автор обосновывает необходимость расширения диспозитивных начал, перехода от императивного регулирования к рекомендательному, замены принуждения стимулированием.

Особое значение придается роли компромисса и консенсуса в договорных отношениях. В.А. Ойгензихт подчеркивает, что в условиях рыночной экономики стороны должны научиться договариваться, находить взаимоприемлемые решения, уважать интересы друг друга. Принудительное установление условий договора должно быть сведено к минимуму, а роль суда и арбитража – сводиться к содействию в достижении соглашения, а не к навязыванию воли. Завершая работу, автор обращается к читателю с важным посылом: альтернатива прочно вошла в

нашу жизнь, и очень важно при ее избрании не ошибиться. Автор сознательно избрал не примитивное изложение проблемы, а серьезный разговор, основанный на глубоком теоретическом анализе. Дискуссия, полемика, поиск истины – это необходимые условия движения вперед, развития правовой мысли и совершенствования законодательства. Заключение монографии не только подводит итог исследованию, но и задает вектор дальнейшего развития гражданско-правовой науки и законодательства. Основная идея заключения – альтернативность как принцип правового регулирования, обеспечивающий свободу выбора, учет интересов сторон, гибкость и эффективность правовых механизмов в условиях рыночной экономики, должна стать фундаментом для построения правового государства и цивилизованного рынка.

Таким образом, монография В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве» представляет собой фундаментальное научное исследование, в котором автору удалось решить сложную задачу: на основе единого методологического подхода, в качестве которого выступает категория альтернативности, дать развернутый анализ широкого круга институтов гражданского права – от общих положений о нормах права до конкретных договорных конструкций и мер ответственности. Работа отличается оригинальностью замысла, глубиной проработки материала, широтой использованных источников (от классических трудов по римскому праву до новейших для того времени законодательных актов) и смелостью выводов. Автор не ограничивается комментаторством, а последовательно отстаивает свою концепцию, вступая в полемику с оппонентами и предлагая конкретные пути совершенствования законодательства.

Особо следует отметить, что каждый раздел монографии завершается четко сформулированными выводами, которые не только подводят итог анализу, но и задают направление для дальнейших исследований. Эти выводы, как показано выше, охватывают широкий спектр проблем: от философского осмысления природы выбора до конкретных предложений по изменению нормативных актов. Несмотря на то, что нормативная база, на которой построено исследование, утратила силу, теоретическая значимость работы остается высокой. В.А. Ойгензихт убедительно показал, что альтернативность – это не частная особенность отдельных институтов, а фундаментальное свойство гражданско-правового регулирования, которое получает все большее значение по мере развития рыночной экономики и правового государства. Его рабо-

та вносит вклад в развитие учения о методе гражданского права, о диспозитивных нормах, о договоре, об ответственности.

Монография «Альтернатива в гражданском праве» может быть рекомендована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также всем, кто интересуется проблемами гражданского права и его развитием. Она является ценным вкладом в отечественную цивилистику и сохраняет свое значение как образец глубокого, проблемно-ориентированного исследования. Считаю, что монография В.А. Ойгензихта заслуживает высокой положительной оценки и остается востребованной в научном и образовательном процессе.

**V. ҚОИДАҲО БАРОИ МУАЛЛИФОН
V. ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ**

Порядок рецензирования статей, предоставляемых в научно-информационный журнал «Правовая жизнь»

1. В журнале «Правовая жизнь» печатаются статьи, являющиеся результатом научных исследований по юридическим наукам.

2. Статьи принимаются к печати по рекомендации одного из членов редколлегии в соответствии с настоящими правилами.

3. Объем статьи не должен превышать одного п. л. (до 16 страниц) компьютерного текста, включая в этом объеме рисунки, таблицы, графики, текст аннотации и ключевые слова. Объем аннотации – не более 0,5 страницы. Три рисунка считаются за одну страницу.

4. К статье прилагаются направление от организаций (для внешних авторов), рецензия соответствующего отдела, аннотации и ключевые слова (на таджикском, русском и английском языках) в двух экземплярах, с указанием названия статьи, инициалов и фамилии автора (авторов).

5. Статьи принимаются по одному экземпляру в текстовом и электронном вариантах. Статья должна быть напечатана на компьютере с одной стороны листа через 1,5 (полуторный) интервал. Слева от текста следует оставлять поля (4 см.). Страницы должны быть пронумерованы.

6. В конце статьи после текста и аннотации дается список использованной литературы, слева указываются название учреждения, представляющего статью, сведения об авторе (авторах), а также телефон и подпись.

7. При оформлении списка использованной литературы следует указать:

а) для книг – фамилию и инициалы автора (авторов), полное название, место издания, издательство, год издания, номер тома, страницу;

б) для журнальных статей и сборников – фамилию и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала или сборника, год издания, номер и страницу (для сборника). При повторной ссылке на литературу допустимы общепринятые сокращения.

8. К имеющимся в тексте таблицам необходимо отпечатать дубликаты и приложить к статье с указанием страницы, к которой таблица относится.

9. В случае возвращения статьи автору (авторам) для существенных исправлений или для ее окончательного редактирования автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи.

10. Редакция оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописей.

11. Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

12. Статьи, не соответствующие настоящим правилам, не принимаются.

13. Статьи, поступающие в редакцию, проходят предварительную экспертизу (проводится членами редколлегии – специалистами по соответствующей отрасли науки) и принимаются в установленном порядке. Требования к оформлению оригинала статей приводятся в «Правилах для авторов», публикуемых в каждом номере журнала. Если рукопись принята, то редакция сообщает автору замечания по содержанию и оформлению статьи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование. Затем статьи рецензируются в обязательном порядке членами редколлегии журнала или экспертами соответствующей специальности (кандидатами и докторами наук).

14. Рецензия должна содержать обоснованное перечисление качеств статьи, в том числе научную новизну проблемы, ее актуальность, фактологическую и историческую ценность, точность цитирования, стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление ее недостатков. В заключение дается общая оценка статьи и рекомендации для редколлегии – опубликовать статью, опубликовать ее после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике или отклонить. Объем рецензии – не менее одной страницы текста.

15. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. После доработки статья повторно рецензируется, и редколлегия принимает решение о ее публикации.

16. Статья считается принятой к публикации при наличии положительной рецензии и в случае ее поддержки членами редколлегии. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от даты поступления ее окончательного варианта. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии статей для своих нужд. Рецензенты, а также члены редколлегии не имеют права использовать в собственных интересах информацию, содержащуюся в рукописи, до ее опубликования.

17. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи; распространение экземпляров статьи любыми способами.

18. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий с положительным заключением, замечаниями и необходимостью доработать статью или мотивированный отказ.

19. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5-ти лет.

20. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

ҲАЁТИ ҲУҚУҚӢ
ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ
№ 1 (53)
2026

Главный редактор: Ш. К. Гаюрзода
Зам. главного редактора: Дж. З. Маджидзода
Отв. секретарь: А. М. Диноршоҳ

Сдано в набор 17. 04. 2026 г. Подписано в печать 23. 04. 2026 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Усл. п. л. 16,75.
Заказ № 3. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ТНУ
г. Душанбе, Буни Хисорак, здание 14.